

ПОЛЬ АЛЬТЕР

СЕМЬ ЧУДЕС
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

чай, кофе
и убийства

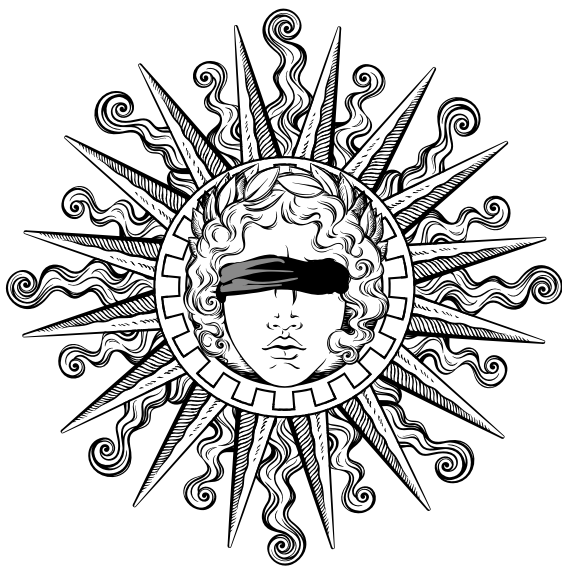
ПОЛЬ АЛТЕР

чай, кофе
и убийства

ПОЛЬ АЛЪТЕР

СЕМЬ ЧУДЕС
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
А58

Серия «Чай, кофе и убийства»

Paul Halter

LES SEPT MERVEILLES DU CRIME

Перевод *Л. Боровиковой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Печатается с разрешения Lester Literary Agency.

Альтер, Поль.

А58 Семь чудес преступления : [роман] / Поль Альтер ; [пер. с фр. Л. И. Боровиковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-105954-5

Смотритель маяка сожжен заживо наверху башни, вокруг которой бушевало море...

Любитель стрельбы из лука убит стрелой, посланной с неба...

Мужчина умер от жажды в нескольких сантиметрах от кувшина с водой...

В этих преступлениях так много тайн и загадок, что даже лучшие сыщики Скотленд-Ярда разводят руками и причисляют убийства к разряду невероятных.

Сам убийца не менее оригинален. Он присылает в полицию картины, на которых сообщает о готовящихся преступлениях. Каждое убийство — это шоу, заранее спланированная мизансцена, автор которой всегда неукоснительно исполняет свои обещания, данные на холстах. Каждый раз, располагая датой, местом или именем жертвы, Скотленд-Ярд оказывается не в состоянии предотвратить трагедию.

Сыщики обращаются за помощью к Оуэну Бернсу — талантливому детективу, обладающему незаурядными дедуктивными способностями и очень развитой интуицией. Оуэн, будучи настоящим эстетом, восхищен искусством преступника. Он принимает этот вызов и пытается разгадать как логические, так и искусствоведческие загадки убийцы.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Paul Halter et Editions du Masque — Hachette
Livre, 1997

© Paul Halter, 2007

© Перевод. Л. Боровикова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105954-5

*Посвящается Мари-Франсуаз
П.А.*

Часть первая

ИКАР

Глава 1

— *Вы меня любите? Это радует. Ну, а теперь убейте!* — внезапно заявил мой собеседник.

В этот прохладный и влажный вечер начала мая я отправился к моему другу Оуэну Бернсу, в его квартиру на Сент-Джеймс-сквер. Устроившись возле камина, мы оба угрюмо погрузились в собственные мысли. Целый день сильный дождь поливал Лондон, и ничего не предвещало его прекращения. Дух бродяжничества унес меня в Южную Африку, и я не без ностальгии вспоминал приятный климат своей родины. Мне было так хорошо, что понадобилось несколько секунд, чтобы уловить странный смысл замечания Оуэна. Чуть приподнявшись в кресле, я повернулся к нему, ожидая объяснений.

Облокотившись на каминную полку, мой друг задумчиво рассматривал листок белой бристольской бумаги, осторожно держа его двумя пальцами.

— Это принесли с вечерней почтой, — уточнил он, потирая подбородок.

— И это... все? — пробормотал я. — Все, что там написано?

— Да, все. Только эта фраза. И больше ни одного слова, если не считать моей фамилии и адреса на конверте. Почтовый штамп сообщает, что

Семь чудес
преступления

письмо отправлено ранним утром из почтового отделения недалеко от вокзала Виктория.

— И никакого начала? Ни обратного адреса, ни подписи?

— Ничего, я же говорю. Ничего, кроме этой фразы, впрочем, очень изящной, конкретной и довольно понятной... Ах! Не могу удержаться, чтобы не процитировать еще раз: *«Вы меня любите? Это радует...»*

По своему обыкновению, Оуэн Бернс выражался весьма высокопарно, что граничило почти с нелепостью, вовсе ему несвойственной. Казалось, он смакует каждый произнесенный слог, как будто пьет божественный нектар. Загадочная фраза, очевидно, казалась ему особенно сладостной. Несомненно, неизвестный автор послания сильно позабавился бы, глядя, как Оуэн в малиновом шелковом халате декламирует несколько слов. Высокого роста, плотного телосложения, мой друг выглядел весьма импозантно, рисуясь этим. Полные губы и тяжелые веки придавали томное выражение его лицу, впрочем, довольно обычному. Но взгляд оставался живым и лукавым.

Те из вас, кто читал описание его подвигов, изложенных мною в рассказе *«Король беспорядка»*, хорошо знаком с эксцентричной натурой Оуэна, и знает, что он — эстет, исповедующий тезис «искусство ради искусства» в его высшей утонченности. Цель его существования — поиск прекрасного во всех областях жизни, в том числе в блестяще совершенных преступлениях! Нередко опираясь на отдельные детали, Оуэн любил сравнивать некоторые убийства с произведениями искусства. «Тонкое чувство прекрасного» позволяло ему сразу распознавать «тех самых художников», которых он неизменно разоблачал, устанавливая их личности. Надо сказать, полиция всегда с живым интересом выслуши-

вала его ценнейшие советы, когда застревала в процессе расследования крайне запутанного дела.

— Как вы думаете, Ахилл, — повторил он, — что означает эта фраза?

— Если *даже вы* этого не знаете, то какого черта хотите, чтобы знал я, ваш заурядный ученик?

— Я просто интересуюсь вашим мнением, Ахилл. И бросьте эту гадкую привычку горячиться, когда сталкиваетесь с малой толикой тайны!

— Я горячусь?! Да я всего лишь хотел самым естественным образом ответить на ваш вопрос! — воскликнул я.

— Тогда скажем, что вы недалеки от этого. В вашем голосе слышалась легкая досада с прорывающейся ноткой воинственности. Я очень хорошо это чувствую. Не говоря уже о совершенно лицемерной манере самоуничужения. Конечно, вы мой ученик, но не такой уж и заурядный. И хватит увиливать. Ну же, посмотрите сюда и скажите, что вы об этом думаете.

Не говоря ни слова, я взял листок бристольской бумаги, который он протянул мне с такой осторожностью, как будто это была одна из его китайских фарфоровых безделушек. После долгого осмотра я сделал вывод:

— Буквы прописные... Достаточно светлые голубые чернила... Стиль одновременно живой и туманный... Возможно, это писала женщина?

— Не играйте в проницательного детектива, Ахилл. Это вам совсем не идет. К такому выводу вас привела одна фраза, а вовсе не результат тщательного осмотра!

— Вас интересовало мое впечатление, ну так я его высказал! Стараясь быть объективным и беспристрастным, я думаю, что это написала женщина! Женщина, которая перед тем, как расстаться

с вами, требует в качестве доказательства любви совершения преступления и готова стать его жертвой!

Оуэн на мгновение задумался, затем сделал несколько шагов перед камином, а потом наградил меня взглядом, выражающим сомнение:

— Вы действительно так думаете? Или сказали это, чтобы доставить мне удовольствие?

Сияясь быть спокойным, я ответил:

— Ну, я не вижу, в чем...

— В любом случае, это сообщение адресовано не мне.

— Однако на конверте ваша фамилия и адрес!

— Конечно. Но я не «Вы», который «Вы меня любите?»

— Ну, в таком случае вы знаете автора этого послания?

Оуэн казался озабоченным. Он сжал губы и дошел до буфета, где был выставлен его знаменитый китайский фарфор.

— Думаю, у меня появилась смутная идея. Правда, она мне кажется настолько абсурдной, что... В общем, не будем пока об этом. Я не должен надоедать вам такими пустяками. И все же спасибо за ваше ценное мнение.

Он еще раз бросил взгляд на записку, затем направился к письменному столу, заваленному множеством неоплаченных счетов, — осязаемым доказательством того, что траты моего друга превышали имевшиеся у него средства. Оуэн с презрением порылся в них и, обескураженный, вернулся обратно. Остановившись у книжного шкафа, он достал с полки книгу, сунул в нее записку и поставил книгу на место. Прделав это, он лениво развалился в кресле и устремил задумчивый взгляд на каминную полку, где стояли прелестные статуэтки

девяти греческих богинь, сделанные из мыльного камня, — недавнее приобретение, которым, как мне казалось, он очень гордился.

Довольно долго мы слушали монотонное потрескивание огня и стук дождя по стеклам. Иногда тишину нарушал звон упряжи проезжающего фиакра. А мне не давал покоя один вопрос. Пустяковый вопрос, который не имел бы ни малейшего значения, если бы был обращен к любому жителю планеты: какую книгу выбрал Оуэн, чтобы положить в нее таинственную записку? Я находился слишком далеко, чтобы увидеть это. Конечно, он выбрал книгу намеренно. Дом всегда немного отображает того, кто в нем живет: книга, выбранная Оуэном, могла бы указать мне на то, что он решил не рассказывать по поводу этой записки. Я немного подождал, а затем, приняв совершенно отрешенный вид, спросил об этом у него, так как сильно подозревал, что порой мой друг находил удовольствие в молчании как раз в тот самый момент, когда я искал возможность удовлетворить свое любопытство по какому-либо вопросу.

Оуэн повернулся ко мне и сказал, забавляясь и насмешничая:

— Неужели вы не догадались? Это же вполне логично. Если бы вы несколько раз повторили фразу, как это сделал я, то поняли бы, что я не мог положить записку в какую-нибудь другую книгу, кроме... Вы молчите, Ахилл? Вы так же скупы на слова, как и муравей из басни?..

— «Басни» Лафонтена! — воскликнул я. Вы положили записку в эту книгу!

— Bravo, Ахилл. Живость вашего ума останется для меня одной из главных загадок вселенной! Разумеется, «Басни» Лафонтена! Вы, конечно, не за-

были неизменно злободневные стихи этого великого поэта. Решительный тон и жестокая насмешка муравья над бедной стрекозой: «Ну, а теперь походи и попляши!» Да, конечно, какой великий художник, этот Жан де Лафонтен! Поверьте мне, если бы у него был хороший или плохой вкус к преступлениям, король-солнце, несомненно, опасался бы сюжетов его басен!

— На мой взгляд, столь художественная оценка преступлений стала у вас чересчур навязчивой, — заметил я без тени насмешки.

— И не без причины! Так как порода аристократов преступления неистребима! Вы читали журналы за прошлый месяц? Удар за ударом. Полиция занималась двумя завораживающими, необыкновенными преступлениями! В первом случае человек, как факел, сгорел на самом верху маяка! Во втором — лучник идеально точно застрелен каким-то убийцей стрелой из арбалета!

Напыщенные выражения моего друга ничего не раскрывали в тайне этих двух преступлений. О первом, которое датировалось прошлым месяцем, у меня осталось довольно отчетливое воспоминание, после того как я прочитал в прессе заметку о собранных фактах. Жертва, некий Александр Райли, смотритель маяка, нашел ужасную смерть прямо на рабочем месте, на западном берегу, недалеко от Барнстапла. Плохие метеоусловия заставили его провести всю ночь на самой верхушке этого узкого строения. Такая длительная изоляция не являлась чем-то особенным и составляла часть его служебных обязанностей.

Событие произошло через двенадцать часов после того, как он появился на своем рабочем посту, на прочном гранитном маяке, возвышающемся на оконечности каменной гряды, которая вы-

давалась далеко в море. Между скользкими скалами вилась узкая и очень опасная тропа. Неосторожных путников, смытых предательской волной, было не счесть. Особенно неразумно было ходить там в сильный шторм, как в тот самый день...

Как только стемнело, покой обитателей соседнего городка был нарушен тревожными криками, доносящимися издалека. Выскочившие из домов люди сразу же увидели на самой верхушке маяка человека, превратившегося в горящий факел. Он вопил, как безумный, и отчаянно звал на помощь, махая руками на верхнем парапете сооружения.

Жителей городка отделяло от маяка около двухсот метров, и в темноте они не могли точно определить, действительно ли это Александр Райли. Самым ужасным было то, что им не удалось прийти ему на помощь. Море, бушующее под сильнейшими порывами ветра, перекрывало доступ к маяку по дороге среди скал. Добраться до маяка морским путем тоже было невысказано. Пришлось ждать утра следующего дня, чтобы лицезреть ужасное состояние несчастного, «сгоревшего в ночи, словно он сам был маяком», по выражению одного свидетеля. Двум молодым и отважным полицейским удалось добраться до места события по немного успокоившемуся морю. Поднявшись на самый верх по винтовой лестнице, ведущей к фонарю маяка, они обнаружили, что входная дверь заперта снаружи, ключ еще торчал в замочной скважине, что таким образом исключало версию о несчастном случае: кто-то умышленно запер несчастного Райли! Они нашли обуглившиеся останки там, где он был замечен, то есть у края каменных перил, с внешней стороны будки с рефлектором. Но не удалось найти ни малейших следов убийцы в этом месте, отнюдь

не предполагавшем возможности какого-либо укрытия. Следователи довольно легко определили причину смерти. Следы горючего были обнаружены на части карниза, у входа в комнатку смотрителя и на жертве. Таинственный злоумышленник, судя по всему, обрызгал смотрителя керосином. Бак с горючим, поддерживающим огонь маяка и его системы освещения, был найден в исправном состоянии, но не исключавшем возможности утечки легковоспламеняющейся жидкости, случайно подожженной окурком несчастного смотрителя, который и правда был заядлым курильщиком. Единственные особые улики — три пустые бутылки из-под виски — найдены недалеко от жертвы. Всем известно, что Райли был не только заядлым курильщиком, но и большим любителем выпить, однако такое количество бутылок казалось чрезмерным для тех нескольких часов, которые он провел наверху.

Кроме того, полиция была более или менее осведомлена об этом событии анонимной запиской, сообщавшей о странном преступлении, которое должно было быть совершено в тот самый день. В полиции это сообщение получили утром в день убийства. Значит, предумышленное убийство совершено преступником, уверенным в своем деле, но, что особенно важно, умеющим плавать или летать. И действительно, *только существо с крыльями или чувствующее себя как рыба в бушующем море, было способно покинуть место преступления в момент его совершения.*

Да и до этого маяк оставался недоступным после полудня, все свидетели утверждали: никто не смог бы проплыть или пройти по тропинке среди скал при разбушевавшемся море. После трагического события подходы к маяку находились под постоянным наблюдением нескольких свидетелей,

а затем и полиции, ожидавшей первого затишья, чтобы добраться до места преступления. Другими словами, на протяжении восьми часов до и после смерти Райли *никто, абсолютно никто не смог бы добраться до этого места или покинуть его!*

Гипотеза об адской машине, действующей с помощью часового механизма, могла бы быть подкреплена какой-нибудь уликой, найденной на месте трагедии. Но там ничего не обнаружили. Кроме того, следствие показало, что жертва не была ни оглушена, ни связана, ни прикована. Следовательно, в момент возгорания она была свободна в своих действиях. У Александра Райли не было ни долгов, ни наследства, ни смертельных врагов. Он был одним из тех симпатичных старых холостяков, жизнерадостных и любивших поболтать, компанию которого ценили все. Мотив убийства оставался таким же таинственным, как и способ, которым действовал убийца.

Невольно я поделился с Оуэном своими соображениями о различных фактах этого дела. Когда я закончил, он изобразил забавную улыбку удовлетворения.

— Великолепное преступление, не так ли?

— Скажем, весьма удивительное...

— Удивительное? — воскликнул он. — Гораздо больше, чем удивительное! Потому что никакое разумное объяснение не может считаться удовлетворительным! Удивительное? Вы хотите сказать, невозможное, да? Это настоящее «невозможное» преступление!

Исключительно из духа противоречия я счел необходимым умерить его энтузиазм.

— Теоретически, да, — отозвался я, прочищая горло, — поскольку остается возможность самоубийства, такая же невероятная.

— Жертвоприношение огнем? Несчастный мог бы с большим успехом броситься с маяка! Вы забыли также о сообщении, отправленном в полицию! Такой способ самоубийства жесток сам по себе, а добавьте к этому громкие крики о помощи, это что, желание жертвы выдать суицид за убийство?! Лично я не знал этого храброго Райли, но, честно говоря, судя по описанию, плохо представляю, как можно организовать такую рискованную аферу! А затем, мой дорогой, вы забыли про ключ! Ключ, обнаруженный с внешней стороны двери, единственного выхода, ведущего на самый верх маяка. И здесь полная невозможность для Райли запереть самого себя снаружи, с другой стороны! Вы же сами сказали об этом!

Я молча согласился, проклиная себя за собственное легкомыслие. Исполненный непонятной радости, Оуэн яростно помешивал кочергой жар в камине:

— В самом деле, вы знаете, какое сообщение убийца отправил в полицию?

Я признался в своем неведении, уточнив, что об этом ничего не говорилось в прочитанной мной статье.

— Верно, — бросил Оуэн. — Пресса очень мало выяснила об этом деле. Теперь я знаю о нем больше, чем вы, получив справку от одного из моих друзей в полиции. Вот что там было: «АЛЕКСАНДР .А... БУДЕТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЖЕРТВОЙ ПЛАМЕНИ! ЭТИМ СМОЖЕТ ВОСХИЩАТЬСЯ ВЕСЬ МИР! ОН СТАНЕТ МАЯКОМ, СОЛНЦЕМ МОРЯ!» Обратите внимание на букву «А», вторую букву фамилии «Райли», но любопытно, что остальные буквы были заменены точками. Как бы то ни было, это сообщение оказалось слишком заумным для полицейских. Они практически не придали ему значения, думая, что имеют дело с каким-то любителем дурных шуток. По крайней мере до того мо-

мента, когда узнали об убийстве смотрителя маяка по имени Александр Райли. И стало очевидно, что они больше не могли сомневаться в смысле этих слов!

— ...«Жертва пламени», — повторил я, — не отрывая взгляда от яркого огня, трепетавшего в камине, и представляя последние мгновения несчастного. «Он будет маяком, солнцем моря». Действительно, нет ни малейшего сомнения в смысле этого послания. Признаю, что это дело — одно из самых загадочных!

— Но это еще не все, — добавил Оуэн, улыбаясь. — Сообщение написано не на бумаге, а на холсте, натянутом на подрамник!

Подобно живописцу, таинственный отправитель начертал свое послание маслом на холсте, кистью, заглавными буквами! Теперь вы понимаете, почему я в определенных обстоятельствах позволяю себе говорить о художнике?

— Сообщение, начертанное на холсте? — воскликнул я, все больше удивляясь.

— И, пожалуйста, живопись совсем свежая! Кажется, констебль, открывавший тщательно упакованный пакет, измазал в краске все пальцы!

— Но ведь это... это, — бормотал я, не находя слов.

— *Прекрасно!*

— Нет, отвратительно!

Оуэн пожал плечами:

— Это вопрос точки зрения. Как бы то ни было, двумя неделями позже Скотленд-Ярд получил вторую «картину», на которой было начертано кистью: «МИСТЕР ...А. ПОГИБНЕТ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. СМЕРТЬ НАСТУПИТ ОТ СТРЕЛЫ, ПРИЛЕТЕВШЕЙ С НЕБА». Как и в предыдущем случае, живопись была еще свежа... и убийца выполнил свое обещание. Потому что, как вы знаете,

мистер Томас погиб ранним утром следующего дня, в указанный час. Но позвольте мне напомнить вам обстоятельства этого убийства, может быть, еще более удивительного, чем убийство Александра Райли...

Глава 2

— Я спрашиваю себя, — вновь заговорил Оуэн, — не был ли убийца, совершая свое злодеяние, вдохновлен Талией...

— Талией? — осведомился я, — а кто это?

Погрузившись в созерцание статуэток на каминной доске, Оуэн внезапно повернулся ко мне с удивленным видом:

— Как, вы не знаете Талию?

— Одна из ваших знакомых, я полагаю? — рискнул предположить я, улыбнувшись и пытаюсь смягчить его все более скептический и суровый взгляд, обращенный ко мне. — Одна из молодых и хорошеньких художниц, которыми вы восхищались, — как совершенством их произведений, так и их...

— Знаете, что в вас самое обаятельное, Ахилл? — снисходительно и насмешливо прервал меня он. — То, что вам удастся быть глупцом, говоря чистую правду. Талия — действительно прелестная молодая девушка, в сущности, художница, а значит, одна из моих подруг... Но вы совершенно не знаете, кто она, так ведь?

— Положим, так! — отозвался я, раздраженный его тоном и укоризненным взглядом. — Я не знаю, кто такая Талия, совершенно не знаю! Это преступление?

— Боже мой, Ахилл! — серьезно произнес он, опуская голову. — Смотрите... вот она. (Оуэн с уси-

лием поднял руку, указывая на одну из статуэток.) Она держит маску и пастуший посох... Это муза, возглавляющая сельские маскарады и комедии, что и вызвало мое замечание по поводу этой блестящей «комедии» убийцы в сельском убранстве...

— Муза? — проговорил я, разглядывая Талию и ее соседок. — Но скажите, эти девять статуэток и есть девять муз, девять греческих богинь, вдохновляющих тех, кто занимается искусством?

Оуэн поднял голову, и я увидел его изменившееся лицо.

— Как? Вы не знали этого? Вы их не узнали?

— Хм-м... Нет... Вы мне об этом никогда не говорили!

Он что-то забормотал, еще больше расстроившись:

— И вы даже не замечали предметов, которые держат эти прелестные девушки? Флейту? Лиру? Глобус? Компас? Свитки папируса? Кифару?..

— Несомненно, замечал, но не пытался сопоставлять...

— Господи, — прошептал Оуэн, опускаясь в кресло. — Это невозможно... Сделайте хотя бы вид, что это неправда!.. — Закрыв глаза и запрокинув голову на спинку кресла, он продолжал умирающим голосом: — Как вы можете так поступать со мной, Ахилл? Вы, тот, кто считается моим другом... Не знать Талию... Нет, это слишком! Вы нанесли мне страшный удар! Будьте по крайней мере любезны, принесите мне мое успокоительное, иначе я упаду в обморок... Быстро!

Я исполнил его просьбу без возражений, привыкнув с самого начала нашего знакомства к доведенным до крайности комическим сценам моего друга. С тех пор, как на его жизнь было совершено

покушение, исполненное с безупречным вкусом, — гармонично и изящно, Оуэн стал испытывать приступы недомогания, которое в зависимости от того, насколько серьезно он воспринимал то или иное событие, приводило порой к полной потере сознания. Часто этот недуг носил показной характер, но иногда, в особых случаях, одолевал его всерьез, как, например, несколько лет назад, при погребении королевы Виктории. Когда траурный кортеж следовал перед ним, Оуэн рухнул бесформенной массой в самом центре толпы торжественно застывших высокопоставленных чиновников. Когда он пришел в сознание, стоявшие рядом с ним ожидали от него объяснений в соответствии с глубокой скорбью, приличествующей событию, но были сильно удивлены, услышав критику в адрес аранжировщиков траурных венков. Его поразило явное отсутствие гармонии при выборе цветов — настоящая провокация для людей, обладающих хорошим вкусом. Это и стало истинной причиной обморока. Надо ли говорить, как было воспринято подобное объяснение.

Я познакомился с Оуэном при сходных обстоятельствах и, воспользовавшись этим отступлением, открывая скобки, хотел бы поговорить о вашем покорном слуге, который в то время только что оставил родную Южную Африку, чтобы поселиться в метрополии. Обеспеченный хорошим наследством, я был озабочен тем же, чем и Оуэн, хотя, конечно, в меньшей степени. Даже сегодня не знаю, к чему я стремился, но после нескольких бесплодных попыток в различных областях искусства, продвигаясь от меценатства к практической деятельности в определенной сфере, я завершил свои поиски и метания в дирекции предприятия по производству художественной посуды в Веджвуде, который

расположился на холмах Котсуолдса, что меня вполне устроило. По долгу службы мне приходилось часто бывать в Лондоне, где на досуге я регулярно встречался с Оуэном, который тогда делил свое время между детективными расследованиями — частными или по срочному заказу из Скотленд-Ярда — и неожиданно приобретенным им ремеслом искусствоведа.

С нашей первой встречи — упомянутого выше зловещего дела, изложенного мною в «*Короле беспорядка*», прошло около двенадцати лет, и за это время я смог убедиться в необыкновенных дедуктивных способностях Оуэна Бернса. Ему удалось разоблачить убийцу, обладавшего невероятным умением ходить по снегу, не оставляя никаких следов! Это было время, богатое событиями, начиная с трагической англо-бурской войны, запуска первого электрического трамвая и восшествия на престол короля Эдуарда. Было, конечно, и множество расследований, блестяще проведенных моим другом при скромном содействии вашего покорного слуги, который на этом заканчивает свое отступление, закрывая скобки, чтобы вернуться к милой сердцу нашего эстета Талии.

Я принес ему коньяк Фин Шампань, и после нескольких неуверенных глотков Оуэн начал приходить в себя:

— Я вас спрошу, Ахилл, когда мы с вами увидимся в следующий раз, — сказал он, подходя к камину. — А вы проявите интерес и узнаете все о Талии и ее восьми сестрах, которых зовут Клио, Каллиопа, Мельпомена, Эвтерпа, Терпсихора, Эрато, Полигимния и Урания. Уверен, ваши рабочие из Веджвуда знают их лучше вас, изображая этих богинь на вещах, которые вы продаете. Откровенно говоря, что же вы собой представляете? И куда мы катимся? Образованная чернь и не-

Семь чудес
преступления

вежественные аристократы? Учтите, я говорю так для вашего же блага...

— За ваше человеколюбие, — ответил я, поднимая свой бокал, прежде чем опустошить его одним глотком.

Оуэн, улыбаясь, повернулся ко мне. Отблески пламени в камине веселыми искорками играли в его глазах.

— Прекрасно, Ахилл, вы снова становитесь самим собой. Теперь мы сможем продолжить нашу интересную беседу. Значит, я говорил, что муза комедии и сельских маскарадов, несомненно, вдохновила нашего художника, потому что он поставил свою зловещую комедию на свежем воздухе, среди первых весенних цветов. Прекрасная интерпретация, тем более замечательная, что наш актер блистал своим отсутствием, хотя его присутствие было официально доказано.

При этих словах он встал, в задумчивости прошелся перед камином, а затем проговорил:

— Это было две недели назад. На сей раз наученная горьким опытом полиция приняла всерьез присланную им картину. Но, очевидно, это «МИСТЕР ...А. ПОГИБНЕТ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. СМЕРТЬ НАСТУПИТ ОТ СРЕЛЫ, ПРИЛЕТЕВШЕЙ С НЕБА» оставалось слишком неясным. Наши выдающиеся ищейки терпеливо ждали несколько часов, пока не узнали о странной смерти сэра Томаса Боуринга, он же «мистер ...А.». Таковы факты.

Сэр Томас Боуринг, пятидесятилетний, достаточно спортивный мужчина, имел привычку тренироваться в стрельбе из лука с несколькими друзьями на большом лугу неподалеку от дворца Хэмптон-Корт. В то утро они находились там, выполняя программу обычных для них соревнований. Двенадцать человек стреляли по трем крупным

целям, расположенным приблизительно в тридцати метрах к северу, недалеко от старого дуба без листьев, с обрезанной верхушкой, который служил крупным ориентиром для самых плохих стрелков. Погода была достаточно благоприятной. Легкий туман виднелся на горизонте, но постепенно рассеивался под лучами весеннего солнца. Через полчаса, когда соревнование было в полном разгаре, один из стрелков удостоился от своих соперников аплодисментов после мастерского выстрела. Именно в этот момент сэр Томас громко вскрикнул, пошатнулся и упал... со стрелой в спине! Смертельный выстрел, чуть ниже затылка. Распростершись на животе, он напрягся в последней конвульсии. Его товарищи сразу же заметили удивительную деталь: смертоносная стрела была выпущена не из лука, это была стрела арбалета с характерным фаянсовым наконечником. Но, глубоко вонзившись в спину несчастного, наконечник не был виден. Не вдаваясь в детали, надо сказать, что с технической точки зрения невозможно запустить такую стрелу из лука, по крайней мере с достаточной точностью или мощностью, необходимой для убийства.

— И это устраняет версию случайной или преднамеренной стрельбы со стороны одного из его товарищей, — заметил я машинально.

— Абсолютно. Но таким образом, эта возможность была отвергнута сразу в качестве действия со стороны, но не могла не быть принятой во внимание со стороны других стрелков. Они все стояли группами, аплодируя тому, кому только что удался главный выстрел в завершение блестящей серии. Сэр Томас находился чуть в стороне, юго-западнее остальных, но едва ли больше чем в пяти-шести метрах от них. Кроме того, положение жертвы и ее падение вперед, к северной цели, так

же как и положение орудия убийства, ясно указывали, что стрела была выпущена за спиной сэра Томаса и, значит, летела прямо с юга. Впрочем, все стрелки тоже стояли спиной к убийце. Следовательно, сэр Томас находился слегка в стороне, и они ничего не могли видеть. Но самым удивительным оказалось то, что среди них не было никого постороннего! *Вообще не было видно никого на расстоянии трехсот метров!* Ведь именно такое расстояние отделяло их от живой изгороди, окаймлявшей этот огромный квадратный луг. Была туманная дымка, но не такая, чтобы серьезно уменьшить поле видимости. Конечно, было три цели, старый дуб без листвы и чуть подальше два-три куста, которые могли бы стать укрытием для таинственного лучника-арбалетчика, но эти объекты находились в направлении, диаметрально противоположном смертельному выстрелу! Кроме того, поочередно отправляясь в ту сторону, чтобы собрать выпущенные стрелы, ни один из лучников не видел никого, даже подозрительной тени.

— Но эта стрела все-таки не прилетела сама по себе!

— Очевидно, стрелок-убийца мог находиться только за живой изгородью. Оттуда после выстрела ему было легко исчезнуть никем не замеченным. Но стрельба с такого расстояния предполагала абсолютно экстраординарную, почти чудодейственную меткость, достойную легендарного Робин Гуда. Все специалисты согласны с этим. А мог ли таинственный лучник целиться в группу, а не в сэра Томаса? Мог ли он тогда попасть в него случайно? В это можно было бы поверить, как и в то, что стрела вонзилась в спину жертвы под углом, она прилетела откуда-то сверху, как будто с колокольни, расположенной достаточно далеко.

— «Смерть наступит от стрелы, прилетевшей с неба», — серьезно произнес я. — Убийца был точен в своем сообщении.

Оуэн стоял, устремив взгляд на огонь.

— Действительно. И такая точность подтверждает, что это именно убийство. Стрела из арбалета попала туда, куда и предусмотрел этот Deus ex machine, и она прилетела «с неба», что подтверждает ее наклон. Более того, фамилия или имя из пяти букв, следовавшее после слова «МИСТЕР» с единственной буквой А на четвертом месте, среди присутствовавших стрелков соответствует только имени Томас. Иначе говоря, сэр Томас Боуринг, несомненно, был избранной жертвой. Убийца стрелял не просто в толпу.

— Таким образом, в итоге получается следующее: известно, что был преступник, приблизительно известно, где он находился, известно также, из чего он стрелял, но мы не в состоянии объяснить такую точность его выстрела...

— Здесь все просто, — сказал Оуэн, приложив палец к губам, — полиция, естественно, проконсультировалась с самыми заслуженными стрелками из арбалета, которые единодушно согласились: столь меткий выстрел с большого расстояния показывает, что действовал исключительный стрелок. Такое попадание возможно в одном случае из ста...

Стук дождя по стеклам прекратился, и в комнате стало тихо.

— В самом деле, — заметил я, — ведь речь идет не о невозможности, а о малой вероятности!

— В таком контексте случившееся граничит с чудом или это оно и есть. Согласитесь, Ахилл, поставлена очень трудная задача даже для такого выдающегося логика, как я.

Я посмотрел на Оуэна, но его лицо не выдавало ни малейшего сомнения в истинности данного утверждения.

— А что об этом думают в Скотленд-Ярде? — спросил я.

— Они толкут воду в ступе, разумеется. А вы хотите, чтобы было по-другому, если даже я признаю себя неспособным найти решение?! Кстати, а вы знаете, что это сложное дело доверили моему старому другу, инспектору Уэдекинду? Да еще и дело об убийстве на маяке, потому что наши ищейки поняли: у этих двух преступлений один и тот же почерк. Имеются две-три детали, о которых я вам не рассказал, — например, монета, обнаруженная в пальцах мертвого лучника. Но, заметьте, не обычная монета, а коллекционная, древнеримская, на которой изображен храм...

Факт, без сомнения, удивительный, но тон, каким мой друг поведал о нем, ясно свидетельствовал: он уже сделал вывод о том, чего я пока не понимал.

Соединив кисти рук, как при молитве, Оуэн снова заговорил, глядя прямо мне в глаза:

— «МИСТЕР ...А.», убитый стрелой в спину, держал в руке монету с изображением античного храма. Вам это ни о чем не говорит?

Стараясь спокойно выдержать тяжелый взгляд моего друга, я попытался придать смысл этой улике. Но напрасно. Я отрицательно покачал головой.

— И, судя по всему, Александр Райли, сгоревший, как факел, на своем маяке, «словно он сам был маяком», тоже ни о чем вам не говорит?

Я начал сердиться. Конечно, я знал, что мой друг обожал загадочные слова и витиеватые фразы, которыми наслаждался, видя отчаяние своих друзей перед делом, в котором он уже разобрался, и давно к этому привык. Но есть пределы всему,

а он явно только что перешел их. Его слова не имели никакого смысла для простых смертных. Очень сухо я попросил Оуэна растолковать эти загадки.

Перед тем как ответить, он озабоченно кашлянул:

— Возможно, в данном случае мое обостренное чувство прекрасного позволяет мне видеть Искусство там, где его нет. Но, впрочем, я думаю, что опасность, подстерегающая эстета, — это слишком возвышенное видение красоты. Пятая сущность, невидимая и ощущаемая только поэтом... Растолковать вам загадки, Ахилл? Я бы очень этого хотел! Знаете, как я страдаю, видя ваше неведение. Мой верный друг, я разделяю ваше глубокое раздражение перед этими загадками, но не могу рисковать потерей плодов ваших размышлений, вашего анализа, пусть и наивного, но часто более реалистичного, чем рассуждения поэта. Излагая свою точку зрения, я начисто разобью пристрастность вашего суждения, чего мне хотелось бы любой ценой избежать. Я очень ценю ваши неожиданные замечания, и вы это прекрасно знаете!

In petto* я перевел это так: «Вы говорите невесть что, но это иногда помогает мне сосредоточиться».

— И признаюсь, — продолжал он, — несмотря на удивительные совпадения дел, которые я сейчас продемонстрировал, думаю, что заблуждаюсь, так как в действительности это было бы... *слишком прекрасно!* Да, я скорее всего ошибаюсь, поскольку невозможно представить себе подобное совершенство! Ах! Это заставляет меня думать об одной последней подробности, о которой вы, несомненно, не знаете. Незадолго до того, как сэр Томас упал, свидетель ясно видел *блестящую вспышку в небе!* И это не видение, потому что другой лучник тоже видел

* В душе (*итал.*).

нечто подобное, но он говорил о *капле золота, упавшей с неба...*

— А почему не золотой дождь, — огрызнулся я, думая о дожде, который поливал столицу с самого утра.

Во взгляде Оуэна промелькнуло восхищение.

— Золотой дождь... — мечтательно повторил он. — Хорошее замечание, друг мой, отражающее определенные чувства свидетелей. Прекрасная картина, вызывающая в памяти тот золотой дождь, в который превратился Зевс, чтобы утешить бедную Данаю, запертую ее отцом в бронзовой башне... Прекрасная картина, но в данном случае дождь был смертоносным.

— Вы не собираетесь отметить, что стрела арбалета была изготовлена из блестящего металла, похожего на золото, но из сплава, неизвестного науке?..

— Конечно! Но все-таки, Ахилл, почему такой едкий тон? Ведь я же не виноват в этих странных событиях! И моя ли это ошибка, если свидетели видели золотые вспышки в небе? Впрочем, этому можно найти несколько объяснений! Простая игра света вследствие солнечных бликов в тумане — своего рода эффект радуги. Радуга, арка в небе, как лук, говорите вы? Значит, убийцей мог быть только ангел! Кто стреляет позолоченными стрелами, понятно без слов!

Почему вы все обращаете в насмешку, дорогой друг? Почему насмехаетесь над событиями, подтвержденными десятком честных свидетелей?

И не улавливаете ли вы поэзию в этом убийстве?

Попытайтесь же видеть вещи в оптимистичном свете, закрыв глаза и представив себе прекрасную картину: большой зеленый луг, усеянный маргаритками — первыми весенними цветами, солнце, улыбающееся в небе, и легкий туман для художественной дымки... Можно начинать «сельский ма-

скарад» Талии! Стрелки занимают свои позиции... А затем в качестве кульминации праздника Зевс проливает золотой дождь... Но в этот раз он приносит не жизнь, как было при зачатии Персея, а посылает небесную стрелу своего гнева. Сэр Томас падает и больше не поднимается. Он мертв. Убитый «небесным луком», как вы точно заметили. Это ли не великолепное преступление, Ахилл? Идеальное преступление, настоящее чудо жанра!

Я сдержанно согласился, соответственно его своеобразному видению. Кроме того, я обратил внимание Оуэна, что каким бы замечательным ни было это убийство, равно как и предыдущее, оба они остаются совершенно необъяснимыми.

— Тайна продолжается, как и этот проклятый дождь, — добавил я, повернувшись к окну. — И я сейчас отправлюсь навстречу ему.

— Но не собираетесь же вы идти пешком, друг мой? — воскликнул Оуэн. — Возьмите фиакр...

Я посмотрел на красивые фаянсовые часы, стоявшие на буфете, которые показывали чуть больше десяти. В это время на улице — ни души...

Но тут послышался звон фиакра, остановившегося у нашего дома. А затем лошадиное ржание и звук голосов.

— Кто бы это мог быть? — бросил Оуэн, проворно подойдя к окну. Я встал рядом, но за пеленой дождя мы увидели только тени. При слабом свете газового рожка было видно, как фиакр быстро удалился, а силуэт на улице поспешил укрыться от дождя.

Мы снова сели в кресла, но не успели устроиться, как на лестнице послышались шаги.

— Мне кажется, это к вам, — сказал я моему другу, в то время как он, сдвинув брови, посмотрел на часы.

И действительно, через несколько секунд у входа раздался звонок. Оуэн пошел открывать дверь и вернулся в сопровождении промокшего под дождем посетителя, которого я сразу узнал, несмотря на котелок, надвинутый на глаза. Это был инспектор Джон Уэдекинд из Скотленд-Ярда.

Разбойничьи усы придавали ему мрачный и суровый вид, а мокрая одежда была в полном беспорядке. Его неожиданный приезд в этот час не предвещал ничего хорошего.

— Теперь уже третий! — резко начал он, снимая шляпу. — Новое убийство, совершенно безумное, еще более ошеломительное, чем два предыдущих!

Глава 3

— Мерзкий день! — выругался полицейский, удобно устроившись перед камином. — Я провел почти весь вечер под дождем в ожидании осведомителей, которые даже не появились! А какой ливень! Достаточно пяти минут, чтобы превратиться в губку!

Я согласился с ним и высказал собственные замечания метеорологического характера. Мой друг молчал, с большим трудом сдерживая нетерпение. Сложив руки у рта, он играл желваками, застыв в возбужденном ожидании.

В отличие от него, Уэдекинд не находил удовольствия в многословии, для того чтобы подготовить эффектное выступление. Вид у него был усталый и довольно расстроенный после тяжелого дня, и он не торопился рассказывать подробности, хотя это и было главной целью его визита. Пламя очага подчеркивало резкие черты пятидесятилетнего человека, который со своей черной бородой

и густыми бровями был похож на древнего германского воина, утомленного после длинного и трудного паломничества в далекие земли.

— Мерзкая погода, — повторил он, — и мерзкое дело, случившееся несколько дней назад. — Он поднял мрачный взгляд на Оуэна: — На этот раз мы долго медлили, пока определились, к какому именно делу относится сообщение, полученное в начале недели...

— Сообщение написано на холсте, подобно картине, я полагаю? — поинтересовался Оуэн. Уэдекинд кивнул.

— «Картина» была прислана примерно за сутки до преступления, как и в прошлые разы, уже из другого почтового отделения, но тоже из Лондона. Расследование этой стороны дела не дало ничего определенного. В деле сэра Томаса по описанию почтового служащего выяснилось, что пакет на почту принес какой-то мальчик. Но есть все основания думать, что это был просто посыльный, которому заплатили.

Оуэн пожал плечами:

— Это было очевидно. Художник пишет картину, он не курьер. Но что же там написано на сей раз?

Уэдекинд вытащил из жилетного кармана записную книжку, открыл ее и вынул листок, на котором мы смогли прочитать:

«МИСС МАРИ СТАНЕТ КОРОЛЕВОЙ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ, КОГДА ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО ПОКРОЕТСЯ ДЫМКОЙ».

Наступила тишина. Оуэн задумался и едва заметно улыбнулся, с видом знатока оценивая загадочный текст.

— Самое меньшее, что можно сказать, — вздохнул полицейский, — это то, что текст не слиш-

ком красноречив. И нам понадобилось целых два дня, пока мы не установили связь между этой запиской и несчастным случаем, происшедшим в Кенте...

— Мисс Мари? Вы уверены, что точно воспроизвели фразу, начертанную кистью? Не было ли там точек взамен отсутствующих букв?

— Нет, в этом не было необходимости. Жертвой оказалась барышня изрядного возраста, которую звали Мари Домон.

— В случае Александра Райли буква «А» стояла между точками, — отозвался Оуэн. — В этом тоже не было необходимости... Но такие детали мало что дают в данный момент. Факты, инспектор, перейдем к фактам!

— Пусть будет так! — ответил полицейский, глубоко вздохнув. — Кончину Мари Домон сначала приняли за один из тех глупых несчастных случаев, которые происходят каждый день. Смерть наступила из-за того, что ей на голову упал большой цветочный горшок. Полиция Тонбриджа, места, где это произошло, не приняла всерьез заявление двух свидетелей, поскольку оно показалось чересчур экстравагантным из-за их возраста. Надо сказать, что мистеру Вогту и мистеру Джоберу на двоих более ста пятидесяти лет, но они далеки от старческого слабоумия, я их допрашивал и вчера вечером, и сегодня утром.

Уэдекинд просмотрел свои записки, немного подумал, а затем перевел взгляд на окно:

— Три дня назад погода еще была достаточно милосердна к нам: в Тонбридже вовсю сияло солнце. Около двух часов дня мистер Вогт и мистер Джобер прогуливались в городском парке. Это достаточно малолюдное место. В центре парка возвышается арка, простое архитектурное сооружение из кирпича, верхняя часть которого украше-

на цветами в горшках. Гравийная дорожка, пересекающая лужайку, проходит под довольно высоким сводом арки, который поддерживают две толстые, квадратные в сечении опоры — их ширина равна ширине прохода.

Наши свидетели увидели на скамейке возле лужайки двух дам. Мистер Вогт подумал, что это вдовы, так как обе были в черных платьях, но мистер Джобер заметил на более высокой очаровательную шляпку, украшенную яркими цветами. Это и была мисс Мари Домон, но тогда он еще не знал ее имени. Они не обратили на дам особого внимания и продолжили свою прогулку. Немного позже они встретили даму в шляпке на дорожке. Мисс Мари, остановившаяся в нескольких метрах от арки, как будто была чем-то обеспокоена и устремила взгляд вверх. Два друга, заинтригованные этим, спросили даму о причине ее беспокойства. На что мисс Мари нерешительно ответила: «Я боюсь проходить под аркой... Я видела тень на солнце». «Тень на солнце? — удивился мистер Вогт. — Вы имеете в виду облако?» Однако он прекрасно видел, что в этот момент на небе не было ни облачка. «Нет, я заметила тень наверху, на балконе... Она на мгновение закрыла солнце... Это была женщина, очень красивая... в старинном королевском наряде... Но она хочет причинить мне зло... Я боюсь проходить под аркой...»

Двое мужчин постарались успокоить мисс Мари Домон и наконец убедили ее, что никакой опасности нет. Они сочли, что ее недомогание вызвано жарой. Поэтому мистер Джобер посоветовал мисс Мари немного посидеть на скамейке, но мистер Вогт, напротив, предложил ей спокойно продолжить свой путь, то есть пройти под аркой, чтобы убедиться в полной безопасности.

Мисс Мари остановилась в нерешительности, а мужчины попросились с ней и продолжили свой путь. Через несколько мгновений за их спиной раздался крик. Они сразу же вернулись обратно и увидели, что большой цветочный горшок упал с верхней части арки и разбился о голову несчастной Мари, которая попыталась уклониться, но слишком поздно. Она вскрикнула еще раз и упала на землю. Двое свидетелей сразу же начали осматривать окрестности, и им удалось охватить всю сцену целиком. Вокруг не было никого, абсолютно никого, кроме них. Никого не оказалось и на «балконе» арки. Подруга мисс Мари поднялась со скамейки и, быстро пройдя лужайку, присоединилась к мужчинам. Не медля ни секунды, оба свидетеля поспешили к арке. Но на расстоянии метров двадцати, отделявших их от жертвы, они убедились в ее агонии. Красивая соломенная шляпка, увенчивавшая голову Мари, не смогла предохранить ее от удара цветочного горшка, разбившегося на две части: земля высыпалась на дорожку и смешалась с цветами и несколькими кирпичами, упавшими вместе с горшком. Несчастной еще удалось произнести несколько слов, но они оказались неразборчивыми для свидетелей за исключением слов «королева» и «балкон». Тем временем подруга подошла к мисс Мари. Мертвенно-бледная и дрожащая, она склонилась над нею и поняла, что мгновения бедняжки сочтены. Подруга начала рыдать, а Джобер и Вогт отправились осматривать местность, скрытую за опорами арки. Вероятный злоумышленник мог находиться там или же на самом верху арки, где был «балкон», скрытый среди других цветочных горшков, что, впрочем, было маловероятно. После коротких и безрезультатных поисков мужчины вернулись к несчастной подруге

мисс Мари, которая резко вскрикнула, увидев, что пострадавшая больше не двигается. Пока Вогт ходил сообщить полиции о происшествии, Джобер, врач на пенсии, констатировал, что несчастная только что скончалась. Под ее шляпкой он обнаружил смертельную рану на виске, откуда стекала струйка крови, «ярко-красная, как цветок на шляпке», по выражению самого Джобера. Он стал расспрашивать подругу усопшей, которая сказала ему, что сразу после полудня Мари начала сильно нервничать, как будто опасаясь чего-то. Несколько раз она спрашивала, не видела ли подруга «тень» на солнце.

— Вот и все факты, — ворчливо закончил Уэдекинд. — Читая отчет, представленный констеблем, прибывшим на место происшествия, видишь, как мало доверия он испытывал к двум свидетелям; в нем говорилось о весьма приблизительной интерпретации события с их стороны. Тем не менее полицейский взял на себя труд принести лестницу, чтобы обследовать верхнюю часть арки. Отсутствие следов и двух плохо державшихся кирпичей укрепили его в мнении, что это обычный несчастный случай. И, честно говоря, констебля трудно упрекнуть в том, что он не принял всерьез историю с тенью на солнце или с королевой мщения! Что до нас — это совсем другое дело...

Полицейский взял сигару, которую предложил ему Оуэн, казавшийся очень озабоченным.

— Прежде чем услышать ваше мнение, Бернс, — проговорил Уэдекинд, — позвольте представить вам последние данные. Я узнал об этом происшествии вчера после обеда. Сначала меня заинтриговало имя жертвы — Мари, затем дата и время дня, которые совпадали с указанными в послании, и таким образом уже не оставалось ни малейшего

сомнения в правдивости странных обстоятельств со- бытия. Ранним утром я сел в первый же поезд, иду- щий в Тонбридж, чтобы осмотреть место преступ- ления. Затем поговорил с Вогтом и Джобером. Оба они люди весьма преклонного возраста, носят очки, и зрение у них не слишком острое. Однако мне оно показалось достаточным, чтобы их показания можно было принять всерьез. Оба признавали, что кто-ни- будь мог в случае необходимости, до падения боль- шого горшка, ловко обойти одну из опор арки, из- бегая их взглядов. И все-таки, кроме трех свидетелей и жертвы, там не было никого! Никого не было и на лужайке, и на арке с цветами! Я сам лично все осмо- трел и могу подтвердить, что наверху очень трудно спрятаться!

— А вы расспрашивали подругу жертвы? Со ска- мейки, где она сидела, был хороший обзор всей сце- ны происшествия.

— К сожалению, нет, — проворчал Уэдекинд. — Этот идиот полицейский настолько пренебрежительно отнесся к делу, что, кажется, забыл записать ее фамилию и адрес! Но мы ее быстро найдем... В лю- бом случае, она и Джобер оставались рядом с жер- твой до появления полиции и зевак. Короче говоря, убийца мог улизнуть, только растворившись в воз- духе...

— Превосходно! — внезапно бросил Оуэн, долго хранивший молчание. — Это большое искусство! Мы должны склонить голову перед такой виртуозно- стью!

— Вы хотите сказать, — забеспокоился Уэде- киנד, — что признаете себя побежденным?

— Вовсе нет! Я просто говорю, что надо при- знать талант художника, в данном случае — вир- туоза преступления. Вы правильно сделали, что

пришли ко мне, Уэдекинд. И я полагаю, вы просите моей помощи, не так ли?

Во взгляде полицейского промелькнул оттенок лукавства:

— Признайтесь, что вы бы косо смотрели на все мои действия в данном расследовании. Впрочем, мы уже об этом говорили, но сейчас я действительно думаю, что эта серия убийств совершена по одной схеме и требует такого эксперта, как вы...

— Разумеется! — одобрил Оуэн, водя пальцем по грациозным линиям тела одной из муз. — И вы правы также, говоря о серии убийств, поскольку есть риск, что она продолжится, если мы не положим этому конец...

— Точно... — вздохнул инспектор, — и я очень боюсь, что начиная с завтрашнего дня пресса примется за эти преступления, не имея деталей. Хотя пока нам кое-как удалось заставить их молчать, но после третьего убийства это будет невозможно. Вряд ли стоит упоминать, что чем раньше мы остановим убийцу, тем лучше будет для всех.

Я прочитал в красноречивом взгляде Оуэна: «И особенно для вас, инспектор!» — но он громко заметил, рассудив, без сомнения, что это было бы слишком просто:

— В первую очередь нам следует рассматривать последнее убийство эмоционально, с точки зрения художника, чтобы ощутить всю его красоту.

Вам объявили, что некая мисс Мари станет королевой на следующий день после полудня, когда дневное светило покроется дымкой. И именно в это самое время мисс Мари заметила тень на солнце, где-то на верху арки, среди цветов. Она говорила о королеве, королеве в старинном наряде, которая, кажется, хочет причинить ей зло. Через

несколько мгновений она оказалась на земле, среди все тех же цветов, с черепом, проломленным большим горшком, упавшим с «балкона». В данный момент она могла бы быть королевой, пусть и застывшей в смерти. Такая форма посмертной передачи власти от другой, мстительной королевы, которая только что исполнила свою угрозу, сбросив на нее...

Оуэн на мгновение прервал свою речь, подыскивая подходящее слово, уточняющее его мысль. И я увидел, как засияло его лицо, когда он добавил:

— ...*Сад*. Да, можно сказать, что на нее низвергли сад. Это более поэтично, чем цветочный горшок, не так ли? — сказал он, адресуя нам улыбку сфинкса. Хорошо... Я вижу, что для вас это китайская грамота. В чисто практическом плане отсутствие убийцы может означать только несчастный случай, вызванный тем, что в какой-то момент несколько плохо скрепленных кирпичей отвалились под тяжестью горшка, упавшего вслед за этими кирпичами. Кроме того, и смерть сэра Томаса не может быть объяснена по-другому. Смертоносная стрела могла попасть в него, промахнувшись мимо цели, а значит, это тоже несчастный случай. С Александром Райли все было немного по-другому, так как запертая снаружи дверь трудно согласуется со случайностью. Но это другой вопрос, который доказывает, что мы имеем дело с настоящими убийствами, задуманными, подготовленными и совершенными одним преступником, имеющим хороший вкус и пристрастие предупредить полицию за сутки до своих злодеяний, посылая ей... *картины!*

Уэдекинд и я машинально вместе посмотрели на прекрасное полотно, украшавшее гостиную Оуэна и изображавшее английский деревенский пейзаж. Настоящий Констебл, по мнению моего

друга, в чем лично я сомневаюсь. Как бы то ни было, эта буколическая картина могла только по контрасту подчеркнуть трагический и необычный характер совершенных преступлений.

— Есть очевидная связь между этими картинами и убийствами, — сказал Оуэн, подходя к большому полотну, чтобы лучше рассмотреть его.

— И в чем она заключается? — с интересом спросил Уэдекинд.

— Тщательность, приданная произведению на заключительном этапе работы над ним. Подумайте об аккуратности и терпении художника при каждом мазке кисти, каждой подрисовке, чтобы добиться такого чуда... Часы терпения, наблюдений, размышлений и большой талант, чтобы *это чудо* сотворить!

— Чудо третьего преступления в данном случае! — воскликнул я, чтобы положить конец раздражающей меня комедии.

— Да, Ахилл! Это «чудо преступления»! И, как всегда, вы попали в цель, сами того не осознавая!

Я сильно подозревал, что инспектор Уэдекинд сгорал от желания залепить пощечину экстравагантному детективу. Но полицейский слишком хорошо знал ему цену, чтобы рисковать и, возможно, окончательно лишиться его неоценимой помощи. Теребя густые усы, он спокойно произнес:

— Мне кажется, я понимаю, что вы хотите сказать... Вы считаете, что мы пойдем по следам убийцы, совершающего только безупречные преступления при художественном видении мотива каждого преступления!

— Точно! — ответил Оуэн с явным удовлетворением. — Конечная цель этих убийств не что иное, как поиски Прекрасного...

Глава 4

Была уже ночь, когда наш фиакр остановился в каком-то гнусном месте Спиталфилдса. Редкие газовые рожки бросали слабый свет на вязкую дорогу. На этой улочке, освещаемой также окнами таверны, передвигалась сомнительная, но веселая публика. Громкий смех моряков перемежался хихиканьем женщин легкого поведения, вызывающие наряды которых выделялись в потемках.

Я даже не догадывался о причинах, приведших нас в это место, но не сомневался в их настоящей необходимости, поскольку не был завсегдатаем таких уголков. И, полагаю, Оуэн тоже. Но мы оказались здесь, конечно, по его желанию, повинувшись которому и я последовал сюда.

Соответственно случаю, мой друг надел клетчатый спортивный костюм и каскетку с двойным козырьком. Его одежда выглядела такой новой, что казалась странной для этого места. На мне было поношенное пальто и кепка с козырьком, надвинутым на лоб из опасения, что меня кто-нибудь узнает в этом гибельном месте!

— Оуэн, — начал я, поворачиваясь к нему, — не объясните ли вы мне, почему...

Напрасный труд. Он только что выпрыгнул из фиакра и расплачивался с кучером, оставив ему, как обычно, довольно крупные чаевые, то ли неосознанно, то ли в качестве вызова.

И пока экипаж удалялся мелкой рысью, я сказал ему об этом.

— Следуйте за мной, — бросил он вместо ответа, быстро направляясь вперед.

Но едва мы сделали несколько шагов, как довольно хорошенькая представительница слабого пола окликнула его. У нее было свежее личико

и прелестный задорный носик под элегантной шляпкой с перьями, красные ботинки в тон одежде, но вульгарный выговор разрушил все обаяние красоти, по крайней мере для меня.

— Эй, красавчик! Как насчет небольшой поездки в рай с самой красивой девушкой квартала?

— С самой красивой девушкой в мире, мадемуазель, — поправил Оуэн, почтительно кланяясь.

Глаза жрицы продажной любви округлились от восхищенного удивления.

— Господин льстит мне! Мне нравятся такие парни, как ты, понимаешь!

— Понимаю. Но я, увы, мадемуазель, самый большой шут в Лондоне, — сказал он, помахав рукой и уходя.

Нас проводил град ругательств, а я продолжил:

— *В мире*, Оуэн! Вы самый большой шут в мире, чтобы так играть своей жизнью. И, в конце концов, вы совершенно безрассудны. Мы же не на Риджент-стрит, где хорошо воспитанные люди сделают вид, что оценили ваше паясничество!

Он размашисто шагал, великолепно игнорируя меня. Торопливо следуя за ним, я продолжал приставать к нему в том же духе, подчеркивая неуместность нашего присутствия здесь, различие между этим миром и нашим...

— Вы так думаете? — бросил Оуэн, внезапно прерывая молчание, пока мы углублялись в лабиринт улочек. — Посмотрите туда, в тот задний двор, на герб на дверцах фиакра, который, несомненно, не принадлежит грузчику из этого закоулка, не так ли? И если хорошенько взглядеться в окна вон той таверны, например, можно заметить несколько цилиндров, которые, разумеется, не носят те же грузчики.

— Да, — неохотно признал я, — но сейчас мы уже в другом районе. Мы прошли в сторону запада и...

— Оставьте вашу отвратительную привычку ко всему придирааться, Ахилл. Это тягостно и совершенно неконструктивно. Почему мы здесь? Конечно, из-за нашего расследования! А могло ли быть по-другому? Настало время зайти в один паб, где нам будет удобно дискутировать, и я вам все объясню.

Желая успокоиться, я стал размышлять о трудностях дознания инспектора Уэдекинда. Прошла неделя со времени его ночного визита, когда он сообщил нам о третьем серийном преступлении. Естественно, представителя Скотленд-Ярда не вполне удовлетворила версия Оуэна о мотивациях убийцы. «Убивать из любви к искусству, конечно, возможно, но это намного уместнее в романе, нежели в действительности», — ответил он. Логика заставляла разделить его мнение, хотя наблюдения Оуэна казались мне обоснованными. В любом случае, вопрос мотивации оставался нерешенным, а гибель трех жертв стала предметом тщательного расследования. Умозрительно дело сэра Томаса казалось самым интересным из трех: по своему положению он, кажется, имел наибольшее число потенциальных врагов. Впрочем, Оуэн вел аккуратное расследование среди его окружения. По делу Александра Райли сначала не было ничего нового и особенного. По поводу мисс Домон, которая была по происхождению француженкой, на что указывало ее имя, выяснилось, что она жила одна в Тонбридже, где работала в магазине готовой одежды, была натурой скрытной и имела мало друзей. Уэдекинду так и не удалось найти следов подруги, которая сопровождала ее в тот роковой день. Из родни у мисс Домон был только брат, намного моложе ее, который жил на севере Англии и редко виделся с сестрой.

По-видимому, трех жертв ничего не связывало, но два дня назад к нам пришел Уэдекинд и радостно доложил: «Александр Райли и Мари Домон, возможно, знали друг друга, так как оба родились в Плимуте и провели там бóльшую часть своей молодости! Оба они были примерно одного возраста, чуть больше пятидесяти!»

Что касается сэра Томаса, к сожалению, все свидетельствовало о том, что он никогда в Плимуте не бывал, по крайней мере в то время.

Несмотря на это препятствие, инспектор оставался оптимистом и чувствовал, что он на верном пути: «Александр Райли и Мари Домон могли знать сэра Томаса в другое время, и расследование это выявит. Сейчас важно установить саму связь, а затем мы сможем заняться ее характером!»

Мы не получили других новостей от инспектора, кроме этих обнадеживающих слов, к которым Оуэн не добавил практически никакого комментария. С другой стороны, как и предвидел Уэдекинд, пресса действительно начала интересоваться любопытной серией убийств. Несколько статей подчеркивали странное сходство между тремя убийствами, совершенными, по всей видимости, одним и тем же преступником. Собирается ли убийца продолжить серию? Считали, что скорее всего нет... Пока я предавался этим размышлениям, мой друг остановился перед таверной, где на богато украшенной вывеске позолоченными буквами было написано «Водопад Виктория».

Заведение было хорошо посещаемым, чего не предполагалось в подобном квартале. Рассеянное освещение настенных газовых светильников и несколько удобных кресел, разделенных ширмами, обеспечивали определенную обособленность клиентуры, хотя и шумной, но не слишком.

Заказав два пива, мы расположились за одним из немногих незанятых столиков.

— Посмотрите вон на ту дверь, — начал Оуэн, принимая заговорщический вид.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел джентльмена, который не спеша открыл дверь, вошел и затворил ее за собой.

— Еще один, на всякий случай, — прошептал Оуэн, глаза которого блестели от возбуждения.

— О чем вы говорите, черт возьми? Еще один кто?

— Член клуба Гелиоса. Это секта, поклоняющаяся Солнцу...

— Секта?! — воскликнул я, поднося бокал к губам.

— Да, секта, одним из главных членов которой, по моим сведениям, был сэра Томас.

— Секта! Эти люди зачастую готовы на все... Дьявольщина! Дело может оказаться очень опасным...

— Но в этом и заключается наше расследование, не так ли? Убийцы, в сущности, люди опасные, насколько я знаю, даже если среди них попадаются художники...

— Значит, вы думаете, что серия недавних преступлений непосредственно связана с этой сектой?

— Это только один след среди остальных, потому что, насколько мы знаем, ни Александр Райли, ни мисс Мари Домон не посещали клуб Гелиоса. Но эта версия тем не менее заслуживает более глубокого рассмотрения.

Оуэн прервал свое объяснение, чтобы закурить сигару, и после нескольких затяжек продолжил по-прежнему доверительным тоном:

— Мы уже говорили о золотых вспышках на небе при убийстве сэра Томаса. А вы знаете, что до того, как стать завсегдаем Королевского географического общества и специалистом в области

нумизматики, он прошел путь отважного искателя приключений или, скорее, предприимчивого археолога? Его работы по Древнему Египту завоевали всеобщее признание. В молодости он сопровождал несколько экспедиций к берегам Нила. И я думаю, именно по этой причине у него возникла «вера» в Гелиоса, в солнце, так почитаемое древними египтянами...

— Он был специалистом по нумизматике? Значит, древняя монета, найденная у него в руке после убийства, наверняка принадлежала ему!

— По сведениям Уэдекинда, она не входила в его личную коллекцию. Но оставим это пока в стороне и лучше подумаем, как нам подготовиться к тому, чтобы войти в логово льва...

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять намерения Оуэна.

— Да, — сказал он, качая головой. — Насколько мне известно, мы смогли бы посетить заседание клуба, если наденем костюмы, достойные Гелиоса... Кажется, для этого достаточно встретиться с их патроном. Этот случай нельзя упустить, поскольку они собираются только раз в месяц. И не смотрите на меня так, Ахилл, я не сошел с ума! Просто пытаюсь вести расследование с помощью тех средств, которыми располагаю! Допивайте ваш бокал и следуйте за мной.

Сначала я был смущен дружеской и понимающей улыбкой хозяина таверны. Но теперь не видел ни малейших признаков угрозы. Этот добрый человек объяснил нам, что надо пройти в коридор, начинающийся за дверью в конце зала, зайти в первую комнату направо и открыть большой стеной шкаф, где находятся «маска и туника». Следующей комнатой был зал для собраний.

С чувством возрастающего недоверия я последовал за моим другом, пройдя коридором, где ощущался легкий запах благовоний и куда доносился приглушенный голос, что-то вещавший высокопарным тоном. В указанной комнате на столе горела керосиновая лампа, а в стенном шкафу находилось с полдюжины вышеупомянутых предметов. Мы повесили нашу верхнюю одежду на две свободные вешалки, а затем надели что-то типа длинных фиолетовых туник, обшитых золотым позументом по вороту и краю рукавов. На уровне груди вышитый золотом круг символизировал солнце, лучи которого расходились к подолу туники. Маска представляла собой плотный диск, обтянутый желтым шелком. Три отверстия на месте глаз и рта были оторочены позолоченным шнурком. Когда мы вырядились в преданных почитателей Гелиоса, я спросил у Оуэна, знает ли он, каким образом мы собираемся участвовать в этом маскарале.

Он приложил палец к губам и сделал знак следовать за ним. Я так и не понял, был ли он серьезен или, наоборот, втихомолку посмеивался. Мы прошли несколько метров по темному коридору и остановились перед второй дверью, за которой слышался тот же приглушенный голос. Оуэн приоткрыл створку двери, осторожно заглянул внутрь, а затем вошел.

Довольно просторный зал, предназначенный для собраний, был скупо освещен масляными лампами, расположенными на подставках по обеим сторонам «алтаря», рядом с чашей, в которой курился фимиам, источая дурманящий аромат. Неверный свет вспыхивал отблесками на масках и золоченом шитье одежд поклонников Гелиоса числом около тридцати. Два человека — священнослужители совершали ритуал за «алтарем», простым сто-

лом, покрытым белой тканью. На них были такие же церемониальные одежды, как и на остальных верующих. Один жрец был довольно худеньким и невысоким, другой — более рослым и крупным. Этот последний обращался к собравшимся, жадно слушавшим его. Очень напыщенным тоном он восхвалял солнце, превозносил его божественную власть, его сияние, красоту, щедрость, многочисленные добродетели, перед которыми смиренные служители клуба Гелиоса простирались ниц в полной покорности и с вечной благодарностью. Я привожу здесь лишь краткий отрывок из речи оратора, которого будет достаточно, чтобы представить себе ее дифирамбический характер.

Прекрасен твой свет на бахrome небес!
Атон жизни, первый из всех живущих,
Когда ты встаешь на востоке,
Ты простираешь всюду свою красоту.
Ведь ты прекрасен и велик:
Освещая землю,
Твои лучи объемлют все вокруг,
Все в мире создано тобой
Ты — наш владыка и повелитель...

Оуэн и я заняли самое укромное место возле выхода. Наш приход вряд ли был бы замечен, если бы маленький жрец не скользнул взглядом по нашим лицам. Когда мои глаза привыкли к темноте, я предположил, что это, несомненно, была молодая священнослужительница, если судить по ее мягким округлым формам, вырисовывавшимся под шелком туники.

— Смотрите, — шепнул мой друг, — похоже, рядом со священниками есть пустое место. Я за-

метил маску, положенную на алтарь, как бы отмечающую его отсутствие... или смерть. Держу пари, это было место сэра Томаса!

Я ничего не ответил. Поначалу меня одолевало беспокойство, но по мере того, как оратор продолжал свои восхваления, его напыщенный тон, не позволявший воспринимать все это всерьез, рассеял мои опасения. Кроме того, я ощущал спокойствие и расслабленность аудитории, которая совсем не походила на сборище фанатичных сектантов. И еще я увидел растущее разочарование Оуэна, молчание которого было более чем красноречивым.

Через четверть часа, не выдержав больше, я предложил моему другу пойти в зал и взять еще пива. Он не заставил долго упрашивать себя. Пять минут спустя, аккуратно положив на место костюмы почитателей Гелиоса, мы оказались за тем же самым столиком перед двумя бокалами темного пенящегося пива. Явно раздосадованный Оуэн мрачно молчал.

— Ваши сведения, без сомнения, хороши, — проговорил я, пытаясь подавить оттенок иронии в голосе, — но, боюсь, мы имеем дело вовсе не с одной из тоталитарных сект, систематически устраняющих тех своих членов, кто осмелился нарушить их правила...

Немного позже мы увидели людей, выходивших из двери коридора небольшими группами через определенные промежутки времени.

Очевидно, заседание только что закончилось. Все «сектанты», улыбающиеся и добродушные, похоже, были выходцами из буржуазной среды. Во взгляде некоторых молодых людей можно было заметить страсть рьяных адептов. Но это сугубо мое впечатление. Пары направились прямо к выходу, а несколько мужчин расположились в баре.

— Судя по всему, люди здесь самые обычные, — поделился я своим наблюдением, — и мне трудно представить их в роли убийц... Что вы думаете об этом, Оуэн?

Несколько секунд он сидел нахмурившись, а затем, удобно устроившись в своем кресле, чистосердечно улыбнулся, как бы насмехаясь над самим собой.

— Что я думаю, Ахилл? Что я самый большой шут в мире!

— Да нет же, нет! — ответил я отеческим тоном. — Ведь даже самые великие порой ошибаются, не так ли?

— Точно!

— Впрочем, разве наше ремесло не велит нам рассматривать даже самый незаметный след?

— Вы говорите, как мудрец...

— А, кроме того, мы вовсе не зря провели вечер, пиво здесь восхитительное... Не взять ли нам еще по одному?

— Вы настоящий философ, — бросил он мне, поднимая руку. — По доброте своей я прощаю вам все ваши ошибки, даже то, что вы не узнали девять моих муз!

Несколько дней спустя дело так и не сдвинулось с мертвой точки, в отличие от многочисленных статей, появлявшихся во всех газетах. Оуэн, несомненно, для того, чтобы простимулировать себя, принялся вновь разглагольствовать по поводу художника-преступника. Его аудитория оставалась неизменной: ваш покорный слуга, пришедший поздним утром к нему в гости. Как и предыдущие дни, этот день середины мая выдался очень солнечным, что положительно влияло на моральное состояние большинства лондонцев, среди которых был и сияющий Оуэн.

— Преступник — это художник-живописец, а его преступления — это картины, — заявил он, расхаживая по старинному ковру, лежащему возле камина.

— Вы заходите слишком далеко, — возразил я, прекрасно зная, что, предаваясь подобным размышлениям, он запускает свой дедуктивный механизм.

— Вовсе нет! — высокомерно парировал Оуэн, — Несомненно, такое сравнение позволительно мне, но оно не может сказать о многом. Впрочем, я уступаю его вам и утверждаю, что большинство живописных полотен не достигает высоты идеальных преступлений, поскольку выполнено довольно грубо! Но есть и такие, которые считаются непревзойденными!

Возьмем произведения, достойные этого эпитета, к примеру, великолепного Джона Констебла, являющегося гордостью моей гостиной.

Оуэн остановился перед большой картиной и погрузился в созерцание, прежде чем продолжить:

— Сначала прописывается задник, общий фон, в данном случае безмятежная голубизна неба и утопающая в зелени английская деревня. Идеальное преступление тоже всегда имеет типичный фон, то, что мы часто называем «театр», «сцена» или «место преступления». Отметьте выбор этих метафор, их определенно художественное направление.

Затем перейдем к основным деталям картины. Это плуг, удерживаемый двумя фермерами, и маленький деревенский домик, который кажется ключевым элементом картины, несмотря на его незаметность. Он мог бы быть главным действующим лицом драмы, поведение и свидетельство которого будут определяющими. Или же несколько предметов, непосредственно связанных с убийством, как, например, орудие преступления или стол, на который рухнула жертва.

Третий элемент, несмотря на его кажущуюся незначительность, играет важную роль. Это небольшие, почти незаметные мазки, многочисленные подрисовки и бесконечные цветовые полутона, придающие произведению его великолепие и часто свидетельствующие о таланте мастера. В убийстве это были бы детали, занимающие свое место либо в соответствии с обстоятельствами, либо случайно или как предметы, умышленно оставленные убийцей, а значит, представляющие собой ложные следы. Это в основном то, обо что спотыкаются новички или любители. Только эксперт обладает особым чутьем, позволяющим различать нюансы этих деталей. И вы лучше, чем кто-либо другой знаете, что в этой области мне нет равных.

И наконец, основная тональность, тембр, преобладающий оттенок, что является отличительной чертой каждого полотна. Этот свет самой сути трудно почувствовать в идеальных преступлениях, так как часто он высвечивает мотивы убийцы, его сокровенные намерения, которые он, конечно, утаивает, страшась разоблачения. Искусному художнику удастся скрывать эту глубинную ясность с помощью различных ухищрений, более или менее хитроумных, в зависимости от степени его таланта. Однако вы уже поняли, Ахилл: в деле, которым мы занимаемся, нужно найти тот самый свет, так как именно он приведет нас к разгадке!

Он подошел к окну и устремил взгляд к ясному небу.

— Свет, — произнес Оуэн восхищенно. — Свет солнца... Пожалуй, правы члены клуба Гелиоса. В такую погоду я чувствую себя в превосходной форме! И уверен, что скоро мы столкнемся с новой деталью, которая поможет нам значительно продвинуться в...

Его прервал звонок в дверь. Он быстро вышел из комнаты и вскоре вернулся в сопровождении светловолосого молодого человека с серьезным лицом, и я инстинктивно понял, что предчувствие его не подвело. Такое впечатление подтверждали возбужденно блестящие глаза моего друга.

— Ахилл, — объявил он, — разрешите представить вам мистера Майкла Денхема, который может рассказать нам много интересного по поводу серии преступлений, о которых столько шума в прессе! *Он уверен, что знает убийцу!*

Глава 5

У нашего гостя, который выглядел лет на двадцать пять, был изящный овал лица и тонкие светлые, довольно длинные волосы, спадавшие на редингот оливкового цвета. Негустые бакенбарды обрамляли впалые щеки. Шелковый платок цвета морской волны, замотанный вокруг шеи, удачно оттенял его глаза и добавлял манерам нашего гостя некоторую нарочитость. Та неловкость, с которой он закурил сигарету, выдавала его нервозность.

— Разумеется, я ни в чем не уверен, — начал он, — однако с психологической точки зрения относительно этой личности имеются такие предположения, что, смею утверждать, я не могу ошибаться. Но чтобы вы лучше поняли проблему, я должен рассказать вам о себе, Амели и Поле... Даже если мистер Бернс нас немного знает, так ведь?

— Поступайте, как считаете нужным, — ответил Оуэн, махнув рукой. — Ясность — самая полезная вещь в мире.

— В настоящее время я работаю у мистера Джона Брука, владеющего несколькими фабриками по производству бумаги, а кроме того, он интересуется многими вещами и в том числе живописью. Именно в этой области я работаю у него, поскольку я — художник-живописец. Он заказал мне целую серию полотен на тему Востока. Прошел примерно год, как я познакомился там с Амели...

— С его дочерью? — спросил я.

— Нет. Но он был практически ее крестным, так как Амели — единственная дочь одного из его лучших друзей, погибшего, когда она была еще совсем юной. Амели жила у своей старой тетки, но часто приезжала в Северн-Лодж, резиденцию Джона Брука. А значит, я часто виделся с ней, и уже ни для кого не было секретом, что я влюбился в Амели.

Майкл Денхем сделал паузу, выпустил два-три клуба дыма, как будто чтобы обрести уверенность, его голос немного понизился после последних слов.

— Разделенная любовь, — продолжил он, — но кое-кто воспользовался ситуацией и совершил вероломный поступок. Более того, у Амели игривый и переменчивый характер, чем он не преминул воспользоваться... Мой работодатель жил с женой и единственным сыном, Полом, примерно того же возраста, что Амели и я... От сынка-то и исходило все зло.

Майкл силился сохранять нейтральную интонацию, но ему это не удавалось.

— Я не подозревал о настоящих чувствах Пола, так как он был очень замкнутым, даже каким-то таинственным. Он уверял, что был влюблен в Амели с самого детства, с тех пор, как они познакомились. Но якобы случайно ему стало известно, что Амели и я влюблены друг в друга и решили признаться ему в этом. Если не вдавать-

ся в детали, я приехал на тот рождественский вечер прошлого года, где, кажется, были и вы, мистер Бернс...

Оуэн, задумчиво приложив палец к губам, сделал ему знак продолжать.

— Этот вечер был традиционно организован мистером Бруком. Собралось очень много народу. Пунш лился рекой, и все довольно быстро разогрелись. Пол Брук и я, выпив больше разумного, стали упрекать друг друга не в самых дружелюбных выражениях и были недалеко от того, чтобы пустить в ход кулаки. Амели тоже находилась под воздействием выпитого пунша. В общем, чтобы разрешить наши разногласия, она сочла нужным вмешаться в спор в своей манере, громко объявив, что будет принадлежать тому из нас, кто предоставит ей неопровержимое доказательство любви! Кто-то из присутствующих спросил, о какого рода доказательстве она говорит. «Влюбленный должен убить кого-нибудь ради меня!» — ответила Амели. «Убить, совершить преступление?» — спросил кто-то из гостей. «Да! Преступление! Преступления! И красивые преступления!»

Амели как будто опьянял всевозрастающий интерес, спровоцированный ее словами, и она не без гордости вызывающе кивала людям, надбавлявшим цену замечаниями типа: «Да, художественные преступления!», «Чудесные преступления!». «Семь чудес преступления!» — воскликнул один из присутствующих, проводя параллель между семью чудесами света, что сразу вызвало новую волну споров, в которых каждый старался проявить свою эрудицию.

— Очень азартная игра для джентри*, — насмешливо пояснил Оуэн. — В результате все были

* Gentry (англ.) — нетитулованное мелкопоместное дворянство.

раззадорены игрой, соревновались в остроумии... Да, я помню это, мистер Денхем. Я действительно присутствовал на том приеме и находился неподалеку от вашей спорящей группы. Я точно помню последние слова Амели, которая в конце концов сказала одному из вас эти решительные и примечательные слова: «Вы любите меня? Это радует. Ну, а теперь убейте!»

— Точно. Она сказала это Полу, который сразу же подтвердил, что ради нее готов на все.

Таким образом, подумал я, Оуэн скрыл от меня эту историю. Как я уже догадался, он знал об этом больше, но не хотел говорить. В дальнейшем к данному вопросу следует вернуться.

— Конечно, — продолжил наш гость, едва заметно пожав плечами, — постепенно, обретая спокойствие и ясность ума, я не придавал значения реакции Пола, списав все на нашу почти естественную вспыльчивость с учетом возникших обстоятельств. Но позже и особенно в последние дни я вспомнил его слова, что он ради нее «готов на все».

Майкл, помрачнев, замолчал. Когда он вытаскивал сигарету, я обратил внимание на его руки, на длинные холеные пальцы, которые могли бы быть руками пианиста. Но пианиста, испытывающего страх, так как они слегка подрагивали.

Что касается Оуэна, то он сжал кулаки в глубоком раздумье. Затем его лицо исказила гримаса, и он заявил четким голосом:

— Если я хорошо вас понял, мистер Денхем, вы хотите сказать, что ваш соперник всерьез принял вызов, брошенный мисс Амели. Чтобы окончательно завоевать ее сердце, он решил заплатить огромную дань, требуемую принцессой: *совершить серию идеальных преступлений!*

Семь чудес
преступления

— Чудесных преступлений! — уточнил молодой художник, и на лбу у него выступили жемчужные капельки пота. — Семь чудес преступления, если точно цитировать слова вызова. Я хорошо понимаю, что эта гипотеза кажется абсурдной, смешной, безумной... Так как никто на вечеринке не принял всерьез эту глупую комедию, разыгранную нами! Вначале эта идея казалась мне безрассудной, но сегодня... читая заметки в прессе по поводу этих удивительных трех убийств, я решил не обращаться в полицию, но вполне допускаю, что их исполнителем мог быть Пол...

Наступила тишина. Майкл Денхем нервно погасил сигарету и поднял на Оуэна тяжелый, несколько надменный взгляд.

— Мне известна ваша репутация, мистер Бернс. Несколько человек говорили о вас, о той удивительной легкости, с которой вы разгадываете самые сложные тайны. И так как вы не служите в полиции, это избавляет меня от официальных действий, всегда мучительных, как вы понимаете! Поэтому я и пришел к вам поделиться моими подозрениями, в которых на самом деле почти уверен. В некотором смысле мое положение весьма неприятно, поскольку может сложиться впечатление, что таким образом я хочу избавиться от соперника. Но, с другой стороны, я не могу молчать... Мое молчание было бы преступным! Так как весьма вероятно, что он пойдет до конца, то есть продолжит зловещую серию!

Молодой человек замолчал. Мы тоже не проронили ни слова. Обвинения Майкла казались мне безумными и очень пристрастными, но инстинкт подсказывал, что расследование принимает верное направление. Предельно сосредоточенная поза моего друга убеждала меня в правильности такого впечатления. Наконец Оуэн заговорил:

— Из-за любви, как известно, можно потерять голову. Это чувство способно заставить перевернуть мир. Кроме того, мистер Денхем, я склоняюсь к тому, чтобы рассмотреть мотив того человека, о котором вы только что упомянули, чтобы объяснить действия загадочного преступника. Но вы, конечно, согласитесь, что ваше обвинение не основано ни на чем реально осязаемом. Есть ли у вас другие причины верить в виновность мистера Пола Брука?

— Конечно, это ничего не доказывает, но я могу констатировать, что он отсутствовал в день последнего преступления, двадцатого апреля. О предыдущих случаях у меня довольно смутные воспоминания. Но не на этом основана моя уверенность, и вы должны знать лучше, чем кто-либо другой, что хитроумный преступник всегда создает себе надежное алиби. Я думаю, Пол потерял голову из-за Амели, однако, несомненно, больше из-за своей гордыни, нежели из-за любви. Он очень скрытный человек, но я знаю, что по отношению ко мне он испытывал чувство жестокой ревности, толкнувшее его на то, чтобы получить абсолютный приоритет на завоевание Амели. Однако чтобы понять это, нужно знать его или постоянно соприкасаться с ним.

Оуэн несколько раз одобрительно покачал головой, а затем спросил:

— Вы часто ссорились?

— Вначале да, но после той вечеринки уже нет. В его поведении произошла полная перемена, что тоже показалось мне важным...

— Кто-нибудь знает, что вы пошли ко мне?

Майкл отрицательно покачал головой.

— А о ваших подозрениях?

— Тоже нет. Вы, конечно, понимаете, что я не собираюсь объяснять своему работодателю, что его

единственный сын скорее всего является преступником, которого разыскивает Скотленд-Ярд.

— И вы ничего не рассказали даже вашей невесте, мисс Амели?

— Я попытался с ней поговорить, — вздохнул молодой художник, — но не смог... Это очень деликатный вопрос. Она могла бы подумать, что таков мой корыстный расчет, и порвала бы со мной, чтобы из жалости остаться с этим типом. В общем, я не смог на это решиться, несмотря на огромное желание. Я был бы вам благодарен, если бы вы поняли мою сдержанность. Впрочем, я не прошу вас вести расследование из-за моего рассказа. Я просто хотел предоставить правосудию сведения, очень важные, с моей точки зрения, чтобы помочь в этом деле.

— Я понимаю, мистер Денхем. Очень хорошо понимаю ваше положение.

После долгого молчания молодой человек, полагая, что он уже чересчур злоупотребляет вниманием хозяина, встал, чтобы откланяться. Прежде чем покинуть комнату, он, поколебавшись, задал последний вопрос:

— Так я правильно сделал, что пришел к вам, мистер Оуэн?

— Не беспокойтесь, мистер Денхем. Мы будем рады снова увидеться с вами.

Когда фиакр, нанятый нашим гостем, исчез из вида, я отошел от окна и снова сел в кресло.

— Думаю, Оуэн, вы должны мне кое-что объяснить...

— Минуточку, я только посмотрю, приходили ли уже почтальон.

— Несомненно, ведь уже больше одиннадцати часов. Но корреспонденция подождет. Я хочу поговорить с вами об уже полученном письме, а точ-

нее, о том сообщении, которое сейчас находится в «Баснях» Лафонтена, если вы не переложили его за это время.

Оуэн молча окинул меня долгим, не лишенным значительности взглядом, а затем улыбнулся:

— Мой дорогой Ахилл, если бы вы меня внимательно слушали, то знали бы, что я не солгал.

— Не бойтесь, я доверяю вам и понимаю, что вы осторожны при выборе тех или иных слов!

— А я вам также объяснил причины моего молчания по поводу некоторых ваших расспросов. Впрочем, в итоге с вашим нюхом, равного которому нет во всем королевстве, вы всегда натываетесь на истину. Я процитирую только одно из ваших недавних замечаний, например: «*Этому чуду преступления*», — сказали вы, когда мы говорили о художниках-преступниках, и данное замечание фонетически привело нас к *семи* чудесам преступления. Значит, вы прикоснулись к тому, что и мне пришло в голову.

Да, как я уже говорил мистеру Денхему, я был на этой вечеринке, организованной мистером Бруком. Но вы не знаете, что я развлекался в обществе людей с не слишком высоким интеллектом. И я, естественно, вспомнил об этом, получив загадочное сообщение, слово в слово повторяющее слова мисс Амели, брошенные своим воздыхателям.

— *Своим или одному из своих* воздыхателей?

— Этого я не знаю. Если мне не изменяет память, у меня сложилось впечатление, что она обращалась к обоим, но Майкл Денхем думает иначе. Вы знаете мисс Амели Долл? Нет? Тогда скажу вам, что она — одно из самых восхитительных созданий, и это признают практически все, многие без ума от нее...

Семь чудес
преступления

Оуэн повернулся к одной из своих муз и улыбнулся, как будто увидел в ней ту самую молодую девушку.

— Многие из двуногих особ мужского пола хотели бы быть на месте этих двух спорящих юнцов. Одним словом, вполне понятны и их бесконечная преданность, и взаимная ревность. Вероятно, вы хотели бы увидеть Амели, так как у меня есть намерение в ближайшие дни ее навестить ...

— Если вы думаете, что мое присутствие там будет полезным, я не возражаю...

— Вы мне как брат. И честное слово, — он оценивающе осмотрел меня с головы до ног, — у вас есть шанс принять участие в этом визите, что может сказаться благоприятным образом. Можно будет заподозрить вас в участии в «чудесных преступлениях», ради того чтобы унести трофей от этой милой барышни. Но если говорить серьезно, Ахилл, я уже рассмотрел эту версию, то есть предположил, что один из двух юных безумцев принял ее вызов всерьез. Я думал об этом, но не верил, что все окажется реальностью, поскольку такой поворот представлялся слишком гротескным. Но сейчас один из них пришел ко мне, чтобы сказать то, что я не осмеливался произносить вслух...

— Что вы думаете об этом мистере Денхеме, художнике-живописце?

— Как художник, он при обычных обстоятельствах должен быть достаточно интересным и очень занимательным. Но сейчас страсть лишила его всякого чувства юмора.

— Я говорю о самом факте, что он художник... Разве это не та самая профессия художника-преступника, о которой вы совсем недавно так блестяще рассказывали.

— Бог мой, Ахилл, это же только образ! И когда вы перестанете буквально воспринимать все, что я говорю!

— Вы, кажется, забыли, что наш преступник посылает свои «картины» в полицию!

— Я вам тысячи раз повторял, что худший враг нашей профессии — это скороспелые выводы!

Его реакция меня совсем не удивила. Когда вывод казался слишком очевидным, Оуэн имел привычку отклонять его.

— По вашему мнению, — спросил я, — это он отправил вам сообщение в тот день?

— Вы должны были спросить его об этом. Но я так не считаю, скорее я думаю о...

В этот момент раздался звонок. Через несколько мгновений Оуэн уже встречал агента полиции, мрачный вид которого не предвещал ничего хорошего. Тяжелое дыхание свидетельствовало о том, что он очень спешил.

— Меня прислал инспектор Уэдекинд, — пробормотал полицейский. — Он очень просил сопровождать вас на место трагедии... В Скотленд-Ярде сегодня утром получили очередную картину и только что обнаружили жертву в чем-то вроде оранжереи, возле которой нет никаких следов, совершенно открытой... Там нашли полкового врача Родеса, умершего от жажды перед кувшином, до краев наполненным питьевой водой!

Глава 6

Переехав Темзу, мы двинулись на запад, к Сиксти-Акр-Вуд. За пустырем тянулись участки, отведенные для садов или цветников, окаймленные

кустами и высокими деревьями. Но окрестности казались достаточно заброшенными. На краю леса мы заметили несколько экипажей, где молча сидели кучера. Скотленд-Ярд уже был на месте.

Наш фиакр остановился рядом с другими, и, выйдя из него, мы сразу направились вслед за офицером по тропинке, идущей через лес. Метров через сто мы вышли на большое поле, в центре которого находилось что-то вроде оранжереи в форме домика.

Мы направились к нему. На высоте колодца я заметил ряд досок, лежавших на голой земле, выровненной и слегка потрескавшейся. Четыре солнечных дня сильно иссушили почву. Полицейские стояли на досках, и один из них предложил нам последовать за ним по дощатой дорожке, чтобы подойти к оранжерее.

Это была небольшая конструкция под битумной крышей. Вместо стен вставлены стекла, как в большой теплице. Никакой мебели, кроме ветхого комода с горшками и садовым инвентарем. Несколько сосновых досок служили в качестве пола. В центре лежало тело высокого крепкого мужчины лет пятидесяти с голым торсом. У него были гладкие, коротко стриженные волосы и обветренное лицо. Он лежал на правом боку, странно скорчившись, но что было особенно поразительным, так это выражение его изборожденного морщинами и странно застывшего лица. На спине с выраженной мускулатурой были видны старые шрамы.

Рядом с телом находились судебно-медицинский эксперт, полицейский в форме и инспектор Уэдекинд, который поприветствовал нас кивком головы. Его блестящая от пота кожа свидетельствовала о сильной жаре, царившей в этом месте, но также об ожесточении и бессильном гневе перед новой трагедией. Тем не менее он слегка улыбнулся,

однако это была нерадостная улыбка. Уэдекинд сказал, глядя на нас:

— Жертва — офицер Гектор Родес. Мы нашли его документы в куртке, аккуратно сложенной на комод, хотя рубашка, скомканная, валялась в грязи в углу помещения. Сегодня утром мы получили очередную «картину», на которой наш «художник» написал: «Я УБЬЮ РОДЕСА, КОГДА БУДУ В ЗЕНИТЕ».

— Да, это очевидно, — прошептал Оуэн, как будто разговаривая сам с собой.

— Послание — такое же туманное, как предыдущие, но хорошо, что мы искали тело недолго, так как два часа спустя нам уже сообщили об этом трупе, который был обнаружен за час до получения «картины». На этот раз, если можно так сказать, везение на нашей стороне. Я велел принести на осмотр предметы, которые мы обнаружили по прибытии, хотя здесь нет никаких признаков чьего-либо присутствия. Правда, неподалеку от тела лежали два сломанных пополам черенка от лопаты. Рядом с жертвой находилась подозрительная труба, а прямо перед носом, так сказать... *кувшин с водой!* Наполненный до краев водой, самой что ни на есть питьевой! Тем не менее этот человек умер от полного обезвоживания, как будто, лишившись сил, рухнул после долгой и безуспешной попытки пересечь пустыню... *Умер от жажды! Умер от жажды перед кувшином с водой!*

— Невероятно, — проговорил Оуэн с видом, похожим на удивленное восхищение. — Совершенно невероятно! Действительно, мы имеем дело с незаурядным преступником!

— Это все, что вы можете сказать? — рассердился полицейский.

— Я пытаюсь ради приличия быть предельно кратким. Потому что такое преступление вызывает

восхищение самого требовательного криминального эксперта. Но когда на самом деле наступила смерть?

— Не так давно, я думаю, — ответил судебно-медицинский эксперт. — Самое большее, двенадцать часов назад, но я хочу дождаться результатов вскрытия, хотя есть риск, что эти результаты будут неточными, если у этого человека несколько дней не было во рту ни капли воды, в чем я практически убедился при первом осмотре. Взгляните, например, на его кожу, тусклую и высохшую, это вполне красноречиво...

— Сколько времени он оставался без воды?

— При такой погоде, как в последние дни, да к тому же если он находился в этом душном месте, то не больше трех дней...

— Однако, — продолжил инспектор Уэдекинд, — мы знаем, что он находился именно здесь. У нас есть убедительное доказательство. И это один из самых странных аспектов данного убийства. Пойдемте, господа, следуйте за мной...

Он вышел из оранжереи и прошел несколько метров по доскам.

— Посмотрите туда, — сказал он, указывая на широкую полосу разровненной земли, окружавшей строение. — На десяток метров вокруг земля была не так давно засеяна газонной травой. И, кажется, до наступления жары здесь был хороший ливень, после которого на поверхности почвы образовалась тонкая корочка, местами растрескавшаяся. Малейший шаг по такой поверхности оставляет очень четкий отпечаток. Однако садовник, обнаруживший тело, а затем и мы сами, констатировали, что здесь не было никаких других следов, кроме тех, которые только что оставили мы сами! Впрочем, мы сразу же приняли меры предосторожности и положили эти доски, по которым теперь передвигаемся. С дру-

гой стороны, как вы могли заметить, в двери нет ни замка, ни задвижки. Жертву никто не запирает, убийца не мог удерживать ее силой. Чтобы выйти, ему достаточно было разбить любое из окон. А значит, этот Родес был совершенно свободен в своих перемещениях...

Оуэн задумчиво осматривал место преступления, затем, сделав руку козырьком, посмотрел на солнце, сверкавшее высоко в небе.

— Узнаем, который час, — проговорил он. — Еще нет двух часов... А этот человек мог умереть двенадцать часов назад? Значит, ранним утром? Следует признать, что на этот раз убийца был не очень точен...

— Я не понимаю вас, — сухо заметил Уэдекинд.

— Разве он не объявил, что «Родес» умрет, когда «Я» буду в зените? Следует воспринимать это «Я» как солнце, а посредник солнца — это жара, которая в итоге и является убийцей Родеса. И кстати, Уэдекинд, не было ли на последней «картине» точек, отмечающих отсутствующие буквы?

— Нет. Я обратил на это внимание.

— А я в этом сомневаюсь, — отозвался мой друг с раздражающей уверенностью.

— Вы сомневаетесь? — насмешливо бросил инспектор. — Может быть, вы также сомневаетесь, что жертвой стал некий Гектор Родес?!

— В некотором роде, да. Хотя у меня не возникает сомнений в том, что фамилия жертвы прозрачна...

— *Фамилия прозрачна!* — повторил полицейский, округлив от удивления глаза. — Что вы, к дьяволу, хотите сказать?

— Только следуя логике вещей, Уэдекинд. Ну, подумайте немного. Вы видели его рост и мускула-

туру? Здоровый детина под метр девяносто. Одним словом, великан, колосс.

Мы вернулись к труп. Врач подтвердил нашу оценку его роста, и без того очевидную.

— Вы уверены, что на теле нет следов насилия или борьбы? — спросил инспектор, начинавший проявлять признаки нервозности.

— Так же уверен, как и после первого осмотра, — ответил эксперт.

— Значит, при первом осмотре выяснилось, что он остался умирать... умирать от жажды, имея перед собой кувшин с водой, — мрачно и задумчиво произнес Уэдекинд.

— А может быть, — предположил я, — он таким образом решил покончить с собой?

— Никогда в жизни я не слышал о самоубийстве подобного рода! — сказал врач с недовольной, но выразительной гримасой. — Перед смертью, наступившей от полного обезвоживания, он сначала сильно страдал от потери некоторых жизненных функций, а затем находился в прогрессирующем бреде вплоть до наступления комы. Мы имеем дело по меньшей мере с сумасшествием... и еще... я не понимаю, каким образом можно всерьез рассматривать эту версию!

— И тем не менее, судя по вашему анализу, здесь исключаются и несчастный случай, и убийство!

— Действительно. Но я должен только передать вам чисто научные результаты моего осмотра. А вы уже, основываясь на них, объясните все остальное...

— Но все остальное — абсолютно противоречиво!

— А это ваше дело, — сказал врач, поправляя пенсне. — Я не могу ничего посоветовать, но полученная вами картина должна была вывести вас на след убийства...

— Представьте себе, что у меня нет других улик. И я прошу вас во время вскрытия быть особенно внимательным к тому, что мы сообщили вам ранее...

— У вас есть какая-нибудь идея, Уэдекинд? — весело спросил Оуэн.

— Да, поскольку я вижу единственное объяснение этому преступлению. Убийце удалось усыпить его или поддерживать в сонном состоянии, вводя Родесу какое-то наркотическое вещество до тех пор, пока обезвоживание не сделало свое дело.

— А зачем тогда был нужен этот кувшин?

— Просто деталь мизансцены, чтобы бросить нам еще один вызов.

— А подозрная труба? Даже если и она элемент декорации, должен же в этом быть какой-то смысл, — подчеркнул Оуэн.

Инспектор в знак неведения пожал плечами.

— Как правило, — продолжил мой друг, — подозрная труба служит для того, чтобы смотреть вдаль. Однако что мы видим здесь? — добавил он, подходя к стеклянной стене, чтобы осмотреть горизонт. Опушка леса, в пятистах метрах несколько кустов и большое поле... Ничего особенного на самом деле. Надеюсь, инспектор, что вскрытие обнаружит следы этого таинственного наркотического вещества... Иначе нам придется привлечь все свое вдохновение, чтобы найти решение этой загадки!

По дороге в Северн-Лодж Оуэн поделился со мной некоторыми сведениями, которые смог раздобыть по поводу нашего подозреваемого номер один, Пола Брука. С тех пор как мы виделись с Уэдекиндом, прошло более суток и мы не получали никаких новостей. Оуэн рассказал инспектору о визите Майкла, осторожно поведав о его сви-

детельствах. Полицейский посоветовал моему другу пока вести собственное расследование — вдруг до официального вмешательства у них появится общая версия. Имя Джона Брука заставило Уэдекинда несколько напрячься, и он попросил Оуэна, одобряя все его действия, быть очень осторожным.

Погода была великолепной, и в этот замечательный день конца мая мне никто не мешал вспоминать живопись Констебла, любуясь открывающимся из окон фиакра умиротворяющим сельским пейзажем. Мы ехали вдоль небольшого озера, в котором отражались маленькие, напоминающие клочья ваты облачка, так мастерски изображаемые этим живописцем. Мы находились далеко от вечной столичной суматохи, оставшейся в шести или семи милях от нас!

— На самом деле, — сказал Оуэн, — я больше думаю о Бруке-отце, чем о его сыне...

— Да пусть он идет своей дорогой, — бросил я, не отрывая взгляд от озера.

— Конечно, но, я надеюсь, не дорогой преступления! В любом случае, не знаю, обладает ли сын энергией своего отца, который вел достаточно оживленную и разнообразную жизнь, прежде чем стать богатым бумагопромышленником, что поставило его в ряды достаточно влиятельных персон этой отрасли.

В начале тысяча восемьсот семидесятых годов он совершил несколько путешествий на Балканы, где прожил некоторое время, поддерживая панславянское движение. Обрато Брук-старший вернулся в сопровождении молодой девушки, на которой вскоре женился и написал очень популярную книгу, затем занялся исследованиями в области геологии и нумизматики — и стал большим специалистом по древнегреческим и древнеримским монетам...

— Как и сэр Томас! Может быть, они знали друг друга?

— Я подхожу к этому. Брук написал монографию на данную тему и, кажется, собрал замечательную коллекцию. Потом он увлекся новой дисциплиной, которой посвятил некоторое время. Это египтология. В начале девяностых годов организовал несколько частных экспедиций для поиска захоронений фараонов. В списке членов этих экспедиций я обнаружил фамилию сэра Томаса, из чего, полагаю, следует, что они были достаточно хорошо знакомы. Результаты его поисков были более чем скромными, но этот вопрос требует тщательного изучения. В конце девятнадцатого века он полностью переключился на бизнес и, как известно, добился больших успехов. Это не помешало Бруку постоянно заниматься искусством и среди всего остального щедро помогать молодым талантам...

— Как, например, Майклу Денхему!

Оуэн, состроив гримасу, перевернул страницу своей записной книжки.

— Кажется, впрочем, сын мистера Брука, Пол, его единственный сын, создает отцу определенные проблемы...

— Избалованный ребенок?

— Избалованный, но не своим отцом, так как в период взросления всегда был праздношатающим гулякой, как мы уже смогли убедиться. И теперь, в двадцать пять лет, получив какое-то художественное и литературное образование, он ведет достаточно праздную и замкнутую жизнь. Может быть, он будущий гений, — задумчиво добавил Оуэн.

— Гений преступления! — усмехнулся я.

— Именно в этом смысле я и высказался. Ну, думаю, мы приехали.

Северн-Лодж скрывался за зеленой изгородью. Это было чопорное аристократическое строение в георгианском стиле. Портик из белокаменных колонн выделялся на фоне коричневой кирпичной кладки, тронутой патиной со временем. Его большие окна сияли в лучах заходящего солнца.

Нас встретил пожилой слуга, который то и дело вздрагивал от непрерывного кашля. Взяв визитную карточку Оуэна, он удалился и, вернувшись через несколько минут, сообщил нам, что Пол Брук будет готов принять нас в саду. Мы прошли вслед за ним до конца дома, где в тени плакучей ивы стояли несколько стульев и стол из кованого железа. С этого места открывался приятный вид на большую лужайку, обрамленную рядами лип. Центральная грунтовая аллея, ведущая к утопавшему в цветах зданию, частично была скрыта от нас листвой деревьев.

У молодого человека были черные как смоль волосы, безусловно, унаследованные от славянских предков матери, так же как и матовый цвет кожи, прекрасно гармонирующий с темно-голубыми глазами. Он был строен, невысокого роста и широк в плечах. Пол показался мне более красивым юношей, чем Майкл Денхем, который тоже был хорош собой. Его взгляд был одновременно нежным и скрытным, как у человека с замкнутым характером, требующим возможности проявиться.

Пол вежливо поприветствовал нас, приглашая садиться, а затем поинтересовался целью нашего визита.

Оуэн, мастер поговорить, принялся представлять наш приход как самую естественную вещь в мире. Вспоминая о вызове, брошенном Амели на празднике, организованном Бруком-отцом, он поинтересовался, не имеет ли это происшествие от-

ношения к недавней серии преступлений, и не может ли Пол Брук помочь выйти на возможный след.

Несмотря на красноречие Оуэна, я был поражен реакцией нашего хозяина, приятно удивленного сообщением.

— Какое совпадение! — воскликнул он. — Значит, вы и есть знаменитый Оуэн Бернс! Да, какое дьявольское совпадение! Вы приходите побеседовать со мной об этих убийствах, а я уже собрался искать вас, чтобы поговорить именно о них!

А затем, понижая голос, Пол сказал:

— *Потому, что я знаю, господа, человека, который скрывается за всем этим...*

Глава 7

Подозрения Пола были почти полностью идентичны подозрениям Майкла Денхема, только, разумеется, с перестановкой ролей. По его мнению, убийцей был не кто иной, как молодой художник, и «эта бессовестная личность» появилась только для того, чтобы совершенно бесстыдным образом нарушить его личную жизнь. Стоило с недоверием отнестись к его видимому спокойствию и внешнему блеску, за которым скрывалось нечто очень решительное, способное жестоко потеснить соперника, в данном случае его, Пола Брука. Майкл был готов на все, и особенно на то, чтобы первым принять вызов Амели.

Несомненно, опасаясь, что кто-нибудь может злоупотребить нашей беседой, Пол предложил продолжить разговор, прогуливаясь по парку имения. Медленно прохаживаясь по аллее, устремив взгляд в землю, он продолжал глухим голосом:

Семь чудес
преступления

— Естественно, поначалу я не решался в это поверить, настолько все казалось невероятным. Но потом, постоянно читая в газетах статьи о целой цепочке преступлений... я понял, что это вполне возможно. Денхем настолько потерял голову, что, конечно, мог совершить для Амели эти «чудесные преступления», чтобы окончательно устранить меня со своей дороги. Чем больше я думал об этом, тем сильнее крепла моя уверенность, и, как уже сказал, я собирался прийти к вам и поговорить о своих подозрениях...

— И вы не посылали мне записку, чтобы предупредить о своем приходе?

— Записку? — удивился молодой человек.

— Ну, письмо или какое-нибудь сообщение?

Пол Брук отрицательно покачал головой.

— А почему вы решили прийти именно ко мне? — спросил Оуэн, полностью поглощенный разглядыванием полевого цветка, который только что сорвал.

— Я слышан о вашей репутации, сэр. Вы кажется мне наиболее способным оценить важность моих подозрений. А кроме того, в то время у нас в доме упоминали о вас. Вы знаете моего отца, не так ли?

— Я имел удовольствие приветствовать его в тот самый рождественский вечер, на который удостоился чести получить приглашение. Мы всего лишь обменялись несколькими словами, но этого было вполне достаточно, чтобы оценить точность его суждений по поводу одного из произведений искусства...

Пол Брук прочистил горло и без всякого перехода вернулся к своим объяснениям:

— В то утро, когда я узнал из прессы о новой трагедии, мои последние сомнения рассеялись. Так как, по моему мнению, это новое и таинственное убийство окончательно все расставило по своим местам.

— Можно спросить, почему? Почему именно это убийство убедило вас больше, чем другие?

Молодой человек задумчиво пожевал травинку:

— Потому что жертвой стал военный врач Родес, настоящий великан, колосс...

Глаза Оуэна заблестели, он бросил взгляд на меня, затем повернулся к Полу Бруку, искоса смотревшему на нас и продолжавшему свою речь:

— Военный врач Родес, настоящий колосс... Эта ассоциация со словами неизбежно заставляет думать о знаменитом Колоссе Родосском, одном из знаменитых семи чудес света, на которые калькой переносятся «семь чудес преступления», что, несомненно, и реализовал этот безумец Денхем...

— Колосс Родосский... — прошептал я, а Оуэн насмешливо заметил:

— Теперь вы понимаете, почему фамилия жертвы мне показалась вполне прозрачной?

— Конечно, — заметил Брук, — это является не доказательством, но уликой, подводящей нас к той самой личности. Кроме того, я знаю, что Денхем был знаком с Родесом. В то время, примерно год назад, когда он еще не остановил свой выбор на Амели, мы иногда ходили вместе в паб пропустить кружку-другую. Его любимым местом было заведение «Телец». Тогда он и познакомил меня с Родесом, который, как и он, был завсегдатаем этого заведения. Родес — закаленный вояка, краснобай, выпивоха, любитель женщин, драчун и заядлый спорщик. Его речи, впрочем, ограничивались воспоминаниями о былых подвигах, соблазненных женщинах, галлонах выпитого пива или перебитых в сражениях туземцах.

Это был неприятный тип, которого я по мере возможности избегал. Но я не знал, были ли у Майкла с ним отношения помимо встреч в баре.

Во всяком случае, факт состоит в том, что он знал Родеса.

— Все это очень поучительно, — сказал Оуэн, ослабляя узел галстука, и, указывая на ряд платанов, окаймлявших тропинку, добавил: — Становится жарко. Я предлагаю пройти туда, в тень больших деревьев. Но скажите, мистер Брук, вам приходилось видеть полотна Майкла Денхема?

Лицо Брука потемнело еще до того, как мы достигли затемненной части аллеи под большими деревьями.

— Да, разумеется... Это было год назад, когда он появился у нас в качестве художника...

— Он талантлив?

— Я, конечно, не знаток, но мне его работы показались достаточно посредственными и довольно однообразными, хотя прекрасно знаю, что именно мой отец заказал эти египетские пейзажи, где Нил и его берега бесконечно повторяются при различном освещении. И лучше бы ему ограничиться только этим!

От Оуэна не укрылось изменение интонаций его голоса, и он спросил с преувеличенной непринужденностью:

— Почему? Он писал что-нибудь другое?

— Да, но прежде чем рассказать об этом, мне следовало бы уточнить некоторые моменты, без чего у вас может сложиться неверное представление об Амели...

Оуэн прекрасно представлял себе, что лучший способ разговорить — это внимательно изучить молчание собеседника. И он на самом деле великолепно владел этим методом. Кроме того, даже замкнутый по природе человек может обнаружить красноречивую откровенность, если случай дает повод для этого и если тема по-настоящему его ин-

тересует. Это был тот самый случай: очевидно, Амели была предметом особой заинтересованности Пола Брука, голос которого слегка дрожал, когда он начал говорить о ней.

— Я знаю Амели Долл с самого детства, так как наши отцы были очень хорошими друзьями. Когда они уехали в Египет на археологические раскопки, нам было по двенадцать лет. Я остался в Англии, а мистер Долл увез дочь вместе с собой, поэтому она провела там немало времени. Мистер Долл умер в Египте во время одной из экспедиций, а после его смерти Амели воспитывал мой отец. Однажды он тяжело заболел малярией и не мог больше заниматься ею. Когда они вернулись обратно, Амели уехала жить к своей тетке. В Египте было очень жарко, и у нее появилась... ну, скажем так, привычка легкомысленного поведения...

Щеки молодого человека покрылись румянцем, он явно был в смущении.

— У нее... как это сказать... было достаточно смягченное чувство стыда. Она могла, например, в жаркую погоду прогуливаться в саду совершенно... без всякой одежды. Я пытался поговорить с ней об этом, чтобы внушить понятие определенной стыдливости, но у нее была манера видеть вещи такими, как она считала нужным, хотя в остальном вела себя и рассуждала, как и большинство людей. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я думаю, эта девушка с характером, — пояснил Оуэн, полностью поглощенный созерцанием своего цветка.

— Денхем, очевидно, извлек выгоду из ее привычки, если можно так сказать, чтобы плести свою паутину. И не замедлил предложить Амели написать ее портрет... в costume Евы.

Она была, естественно, захвачена этим предложением. Надо сказать, в то время мы с ней еще не были связаны взаимной симпатией — по крайней мере, так, как сейчас. Но ведь они оба должны были понимать, что наша долгая дружба может перерасти в более сильное чувство. К сожалению, дальше случилось то, чего я так опасался...

— Они влюбились друг в друга! — вмешался Оуэн.

— Лучше сказать, что этот тип принял за любовь свою животную страсть. Но его чувство вообще не было разделенным ею, как он себе представлял. Столкнувшись с таким подстрекательством, я должен был вмешаться и рассказать Амели о том, что испытываю к ней на протяжении стольких лет. И она смогла только смириться с очевидностью наших взаимных чувств, но попросила у меня время на размышление, так как не могла сразу порвать с Денхемом, с которым виделась незадолго до меня. В общем, это стало началом неопределенной ситуации, которая продолжалась до настоящего времени... Но Денхем решил положить ей конец, увы, таким трагическим способом!

Я еле сдерживался, чтобы не рассказать Полу Бруку о том, как к нам накануне приходил Майкл Денхем с теми же самыми обвинениями в его адрес. Но все-таки промолчал, предоставив моему другу свободу действий, так как знал, что он не простит мне никакой тактической ошибки.

— Мистер Денхем завершил портрет вашей подруги? — спросил он внезапно.

— Некоторым образом, да, — ответил Брук, потирая затылок. — Я бросил его в камин незадолго до завершения. Амели не одобрила мой жест, но я объяснил ей, что это и есть доказательство моей любви.

— Ваш отец был в курсе этих необычных... сеансов позирования?

Пол Брук остановился и перевел взгляд на крону большого платана.

— Естественно, — произнес он неожиданно безразличным тоном. — Она позировала в мастерской, которая была в распоряжении Денхема. Но мой отец не видел в этом ничего предосудительного. У него очень либеральные взгляды на жизнь... А в том, что касается искусства, — все разрешено.

— А что об этом думала ваша мать?

— Я не знаю, думает ли моя мать о чем-нибудь иначе, чем мой отец, с тех пор, как она узнала его. Мой отец для нее герой, сражавшийся за ее родную страну. Она никогда не высказывалась против каких-либо его действий, даже в его отсутствие...

— Значит, у нее совсем другой характер, в отличие от вашей невесты! — весело бросил Оуэн.

Внезапно Брук как будто преобразился. Нежность безмятежной улыбки осветила его лицо, прекрасно передавая все чувства, которые он испытывал к девушке.

— Она так чудесна, так прекрасна, что самый яркий цветок кажется рядом с ней совсем бледным.

Мы уже возвращались обратно, когда наш хозяин закончил говорить об Амели, и все в выражениях, пропорциональных его любви. Мы пересекли лужайку и проходили мимо сооружения, украшенного цветами, которое я мельком увидел из-за стола в саду. Аллея, начинавшаяся от дома, заканчивалась у большой перголы, обвитой дивными разноцветными клематисами, образуя что-то похожее на павильон без крыши, состоящий из пяти колонн, размещенных кругом и увенчанных небольшой аркой, соединявшей эти колонны. Другое

вьющееся растение, не такое густое, как клематис, украшало своими пастельными цветами это занятное сооружение, в центре которого, как священный объект в святилище, находилась небесная сфера.

— Замечательно! — воскликнул Оуэн, рассматривая живописный ансамбль.

— Это идея моего отца, — пояснил Пол Брук бесстрастно. — За создание этих колонн он заплатил безумные деньги...

— И неудивительно! Капители великолепно сработаны, и скульптор обладал прекрасным вкусом, выбрав ионический ордер, которому и я отдаю предпочтение вследствие соблюдения им тонкого баланса между изяществом и простотой. Произведение искусства всегда должно быть изящным и простым.

Пол Брук, который, как я догадывался, отнюдь не разделял энтузиазма Оуэна по поводу художественной ценности этого творения, молча наблюдал за ним, а потом произнес:

— «Ворота в потусторонний мир». Так назвал это отец. А длинная пергола, под которой все проходят в дом, должна символизировать, по его мнению, продолжительность жизни, и, конечно, небесная сфера — высшее достижение, старт в неизвестное... Мой отец очень гордится своим творением... и хочет, чтобы его там похоронили.

Вечером, в лондонском пабе, где мы встретились с инспектором Уэдекиндом, приславшим нам сообщение, я докладывал Оуэну о некоторых выводах, которые возникли у меня после встречи с Полом Бруком.

— Разумеется, я признаю, что должен был вспомнить о Колоссе Родосском, проявив чуть больше находчивости, но тогда мы были так ошеломлены этим новым преступлением...

— Мы всегда это знали! — поправил меня Оуэн, ставя на стол только что опустошенную кружку пива. — По крайней мере вы не первый проникли в эту тайну!

— Увы, нет! Но замечание Брука натолкнуло меня на одну идею. Поскольку последнее преступление связано с одним из семи чудес света, сказал я себе, то *почему бы и не остальные?* Вы понимаете? При рассмотрении предыдущих убийств очевидно, что в них можно было бы найти то, которое вдохновлено пусть и не Колоссом Родосским, *но одним из оставшихся шести чудес света.* Вы понимаете меня, Оуэн?

— Пытаюсь, — сказал он, глядя на меня с насмешливой улыбкой. — Но это не так легко! В этом зале слишком шумно! — Повернувшись в сторону, он громко произнес: — Если бы игроки в дартс не трубили, как слоны, при каждом попадании в цель, мы были бы им премного благодарны!

— Оуэн, вы сходите с ума! — взмолился я, в то время как наш стол стали обстреливать гневными взглядами. — Вам хочется стать похожим на дикобраза, оцетинившегося их дротиками?

— Надо уметь брать на себя ответственность в жизни, друг мой. Уважение — один из столпов общества. Если оно исчезнет, рухнут самые блистательные цивилизации, как рухнул тщеславный Вавилон. Но вы, кажется, говорили о шестом чуде света, так ведь?

— Да, и я думаю о первом преступлении, с Александром Райли, вспыхнувшем, как факел, на самом верху своего маяка. *«Он горел в ночи, словно сам был маяком»* — как сказал один из свидетелей. А если вспомнить послание убийцы, он объявил нам, что *«весь мир сможет*

любоваться им, он будет солнцем моря»... Вот вам и маяк! Маяк, построенный на острове Фарос! Легендарный Александрийский маяк, возвышавшийся на Средиземном море, освещавший его своим великолепием и блеском! Он был гордостью Александрии, получившей свое имя от Александра Македонского. Такое же имя у жертвы. Это ли не напоминание об Александрийском маяке? Вы понимаете меня?

Оуэн, все еще улыбаясь, зажег сигару, оттягивая время, а затем бросил:

— Скажите, Ахилл, вы считаете меня идиотом? То, что вы сейчас объяснили с такой горячностью, было первым, что пришло мне в голову, когда я занялся тем убийством почти два месяца назад, пятого апреля, если быть точным.

— Да, конечно, я сомневался в этом, но вы так странно смотрели на меня...

— Потому что это было действительно смешно. Но пойдем дальше. Я полагаю также, что ваш живой ум, увлеченный порывом логической ясности, попытался связать остальные преступления с другими чудесами света...

— Да, естественно, но мои воспоминания об этих семи чудесах древности не слишком точны...

После этих слов я был вознагражден укоризненным взглядом.

— Это хуже, чем преступление, Ахилл. Это ошибка. И достаточно непростительная ошибка, такая же, как и неумение назвать девять муз. А может быть, даже еще серьезнее.

— Я хорошо помню пирамиду Хеопса в Гизе, мавзолей в Галикарнасе, но не вижу здесь связи с нашими преступлениями... Однако дайте мне время справиться по книгам...

— Время? Время торопит нас, потому что, как вы уже хорошо поняли, семь чудес света тесно связаны с этими убийствами. В таком случае, если позволите, я лично займусь устранением пробелов в ваших знаниях. Итак, у нас есть пирамида Хеопса, слишком известная, чтобы задерживаться на ней, затем гробница царя Мавзола в Галикарнасе, построенная на берегу Эгейского моря. Затем идут висячие сады в Вавилоне, созданные, как говорит легенда, мифической царицей Семирамидой. После храм Артемиды в Эфесе, другом замечательном городе Малой Азии. И наконец, статуя Зевса в Олимпии, вся из золота и слоновой кости, созданная талантом скульптора Фидия. И теперь вам остается только копать вглубь, чтобы найти подходящие ассоциации... И я помогу вам встать на верный путь, напомнив, что Артемиды, названная римлянами Дианой, была богиней охоты, имела среди своих атрибутов лук и стрелы...

— Убийство сэра Томаса, сраженного стрелой! — воскликнул я в тот самый момент, когда дротик игроков в дартс воткнулся в наш стол, как раз между кружками с пивом. Он вонзился с таким сухим звуком, что я невольно подпрыгнул.

И тут какой-то сухопарый тип, одетый как пиковый туз, отвратительно улыбаясь, направился к нам и, забирая свой дротик, насмешливо бросил Оуэну:

— Извините меня, шеф, я слегка промахнулся... Но я последовал вашему совету и постарался лучше прицеливаться... Продолжим?

Оуэн с явной небрежностью бросил взгляд на его сигару, а затем посмотрел своему собеседнику прямо в глаза:

— Нет, в этом нет необходимости, если обещаете мне больше не реветь, как быки на бойне. И выпивка для всех, если вам удастся победить!

После недолгого колебания, во время которого во взгляде сухопарого промелькнула ярость, он ответил с решительным и понимающим видом:

— Идет, шеф! Посмотрим, что можно сделать...

Оуэн проводил взглядом этого типа, который вразвалочку отправился восвояси, а затем быстро обернулся ко мне:

— Дерзость и дух инициативы — это еще один столп нашей цивилизации, который, конечно, одобрили бы современники семи чудес света! Но вы, Ахилл, говорили мне о сэре Томасе! Я слушаю вас...

Мне достаточно было нескольких секунд, чтобы привести мысли в порядок после случившегося инцидента, который мог бы и не закончиться так благополучно. Оуэн играл с огнем. И однажды он столкнется с неожиданной ситуацией. Я сказал ему об этом, а затем вернулся к интересующей нас теме.

— Стрела, очевидно, символизирует Диану, или Артемиду, богиню охоты. Можно также вспомнить о невероятном способе этого выстрела, который, кажется, был произведен с небес, что имитирует божественную природу! Есть также изображение греческого храма на монете, найденной в руке жертвы! И это, может быть, «храм Артемиды», еще одно чудо света!

— Великолепно, Ахилл, великолепно! Вы превзошли самого себя. Теперь вам остается расшифровать живописное послание «МИСТЕР ...А.» Вы чувствуете? Если немного поменять порядок букв, то получится настоящая анаграмма «АРТЕМИС», латинское написание имени «Артемиды».

— Да, действительно! — воскликнул я удивленно. — И вы сразу догадались об этом!

— Можно и так сказать! Перейдем теперь к следующей, более трудной загадке! Я говорю об

анаграмме «МИСС МАРИ», предложенной убийцей, а не о самом убийстве, замысел которого навешан висячими садами Вавилона... Арка, украшенная цветами, большой горшок, упавший на голову несчастной, которая за мгновение до гибели говорила о древней царице, скрывавшейся на балконе... И в этом нет ни малейшего сомнения. Но каким образом, Ахилл, вы истолкуете эту «МИСС МАРИ»?

После краткого и бесплодного мысленного усилия я спросил его, а знает ли он сам.

— Конечно, друг мой! За кого вы меня принимаете? Если я не смогу разгадать это, кто же тогда сможет? Впрочем, для человека, поднаторевшего в упражнениях такого рода, — это детская игра! «МИСС МАРИ» — очевидная анаграмма латинского написания имени царицы Семирамиды — «СЕМИРАМИС».

Пока я мысленно проклинал медлительность своего разума, Оуэн отправился за двумя новыми кружками пива. Вернувшись, он заявил мне уже не таким веселым тоном:

— Теперь совершенно ясно, что каждое из четырех преступлений связано с каким-то из семи чудес света. И это целая серия, которая, как мы опасаемся, завершится только после седьмого, последнего чуда. Проблема состоит в том, чтобы узнать, являются ли эти преступления так сказать бескорыстными, совершенными ради упражнений в таком зловещем стиле, или за этим скрывается какой-нибудь другой мотив, побуждение...

— К какой категории вы относите странный вызов, принятый одним из двух воздыхателей мисс Амели?

Оуэн, устремив на меня пристальный, но невидящий взгляд, уже не демонстрировал свой обычный оптимизм.

— Он относится к двум категориям. Есть мотив, но он настолько безумный, что представляется просто бессмысленным. Чтобы молодые люди смогли в приступе любовной лихорадки дойти до такой крайности, кажется мне чудовищным, гротескным... Но в то же время это дело все больше занимает меня, так как, боюсь, его все-таки нельзя отнести к разряду безумств. Мы почти пришли к следующему парадоксу: чем более безумной кажется эта версия, тем больше она заслуживает того, чтобы ею занялись всерьез. Я не знаю, кто из них, Майкл Денхем или Пол Брук, ведет дерзкую и опасную двойную игру, но кто бы это ни был, надо признать, что он делает это необыкновенно талантливо!

Глава 8

— «Крепко сшитый», говорите? Вы умеете подбирать слова, инспектор, потому что этот несчастный вояка закончил свою жизнь, поджарившись на солнце!

Оуэн быстро обрел свой пыл и едкость, несомненно, воодушевленный приходом Уэдекинда. Перед этим он был не таким гордым, когда оказался вынужден дважды платить за выпивку для всех, а сейчас увидел, как к нему в третий раз приближается тот самый сухопарый малый, который сразу же спросил:

— Скажите, шеф, можем ли мы снова *реветь, как быки*... или ограничимся правилами и продолжим соревнование?

— Хорошо, хорошо, все нормально, вы вольны поступать, как вам вздумается, — сквозь зубы пробормотал Оуэн с любезностью кота, выгибающего спину.

— Каким принципом вы в данный момент руководствовались? — спросил я.

— Самым главным. Самым важным принципом для выживания человечества: прощением.

Через несколько мгновений произошло новое посягательство на его достоинство: мы услышали громогласное «Мяу! Мяу!», которое хором пропела группа игроков в дартс. Эта выходка повторилась после прихода инспектора. Было ясно, что хоровое выступление предназначалось нашему столу, чему немало удивился инспектор Уэдекинд:

— Что они делают? С ума посходили, честное слово! Как будто находятся в хлеву!

— Мир — это хлев, Уэдекинд, разве вы не знаете? — высокомерно по-философски ответил Оуэн. — Мы все по колено в навозе, но только некоторые из нас видят звезды...

Сменив тему, мы ввели инспектора в курс нашего послеобеденного визита к Бруку, а он рассказал нам о результатах расследования, которое только что провел в связи с последним преступлением.

— Да, да, «крепко сшитый», я настаиваю на этом, — твердо произнес он, выдерживая насмешливый взгляд Оуэна. — Его послужной список впечатляет. С самого начала — Индия. Там он отличился своей храбростью и решительностью в стычках с мятежниками. Затем Южная Африка, где Родес участвовал в жарких схватках с зулусами, потом началась бурская война, которую уж точно не назовешь развлечением. Он имел множество благодарностей и медалей за отличия в опасных ситуациях, среди которых Крест королевы Виктории. Однако на его репутации есть несколько пятен, что полностью подтверждает рассказ молодого Брука. Склонность к азартным играм, женщины, алкоголь

и, конечно, неизбежные потасовки на почве пьянства. И все эти пороки у него ярко выражены. Он ничего не боялся. Опасность и смерть — его ежедневные спутники его каждодневной жизни. Однажды во время боя он сам вытащил пулю у себя из бедра перочинным ножом. В другой раз поспорил на крупную сумму, что ему удастся соблазнить жену своего командира. Родес не только получил за это небольшой тюремный срок, но и был высечен до крови, причем то же самое грозило ему и в случае неудачи...

— Несомненно, те самые шрамы мы видели у него на спине! — воскликнул я.

Полицейский согласно кивнул.

— На этом я пока остановлюсь, так как список его подвигов очень велик. Но можно безошибочно сказать, что Родес был железным и несгибаемым человеком даже в свои шестьдесят два года. И почти невозможно представить, как убийце удалось умертвить его именно таким способом, что он даже не защищался, имея полную свободу передвижения, и заставить «умереть от жажды»... Потому что именно так все и произошло. Я только что получил заключение о вскрытии, которое официально подтверждает смерть жертвы от обезвоживания. И нет ни малейших следов наркотического воздействия или какого-либо другого подозрительного вещества. А следовательно, Родес не спал, как я предполагал ранее. Я не знаю, что вы думаете об этом, Бернс, но эта загадка кажется мне сложнее всех предыдущих!

Оуэн с мечтательным видом считал, загибая пальцы:

— Павильон окружал участок земли шириной десять метров и без каких-либо отпечатков, человек умер от жажды, два сломанных черенка от лопаты, кувшин, доверху наполненный водой,

и подозрная труба... Вот к чему сводятся данные этой задачи. Я считаю, что самой необычной деталью этой картины является подозрная труба, которая, несомненно, и есть ключ к разгадке.

— Подозрная труба, — устало повторил Уэдекинд, — но я совсем не вижу...

— Она служит именно для этого, чтобы *видеть*, и видеть далеко! Но, увы! Наше зрение остается очень ограниченным. Тем не менее вся сцена, весь театр преступления прекрасно освещен лучами жгучего солнца. Солнце, подозрная труба — казалось бы, эти улики позволяют нам видеть очень ясно, но парадокс в том, что та же самая ясность нас ослепляет... И все же есть в Колоссе Родосском что-то символичное. Я напому вам, что это была гигантская бронзовая скульптура, посвященная Гелиосу, богу Солнца. Следовательно, колосс Родес, символизируя Солнце, был убит тем же самым солнцем...

— Мы все ослеплены, — вмешался я. — Ослеплены избытком света и этими чудесами преступления!

— Прекрасное замечание, Ахилл. И главное, бесспорное. Но инспектор еще не рассказал нам о своем ощущении от этих новых деталей!

— Я уже с тоской вижу крупные заголовки, ту выгоду, которую извлекут из нашего дела журналисты! И хочу только пожелать себе не быть съеденным заживо этими хищниками, точно воспроизводящими в текстах сообщения убийцы!

— Готов побиться об заклад: кто-нибудь сможет в конце концов расшифровать и анаграммы, что, кстати, не удалось самой лучшей полиции в мире!

— Прошу вас, Бернс, сейчас не время для насмешек надо мной. Я, между прочим, многое проделал в оранжерее, а вы могли бы сказать об этом

раньше. Вы считаете свое поведение и эту вашу причуду держать при себе самую важную информацию очень разумными?

Оуэн поджал губы, а затем сказал с невинным видом:

— Хотите еще пива, инспектор?.. На самом деле, как я уже сказал Ахиллу, эта гипотеза казалась мне слишком невероятной, чтобы ее можно было рассматривать всерьез. Я опасался также увидеть там улики, искаженные моим взглядом требовательного эстета, чтобы не принять более или менее желаемое за действительное. Но даже если бы вы узнали о чем-то, Уэдекинд, что бы это изменило? У нас нет ни одной настоящей улики против таинственного убийцы. Кроме этого нового следа!

— Новый след, который только запутывает дело, — заметил, неожиданно улыбнувшись, инспектор. — В течение суток два человека приходят к вам, чтобы обвинить друг друга в совершении преступлений. Это уже слишком, вы не находите? Не говоря уже о поразительном мотиве!

Сцепив руки возле лица, Оуэн задумчиво спросил:

— Вы не высказали своего мнения, инспектор...

— Ладно. Ну, я думаю, что эти семь чудес света, или, если хотите, преступления, могли, возможно, служить дымовой завесой для того, чтобы скрыть истинный мотив. Несомненно, все началось с ссоры между молодыми людьми. Глупый вызов запал в душу недоброжелателя, увидевшего в этом коварную идею, возможность избавиться от неприятной ему личности. А ведь, по вашему утверждению, на этой вечеринке присутствовало много людей, о которых вы даже не вспоминаете, не так ли?

Оуэн согласился, изобразив странную гримасу.

— Кроме того, — продолжил инспектор, — не стоит забывать, что убийца мог услышать обрывки

этого разговора, и если нам не удастся составить список подозреваемых из числа приглашенных, значит, придется перечислять всех поименно. Найти след убийцы окольными путями кажется мне слишком трудной, обреченной на провал задачей.

Но самый предпочтительный тезис состоит в том, что между этими жертвами существует определенная связь, которая толкает преступника избавляться от них по одному. При виде таких серьезных усилий мне это кажется более правдоподобным, нежели идея о том, что надо убить семь человек, чтобы утопить в этой массе один труп, который является важным для преступника. А в то, что он маскирует свои преступления под чудеса света для отвлечения внимания, я охотно верю. Но особая связь известна только нашему таинственному «художнику»... в настоящее время. Поскольку я уверен, что потихоньку, совпадение за совпадением, наша работа, наш кропотливый труд вскоре будут вознаграждены...

— Действительно, нельзя пренебрегать никаким следом. Но где вы находитесь в данный момент? Вы нашли в жизни Родеса что-то такое, что могло бы связать его с другими жертвами?

— Нет. Но такой тип расследования требует и времени, и терпения. Может быть, стоит отправиться в Плимут — город, где могли познакомиться Александр Райли и мисс Домон. И вы увидите, — добавил Уэдекинд с хитрой улыбкой, — все закончится тем, что мы обязательно найдем отсутствующий элемент этого пазла...

— Значит, вы не рассматриваете виновность Майкла Денхема или Пола Брука?

— Я не исключаю этого. И мое личное мнение таково: молодые люди скорее всего воспользовались случаем, чтобы попытаться расчистить себе дорогу для

завоевания сердца этой девушки, которая, честно говоря, и сама не знает, чего хочет. Но это ее дело... Или ваше, так как, на мой взгляд, вы очень хорошо с ним справляетесь. И я знаю, что оно в надежных руках.

— Вы говорите о расследовании, я полагаю? Или о мисс Амели?

— Конечно, о ней! Я знаю, что вы настоящий *джентльмен*, Бернс. Самый респектабельный *джентльмен* в Лондоне!

— А почему не в мире, как вы сами? — бросил мой друг, быстро сменив тему. — Скажите, Уэдекинд, что вы знаете о репутации Брука? Брука-отца, богатого бумагопромышленника?..

Инспектор прищурился:

— Мне прекрасно известно, что у него есть несколько высокопоставленных друзей. А потому оплошностей в этом деле лучше бы избежать... И пока Скотленд-Ярд не может подвергнуть допросу двух подозреваемых с целью опровергнуть их алиби, даже если они согласятся на это. Но алиби на какой час? Или на какой день? Мы даже не знаем дату последнего преступления, *когда* конкретно действовал убийца, так как медленная агония Родеса длилась три дня! Нет, я действительно думаю, что самое лучшее — каждому из нас вести собственное расследование. Я — своими средствами классического следствия, а вы — вашими методами изящного, художественного стиля. Я доверяю вам, Бернс, и знаю, на что вы способны.

Оуэн не потрудился ему ответить, и мы встали, закончив наше заседание. И в этот момент, несомненно, чтобы салютовать нашему уходу, «хор трубящих слонов» еще раз тепло продемонстрировал свое «Мяу! Мяу! Мяу!»...

— Черт возьми! — воскликнул инспектор, обращаясь. — Что с ними такое?

— Я думаю, что Уэдекинд трус и льстец, — заявил Оуэн, которому на следующий день должен был исполниться тридцать один год.

Наш фиакр поднимался по Финчли-роуд по направлению к Хэмпстеду, району, где жила мисс Амели Долл. В цилиндре, с красной розой в петлице, в галстук в тон рубашке, с природно высокомерной осанкой у Оуэна действительно был безупречный вид *джентльмена*, описанного инспектором Уэдекиндом.

— Трус, — уточнил Оуэн, — потому что он запнулся с того момента, как дело коснулось высоких сфер. И льстец, поскольку вчера вечером не обманул меня своей уловкой, когда стал курить фимиам по поводу моих деликатных методов расследования. Он не так глуп, как кажется со своим грубым лицом и галльскими усами!

— И все-таки, в глубине души, — спросил я, — вам не кажется, что к нашему следу он относится серьезнее, чем к своему?

— Не исключено. Но в чем я действительно уверен, так это в том, что он охотно оставил мне мои изящные методы. После всего произошедшего это лучшее, что он мог сделать. С одной стороны, мы разделили работу, а с другой — я доволен, что он больше не будет лезть ко мне своими лапами. Он умный человек, но ему не хватает тонкости, а его манера рассуждать остается несколько... по-бычьей тупой.

Затем Оуэн пустился в длинное описание психологического портрета инспектора, чтобы прийти к тому же самому заключению как раз в тот момент, когда мы прибыли в Хэмпстед. За невысокой изгородью корова поприветствовала нас приятным мычанием.

— Знаете, — с невинным видом заметил я, — иногда копытные бывают довольно утонченными, способными опровергнуть насмешки теоретиков...

Губы Оуэна изогнулись в полуулыбке.

— Вы слишком уверены в себе, Ахилл, что хорошо. И это понадобится, когда мы будем беседовать с мисс Амели. — Немного подумав, он добавил: — Она могла бы символизировать четвертый столп — как необходимый, так и вредный для мужчины, — женщину!

Через пять минут Оуэн звонил в ворота дома, у которого была видна только крыша. Решетка ограды и живая изгородь из тисов были довольно высокими и скрывали дом от посторонних глаз. Он безрезультатно позвонил еще несколько раз. Потом посмотрел на солнце, сиявшее так же ярко, как и в предыдущие дни.

— Наверно, она гуляет со своей тетушкой, — сказал мой друг, коснувшись пальцем подбородка. — Думаю, они могут быть в саду. Идите за мной. Я вижу там тропинку, которая, возможно, приведет туда...

Мы прошли по тропинке метров двенадцать, затем толкнули калитку, ведущую в проход в изгороди, и нерешительно сделали несколько шагов в сад семейства Долл. Это был небольшой, но хорошо обустроенный участок, с изящной аркой, создающей оптическую иллюзию в виде небольшого бассейна, который издали заметен сразу за аркой. Скромная белая маленькая беседка возвышалась на тщательно подстриженном нежно-зеленом газоне. В тени вишневого дерева стояла как бы забытая скамья, тронутая временем, удачно вписанная в окружающее пространство.

Погрузившись в созерцание этого дивного уголка, мы вздрогнули, внезапно услышав повелительный голос, раздавшийся рядом с нами:

— Вы загораживаете мне солнце, не создавайте тень!

Мы посмотрели в ту сторону, откуда донесся голос, и увидели восхитительную девушку, лежавшую на газоне справа от нас... абсолютно обнаженную!

Глава 9

— Как я могу создать вам тень, когда я сам *и есть* солнце? — спокойно произнес Оуэн, глядя на девушку без всякого стеснения. — Я уже имел удовольствие и интерес беседовать с вами, мисс Долл. Вы не узнаете меня? Я — Феб, Аполлон, Оуэн искрящийся, я тот, кто сверкает, сжигает, на что так хорошо указывает моя фамилия!*

— Детектив Оуэн Бернс! — воскликнула она удивленно.

— Он самый, к вашим услугам, — ответил мой друг, поклонившись. — Прошу простить нас за бесцеремонное вторжение, но так как мы несколько раз звонили, но не получили ответа, то позволили себе...

Неуместная беспечность Оуэна в этой ситуации, довольно неловкая, могла бы сравниться только с поведением молодой девушки, которая легко поддерживала светскую беседу, хотя на ней не было ни малейшего кусочка ткани.

Чувствуя себя униженным, я покраснел до корней волос, когда Оуэн представил меня:

— А это мое доверенное лицо и мой друг Ахилл Сток, практикующий художник, поставивший свой огромный талант на службу чудесной художественной посуде Веджвуда.

* Burn (англ.) — ожог, жечь, сжигать.

Я пробормотал какую-то вежливую фразу, безуспешно пытаясь ограничить поле своего видения лицом хозяйки дома, которая была, и это меньшее, что можно о ней сказать, восхитительна. Чуть позже, когда мои глаза несколько привыкли к ее наготe, я смог вынести окончательное суждение, оказавшееся крайне позитивным. В чисто художественном плане было вполне понятно, почему Майкл Денхем считал своим долгом обессмертить своей кистью и талантом ее совершенные пропорции, тонкость талии, легкий загар цвета меди. Этот грациозный шедевр был довершен ангельским лицом со светло-карими глазами, обрамленным каштановыми волосами, спадавшими на восхитительные плечи шелковистыми кудрями. Ее улыбка была одновременно и нежной, и насмешливой, и волнующей. Открытый взгляд девушки привел меня в смятение.

— Нет, правда, каким добрым ветром вас занесло ко мне?

— Я думаю, вы могли бы помочь нам с одной идеей, — ответил Оуэн, наблюдая за ее реакцией.

На чудном лице Амели появилась улыбка сфинкса: «Возможно»...

— Тогда именно по этому поводу мы и пришли к вам, мисс Амели...

Жестом фокусника мой друг вытащил белый лист бристольской бумаги, которую я тотчас же узнал.

— *«Вы любите меня? — прочитал он. — Это радует! Ну, а теперь убейте!»* — Я полагаю, что именно вы сказали нечто подобное... Правда, вы забыли подписаться, отправив мне это письмо в прошлом месяце.

Амели Долл с покаянным видом опустила голову:

— Хорошо... Если мы пройдем в дом, нам будет удобнее разговаривать. Становится жарко...

Пока она вставала, а Оуэн пытался идти с ней в ногу, я пробормотал:

— Но, мисс Долл... вы не боитесь, что ваша тетушка увидит вас в таком виде... с нами...

— О! Это не имеет значения, — ответила она с ироничной улыбкой. — Моя добрая старая тетушка почти ничего не видит!

Когда мы расположились в гостиной, Амели объявила нам, что тетушка отдыхает после обеда, а слух у нее не намного лучше, чем зрение, и это объясняет, почему она не отреагировала на наши звонки в дверь. А у слуг сегодня выходной день. Она принесла прохладительные напитки, и я наконец почувствовал себя более свободно. И не столько из-за напитков и относительной свежести в комнате, сколько из-за того, что теперь на девушке было домашнее платье из розового репса, которое ей очень шло.

— Присланный текст, должно быть, показался вам очень странным? — неожиданно спросила она Оуэна.

— Не совсем так. Я помню об обстоятельствах, в которых вы произнесли эти слова...

— Я очень надеялась на это, — ответила она со вздохом. — Письмо было нужно только ради того, чтобы привлечь ваше внимание... и еще к двум странным убийствам, которые только что были совершены. — А затем продолжила более серьезным тоном: — Я прекрасно знаю, что мои подозрения могут показаться вам совершенно безрассудными или даже безумными, но прошу вас внимательно выслушать меня, прежде чем давать оценку... *так как я очень боюсь, что один из моих друзей погибнет... по моей вине!*

Последовавшее далее сильно напоминало то, что рассказали Майкл Денхем и Пол Брук, с одной

лишь разницей: любой из молодых людей мог бы принять этот вызов за буквальное предложение.

— Надеюсь, я ошибаюсь, — заключила Амели, — но последнее преступление только подтверждает мои предположения. И я не могу сказать вам, кого из них двоих подозреваю больше! В определенном смысле оба кажутся мне крайне подозрительными. И тот и другой страстно влюблены в меня, и оба готовы на все... Я не должна была этого говорить ни в коем случае.

— Значит, это была шутка? — вмешался я.

Амели пожала плечами:

— Естественно. А вы думаете, могло быть по-другому? Впрочем, в том, что это шутка, абсолютно никто не сомневался! Таким способом я думала их успокоить, так как оба были очень возбуждены, и все шло к драке...

— А разве вы не требовали, чтобы они совершили идеальные преступления в духе семи чудес света?

— Нет, — ответила Амели, задумавшись. — Впрочем, я не считаю, что это был кто-то один, нас окружало несколько человек. Каждый добавлял нечто свое, все дальше развивая мысль... Боже мой, если бы я хоть на мгновение могла предположить, что один из них примет всерьез такие глупости!

— Значит, вы никому из них не отдаете предпочтение?

— В каком смысле? — пробормотала она в замешательстве.

— Во всех смыслах, мисс Амели. Для начала в смысле увлечения. Все-таки рано или поздно придется выбрать!

— Я... я не могу, — ответила она, закрыв лицо руками. — Пока еще нет... Они оба нравятся мне... по-разному. Пола я знаю с детства и, естественно, очень привязана к нему, но у нас нет общих инте-

ресов. С Майклом все немного по-другому. В первый раз мы встретились год назад, и у нас общие увлечения — например, живопись или шахматы... Но зачем эти детали? Я им все время говорила, чтобы они не принимали всерьез наши отношения... Но они не слушали! Оба собственники и ревнивцы, как... тигры! И даже если они в последнее время ссорятся не так открыто, я чувствую, что Пол и Майкл еще больше стали ненавидеть друг друга!

Пока ее речь прерывалась всхлипываниями, я спрашивал себя, осознает ли эта молодая особа огромную власть своей красоты. И тут Оуэн вслух произвел мой немой вопрос:

— Не считаете ли вы себя несколько беспечной, мисс Амели?

— Говорят, так оно и есть. Но я не хочу скрывать от вас, что иногда не могу спать по ночам из-за всего этого...

Ей дела нет до бессонных ночей, которые проводили ее обожатели, подумал я. До какой степени эта девица беспечна и бессовестна, еще предстояло определить, но она действительно обладала этими качествами. Затем Оуэн сообщил мисс Амели о недавних откровениях и взаимных упреках Майкла Денхема и Пола Брука, уточнив, что не привык выдавать профессиональную тайну, кроме тех случаев, когда этого требуют обстоятельства, как, например, в данной ситуации.

— А-а-а, — протянула она, изобразив лукавую улыбку, когда детектив закончил свое повествование. — Ах, какие тихони, они мне ничего не сказали! Значит, Майкл лично пришел, чтобы все вам рассказать? Тогда он убежден в виновности Пола, который в основном был задет тем, что Майкл писал мой портрет! А вот что Пол сдался,

достаточно удивительно. Со своей стороны, он тоже должен быть убежден в виновности Майкла! Ну что же, я просто ошеломлена этой новостью, хотя она подтверждает мои собственные сомнения. В общем, все запуталось!

— Ситуация состоит в следующем, — нравоучительно заявил Оуэн, предварительно попросив разрешения закурить сигару. — Все подозревают всех, но каждый хранит свою тайну. И меня совершенно не удивит, если сам мистер Брук-старший, о встрече с которым я, вероятно, попрошу, объявит мне, что знает личность убийцы и что это не кто иной, как мисс Амели Долл!

— Это удивило бы меня, — ответила девушка, качая головой, как рассердившийся ребенок. — Мистер Брук слишком хорошо относится ко мне! Он для меня почти как отец...

Эта фраза, произнесенная с оттенком ностальгии, стала прелюдией к другой истории, относящейся к юности мисс Амели, о которой она сохранила самые приятные воспоминания, несмотря на смерть ее отца.

Двенадцать лет назад, в тысяча восемьсот девяносто третьем году Джон Брук организовал вторую археологическую экспедицию, в которую входили шестеро ученых, среди них были неустрашимый сэр Томас и Артур Долл. Последний, только что потерявший жену, погибшую в железнодорожной катастрофе, решил взять с собой маленькую Амели, которой было тогда всего десять лет. Они проводили раскопки на правом берегу Нила, выше городка Бени-Хасан возле Ахетатона*, полностью разрушенного города фараона-еретика Аменофиса (Аменхотепа

* Теперь город Тель-эль-Амарна. — *Примеч. пер.*

IV). Именно вокруг этой истории и свидетельств о ней и были сосредоточены их исследования.

Этот молодой царь стал причиной глубоких потрясений в жизни древних египтян. Запретив своим подданным поклоняться многочисленным богам, среди которых был фиванский бог Амон, а также устроив гонения на жрецов и закрыв их храмы, он учредил монотеистический культ, посвященный богу солнца Атону, которого страстно обожал. Он сменил свое имя на Эхнатон, «угодный Атону». В этой реформе ему помогала супруга, царица Нефертити, женщина необыкновенной красоты. Оставив свои дворцы в Фивах, Эхнатон велел построить новый город Ахетатон, посвященный солнечному диску, в котором были великолепные сады, бассейны, полные рыбы, и большие здания для художников и для занятий ремеслами. Но, посвятив себя прославлению бога солнца, царская чета перестала думать об охране границ своего государства, на которые стали постоянно нападать коварные завоеватели. Эпоха поклонения Атону была не только короткой, но и фанатичной. После смерти Аменхотепа IV его творения были полностью разрушены. Изгнанные жрецы стали мстить. Ахетатон (Тель-эль-Амарна) был снесен, стерты все следы памяти и все официальные документы вплоть до самой незначительной записи, напоминающей о нем.

Нет сомнений, что эта разрушительная ярость отнюдь не способствовала археологическим изысканиям, продолжавшимся до наших дней. Период Нового царства был самым смутным в истории Древнего Египта, и малейшие находки на раскопках являлись важным открытием.

Поначалу команда Джона Брука столкнулась с многочисленными трудностями.

Первой была потеря одного из ее членов, Артура Долла, жизнь которого унесла тяжелая лихорадка. Он отправился на тот свет, воссоединившись со своей давно усопшей супругой и оставив Амели заботам мистера Брука, для которого на тот момент не стоял вопрос возвращения в Англию из-за больших средств, вложенных им в экспедицию. Затем, найдя место, показавшееся археологам многообещающим для раскопок, они столкнулись с небольшим племенем местных жителей, которые вели полукочевой образ жизни и, что любопытно, исповедовали культ, близкий к религии Эхнатона. Они почитали солнце с верой и страстью, почти идентичными вере фараона. Настроенные крайне фанатично, кочевники заставили ученых принять их культ, пригрозив в случае отказа выгнать их с облюбованного места раскопок или же создать невыносимые условия для работы. Экспедиция Брука была частной инициативой, а потому не могла рассчитывать на поддержку со стороны египетского правительства, которое вполне могло запретить проведение археологических раскопок. Вынужденные согласиться на предложение племени, ученые приняли культ «позолоченного диска», естественно, не веря в него, но в конце концов привыкнув к необычным ритуалам. Кроме того, они находили эти церемонии торжественными и роскошными, что было приятно при скромном образе жизни кочевников, которые обратили внимание на юность и красоту Амели.

— Это было безумно интересно, — весело объяснила девушка. — Заметьте, ведь мне едва исполнилось десять лет, и я видела, как эти господа очень серьезно возносили молитвы, прославляя солнце! Это было так торжественно, и у меня складывалось впечатление, что я на самом

деле переживаю одно из тех приключений, о которых обычно читают в романах. Иногда я немного скучала, так как была еще слишком юной, чтобы с интересом наблюдать за раскопками, и часами следила за причудливым передвижением песков, хотя из раскопов в любой момент могло появиться на свет невиданное доселе сокровище. Однако с самым большим удовольствием я вспоминаю необыкновенную свободу тех дней и великолепный климат Египта. Все мое время принадлежало только мне, я могла гулять где угодно или сидеть и любоваться Нилом, глядя на закат... Боже мой, какие прекрасные мгновения я там пережила!

Но не все было так прекрасно. Однажды, слишком долго загорая, я получила солнечный удар... и едва не последовала на тот свет за своим отцом. Казалось, у мистера Брука и его друзей почти не осталось надежды, пока я несколько дней мучилась, лежа в постели. Я еще помню об этом. Мы провели в Египте около года, так и не сделав значительных археологических открытий. Нас все время преследовали неудачи. Редкие документальные данные, которые удалось обнаружить, были украдены или уничтожены грабителями, напавшими на нас за несколько дней до отъезда. К счастью, мистер Брук скопировал записи исчезнувших документов. Но копии имели ценность только для него самого, так как научное сообщество отказалось регистрировать их в качестве исторических доказательств. Причиной тому ссора, которая произошла между мистером Бруком и некоторыми его хулителями, не разделявшими его взгляд на историю Эхнатона, впрочем, весьма спорную. Это стало роковым ударом для мистера Брука, который с тех пор утратил интерес к археологии, по крайней мере перестал

Семь чудес
преступления

быть активным исследователем. Теперь археология приняла для него более художественную форму. Он и его друзья, несомненно в большей степени в шутку, чем по привычке, решили основать клуб Гелиоса...

— Клуб Гелиоса! — вздрогнул я. — Вы говорите о том клубе, который проводит свои заседания в помещении паба в Спиталфилдсе?

— Да, о том самом, — заметно удивившись, ответила Амели. — Вы знаете его?

Глава 10

— Конечно! — заявил я, даже не пытаясь скрыть удивление. — И мы даже присутствовали на последнем заседании клуба!

— Ах, да! Кажется, я вспомнила! — воскликнула Амели, засмеявшись. — В самый разгар заседания я увидела возле двери две высокие фигуры, действовавшие с большой осторожностью! Значит, это были вы!

Вспоминая подробности того вечера, а также женственный облик одного из жрецов, я сопоставил свои впечатления со словами девушки, которая, не колеблясь и даже забавляясь, ответила:

— Да, это была я! А человек рядом со мной был не кто иной, как мистер Брук, который уже двенадцать лет является президентом клуба...

— Там было пустое место, — заметил Оуэн. — Оно принадлежало сэру Томасу?

— Да, это так. И теперь я понимаю, к чему вы клоните: вы ведете расследование его убийства!

— Его убийство — одно из «чудес преступления», как вы понимаете. Вам это не кажется странным?

— Да, — проговорила Амели, понимая покачивая головой. — Мистер Брук был очень расстроен, ведь он потерял старого друга. Но в некотором смысле я не слишком удивлена, что убийца выбрал жертву из своего окружения. Майкл и Пол оба знали сэра Томаса и, несомненно, его привычки — все то, что позволило... убийце рассчитать детали своего коварного, макиавеллистского преступления.

— К сожалению, он показал макиавеллистские склонности и в других преступлениях! Это не слишком нам поможет.

Помолчав мгновение, Оуэн задумчиво спросил:

— Получается, на самом деле клуб Гелиоса — это несерьезно?

Амели запрокинула голову, рассмеявшись красивым смехом:

— Конечно, нет! Я же вам сказала, что ученые сделали это для того, чтобы обмануть кочевников. А затем обряды вошли в привычку, эти собрания стали для нас чем-то вроде развлечения. Мы начали привлекать людей, которые не воспринимают себя слишком серьезно. Этот клуб существует ради удовольствия!

Затем, лукаво глядя на нас, она добавила, понизив голос:

— Клуб дает мне возможность немного помечтать о прекрасном Египте, о магии его цветов, о прекрасных передвижениях золотого песка, о спокойном течении Нила, о беспечных ласках солнца...

— Вы могли бы быть царицей Нефертити... — отозвался Оуэн, пристально и задумчиво глядя на нее.

Амели зарделась от удовольствия.

— А вы, — сказала она, — Аменхотепом Четвертым! Внешне вы похожи на него!

— Каким же он был?

— По сведениям мистера Брука, которые представляют собой часть скопированных текстов, у фараона, как и у вас, было удлиненное лицо, чувственные губы, высокий рост, не слишком атлетическая фигура и несколько женственные бедра...

— Не забывайте, что я Аполлон! — напомнил ей Оуэн очень серьезно.

— Подождите, — вставая, сказала Амели. — Я сейчас прочитаю вам стихи, которые, по мнению мистера Брука, могли быть обращены Нефертити к ее супругу более трех тысяч лет назад. Они мне очень нравятся, и я переписала их для себя.

Через некоторое время она вернулась с блокнотом и начала читать стихи, очень похожие на слегка завуалированное объяснение в любви, как будто обращаясь к Оуэну, который слушая ее, казалось, упивался этими словами:

Как сладко пред тобой купаться в озере,
Являть тебе мою красу,
Облаченную в тонкий царский лен,
Иль с тобой вместе погрузиться в воду
И возвратиться с рыбкой, трепещущей в пальцах,
Приди ко мне...

— Очень красиво, — вдохновенно произнес мой друг. Я согласился с ним, задаваясь вопросом, была бы восхитительная Амели смущена, облачившись «в царский лен», если бы погрузилась в озеро с Оуэном...

— У мистера Денхема большой талант, — заявил мой друг несколькими днями позже мистеру Бруку, который согласился принять нас.

Для того чтобы чувствовать себя более комфортно «среди художников», он предложил нам пройти в мастерскую Майкла, которого в этот день там не было. Оуэн сказал, что очень хотел бы посмотреть работы молодого дарования.

Джон Брук оказался седеющим шестидесятилетним мужчиной высокого роста, хорошо сложенным и внушающим уважение. На его лице будто отпечатались следы многочисленных странствий по миру, а в глазах под густыми бровями читался неустанно мятежный дух.

Одет он был элегантно, может быть, с несколько причудливой фантазией в выборе цвета костюма, что-то между охрой и шафраном — цвет, который можно встретить только на живописных полотнах.

— Да, Майкл — большой талант, — одобрил мистер Брук. — Хотя сам он никогда не бывал в Египте, но, кажется, инстинктивно знает тысячи оттенков его цвета. Он также очень хорошо чувствует предмет моих исследований. Это многообещающий художник, мистер Бернс, как вы сами сможете убедиться. А что об этом думает мистер Сток?

В весьма просторной мастерской находилось более двадцати завершенных холстов. Лазурные небеса, песок, пальмы, древние памятники, течение Нила, отраженное всеми оттенками, и надо признать, достаточно успешно. Майкл, бесспорно, обладал чувством цвета.

Я ответил, что полностью разделяю их мнение, особенно подчеркнув все, что касается цвета. Затем Бернс обратился к Джону Бруку с неожиданным вопросом:

— Вы знаете, что странный преступник, о котором в последнее время много говорится в прессе, посылает в полицию сообщения в виде картин?

Семь чудес
преступления

Мистер Брук нахмурился:

— Да, я читал об этом... Но почему вы задаете этот вопрос мне? Вы думаете, что речь идет о художнике?

— Не обязательно быть художником, чтобы нарисовать кистью цветные буквы, — ответил Оуэн, прочистив горло. — Но совершенно очевидно, что нельзя пренебрегать этим фактом...

— Вы думаете о ком-нибудь конкретном... вроде Майкла?

Хозяин дома говорил просто, без язвительности. Казалось, он и вправду был удивлен. Оуэн ответил ему вопросом:

— Были ли у него причины для совершения целой серии преступлений?

Джон Брук помолчал некоторое время, а затем его лицо осветила улыбка.

— Вы знаете, все художники немного сумасшедшие, особенно в этом возрасте. Молодые люди могут потерять голову из-за самой ничтожной причины. Но, говорю совершенно искренне, я не вижу у Майкла душу убийцы. Он никогда не сможет делать ничего иного, кроме как рисовать картины. Это для него дело чести. И я действительно думаю, что этот мальчик далеко пойдет. В данное время он получает удовольствие только от своей, пока скромной, известности, но я очень надеюсь, что он заслужит славу, соответствующую его таланту, и в самом близком будущем. Когда Майкл завершит эту серию картин, я устрою выставку, достойную его дарования.

— Ваш сын тоже интересуется живописью?

Лицо Брука помрачнело.

— Нет. И вообще, интересуется ли мой сын хоть чем-нибудь? Он — настоящая могила, по крайней мере в отношениях со мной. Но я пола-

гаю, что вы здесь не для того, чтобы говорить о моем сыне?

— Нет, конечно. Но по поводу убийства вашего друга, сэра Томаса, трагическая смерть которого, вы, разумеется, знаете, была частью серии преступлений, о которых мы говорили. И мы узнали, что он, как и вы, был членом клуба Гелиоса...

Джон Брук согласился с этим утверждением и охотно стал рассказывать о клубе и его возникновении. Его рассказ во всем совпадал с повествованием Амели. На наш вопрос, не знает ли он, были ли за это время, кроме сэра Томаса, убиты другие члены его экспедиции, он ответил отрицательно, вспомнив тем не менее судьбу своего несчастного друга Артура Долла. Но три других его компаньона живы и здоровы, как и он сам. А предположение, что убийца сэра Томаса тоже может быть членом клуба, показалось ему крайне маловероятным и даже заставило улыбнуться:

— Как я и говорил вам, создание этого клуба было просто шалостью, капризом, игрой, в которую большие дети играют скорее по привычке. В скобках можно заметить, что эти заседания отнимают у меня массу времени, и я думаю, что скоро мы закончим с ними. Но ответьте, кто сказал вам, что я — президент этого клуба?

— Кто-то, кого вы хорошо знаете, и на кого, честное слово, очень приятно смотреть...

— А-а-а! Все понятно! Это Амели, так ведь?

Получив положительный ответ Оуэна, хозяин дома задумчиво продолжил:

— Наша обожаемая Амели, как она прекрасна! Я уже говорил вам, она для меня — как родная дочь. Может быть, я должен был уделять ей больше времени? Впрочем, и ей, и Полу... Она часто

создает какую-нибудь проблему у себя в голове и не всегда отдает себе в этом отчет, что иногда становится источником неприятностей. Майкл — он живет со мной под одной крышей, чтобы не терять времени на передвижения до работы, — влюблен в нее. Мой сын тоже, но этот еще и очень ревнив. А так как он ничего не понимает в искусстве, то буквально помешался от гнева, когда Майкл написал портрет Амели в таком виде... в каком ее создала природа. Все закончилось тем, что он разорвал холст, который должен был стать очень удачным. Конечно, оба юноши больше не общаются. А если сталкиваются друг с другом на лестнице или в кухне, не обмениваются ни единым словом. Эта ситуация становится тягостной, и я думаю, что она может повлиять на талант Майкла. Если положение дел не изменится, мне придется принять решение о переносе его рабочего места. Я буду очень расстроен, так как больше не смогу наблюдать за его развитием...

Через неделю после нашей встречи с Джоном Бруком ни в расследованиях полиции, ни в ведении дела Оуэном не намечалось никакого прогресса. Личность неуловимого убийцы все время оставалась в тени, и ни в одном из его поразительных преступлений так и не появилось ясности.

Промежуток между его предыдущими преступлениями обычно составлял примерно пятнадцать дней, так что Скотленд-Ярд уже был готов получить пятую картину, и их ожидание оправдалось. Восьмого июня им прислали еще одно сообщение, выполненное в привычной форме: «ГНЕВ БОГОВ СКОРО ОБРУШИТСЯ НА Л..О..П..М..Ю..И...И..»

На этот раз анаграмма убийцы была быстро расшифрована, даже инспектором Уэдекиндом:

ОЛИМПИЯ. Олимпия — это место, где некогда была воздвигнута статуя Зевса, еще одно чудо света, пятое в зловещей серии. Но на какую несчастную жертву оно будет направлено? И в какой манере разнузданное воображение преступника должно будет воплотиться? Послание было недостаточно точным, чтобы удалось идентифицировать будущую жертву, а кроме того, в этот раз не была указана дата. Однако теперь полицейские первыми нарушили молчание, обратившись к прессе на тот случай, если намеченная жертва сможет узнать себя и принять необходимые меры защиты. Уэдекинд, его сотрудники, Оуэн и я сам напрасно ломали голову, пока убийца совершал последние приготовления.

Отступив немного назад от этой трагедии, я хотел бы (не боясь слишком ошибиться) набросать факты, описывая их от третьего лица. И при необходимости, возможно, вернусь к этому методу. А сейчас отступлю на некоторое время, чтобы описать пятое «чудо преступления», бесспорно, одно из самых поразительных убийств в истории. На этот раз не было ни отсутствия следов на земле, ни чудесного исчезновения убийцы, в то время как несколько свидетелей, наблюдая за преступлением, приходили к выводу о невозможности его совершения. Здесь «невозможность» была иного рода, но не менее загадочная...

Часть вторая

НЕТЕР

Глава 11

Миссис Маргарет Линч с опасением смотрела в окно гостиной. Было душно и небо заволокли зловещие тучи. Женщину пугали духота и особенно сильные раскаты грома. На самом деле она боялась не за себя, а за Патрика, своего мужа. Когда наступала гроза, каждый раз происходило одно и то же...

Доктор Патрик Линч, почтенный практикующий врач солидного возраста, пользовался хорошей репутацией у своих пациентов в Айлингтоне, квартале на севере Лондона, где он поселился добрый десяток лет назад. В чисто профессиональном плане ничего не изменилось. Перемены коснулись их частной жизни...

Глубоко вздохнув, Маргарет повернулась и остановила взгляд на одной из рамок, стоявших на полочке с безделушками, в которую было вставлено фото влюбленной молодой пары. Она почти не узнавала юную светловолосую девушку с сияющей улыбкой.

Тем не менее это была Маргарет, но на двадцать лет моложе! Боже, как она изменилась! У Патрика же появилось лишь несколько морщин, он слегка пополнел, но у него осталась та же стать.

Через некоторое время после свадьбы она заметила, что обаяние ее мужа распространялось не только на нее. Подозревая супруга в нескольких тайных связях, она уже была готова оставить

Патрика наедине с его долгами — врачебный кабинет на самом деле был ее собственностью, поскольку она смогла его купить благодаря отцовскому наследству. После нескольких скандалов она даже чуть было не хлопнула дверью, требуя разговора со своим мужем, но на этот раз в качестве пациентки, для того чтобы ее начали лечить от частых нервных срывов. Доктор Линч, несомненно, смог поставить диагноз: «Достаточно серьезный, но типичный случай ни на чем не основанной ревности».

Состояние Маргарет в последующие годы значительно улучшилось, но зато изменилось здоровье Патрика. У него начались неприятности с дыхательной системой, сделавшие его очень раздражительным. Когда через несколько лет он вылечился от этого недуга, его поразила другая странная болезнь — появилась настоящая фобия грозы, которая началась примерно тремя годами ранее. Вначале казалось, что он боится только ярко сверкающих молний. Летом, когда солнце нещадно жарило, он всегда искал тень. Сначала это происходило от случая к случаю, но постепенно стало систематическим. Во время приступов он испытывал недомогание, ему хотелось уединения в относительном полумраке. Во время грозы его одолевало беспричинное беспокойство, и он начинал волноваться. Впоследствии тревога переросла в настоящую фобию. Доходило даже до того, что он прятался в хижине в глубине сада. Там Патрик проводил целые ночи, сжавшись от страха, накрепко забаррикадировавшись, заперев изнутри ставни и двери, так как опасался нападения невидимого врага. Затем его страхи обострились, и как только погода начинала портиться, у него появлялись признаки страха. Маргарет знала их, так сказать, наизусть. Он начинал ходить взад и вперед по всем

комнатам дома, сначала устраивался в кресле, потом вставал, раскуривал трубку, гасил ее, смотрел в окно, нервно проводил рукой по волосам. Взгляд у него становился отчужденным, и он ни с кем больше не разговаривал. Руки начинали дрожать, и ему не удавалось усидеть на одном и том же месте даже несколько минут. Затем он устраивал баррикады в своем убежище, из которого выходил только тогда, когда кризис заканчивался.

Несколько раз Маргарет пыталась поговорить с ним, хотела помочь. А он постоянно избегал вопросов. О том же, чтобы пойти к коллегам-врачам или еще хуже — к психоаналитику, Патрик и слышать не хотел.

— Для нас это равносильно разорению, Маргарет, — отвечал он в отчаянии. — Ты пойми, я — врач, неспособный поставить диагноз самому себе! Я стану посмешищем не только среди медиков, но и среди пациентов, которые не замедлят сразу же перейти к другим врачам!

В этот день, тринадцатого июня, у Маргарет были все причины для беспокойства. Некоторое время было очень душно, и только короткий ливень смог немного освежить воздух, за неделю до этого была гроза, от которой они уловили только далекие раскаты грома. Состояние Патрика начало ухудшаться. Назревал серьезный кризис, и Маргарет это прекрасно осознавала. Но прежде она никогда не видела мужа таким встревоженным, как в этот вечер, когда он, мертвенно-бледный, вбежал в гостиную с врачом-чемоданчиком в руках и с газетой под мышкой.

— Все нормально? — спросила она, как это делала всегда, когда, по всей видимости, он был не в себе. — Ты опаздываешь к пациенту?

— Нет, я пойду выпить пива в «Телец». При такой жаре... Впрочем, я правильно сделал, что нашел время прочитать газету, посмотрю сама...

Он бросил газету на стол и дрожащим пальцем указал на статью на первой странице, где миссис Линч смогла прочитать:

Скотленд-Ярд настоятельно просит всех граждан внимательно прочитать последнее сообщение своего таинственного корреспондента, зловещего исполнителя серии недавних необъяснимых преступлений, которые потрясли королевство за последний месяц. «ГНЕВ БОГОВ СКОРО ОБРУШИТСЯ НА Л..О..П..М..Ю..И..И..». Всех, чья фамилия или какой-либо другой отличительный знак могли бы соответствовать вышеуказанным буквам, или имеющих причины чувствовать в этом сообщении угрозу для себя, просим немедленно сообщить инспектору Уэдекинду в Скотленд-Ярд.

Заинтригованная миссис Линч подняла взгляд на мужа:

— Я не понимаю, Патрик... Не думаешь ли ты, что этот ребус каким-то образом может касаться тебя?

— Да ты слепая, честное слово! — ответил он, повышая голос, что делал очень редко. — Л..И.. соответствует моей фамилии, Линч, а П..И.. — Патрик, мое имя! Это же ясно как день!

— А остальное?

— Ты что, забыла мое второе имя? Эймс, которое подходит к М.., и второе И (Й).., а дальше, что я — доктор, О.., вот тебе еще одна буква.

Маргарет задумчиво и с сомнением смотрела на мужа:

— Это замечательно, что ты догадался, дорогой мой. Но я уверена, что этот ребус соответствует также и сотням других людей. По крайней мере

у тебя нет никаких определенных причин думать об опасности...

— Определенных причин! — повторил доктор, судорожно переводя взгляд с одного места на другое. — Боже мой, да они такие определенные, как никогда! Ты всегда этого не понимала, несчастная! Я уже столько месяцев вижу этот бесконечный кошмар, все время испытываю «гнев богов»...

Затем его лицо исказил нарастающий ужас, и он добавил:

— Это сообщение, я уверен... Оно обращено ко мне... Я пойду в свое убежище... И кто бы ни постучал в мою дверь, я отвечу ему свинцом! Я беру с собой ружье!

При этих словах, забыв даже пообедать, доктор Линч пошел за оружием и быстро покинул дом. Из окна своей комнаты, пока небо постепенно затягивалось облаками, Маргарет видела, как он заперся в своем обычном убежище в глубине сада с еще большими предосторожностями, чего никогда ранее не происходило.

В эту ночь, как и прогнозировала метеосводка, над Лондоном разразилась страшная гроза.

Инспектор Уэдекинд дежурил в своем кабинете в Скотленд-Ярде ночью. Он опасался, что преступник сейчас начнет действовать, так как все и без того слышали этот «гнев богов». И действительно, снаружи словно разверзлись небеса и дождь лил как из ведра. В ритме громовых раскатов страшные молнии освещали столицу, которая дрожала и как будто застывала в их белом, судорожном свете. Уэдекинд, стоя у окна, наблюдал за этим удивительным спектаклем, беспрестанно глотая кофе и куря одну сигару за другой. К пяти часам утра, ког-

да он уже думал о том, что скоро его придут сменить, в кабинет вошел полицейский вместе с изысканно, но явно в спешке одетой женщиной, которая желала сделать важное заявление. Выслушав ее, инспектор быстро натянул плащ и приказал приготовить ему фиакр.

На горизонте уже занимался рассвет, когда экипаж остановился перед домом доктора Линча. Не обращая внимания на многочисленные лужи, Уэдекинд прошел вслед за миссис Линч по узкой, утопающей в грязи тропинке, ведущей в сад, в глубине которого стоял маленький домик. В неверном свете фонаря он подошел ко входу и понял, что грязная и несколько раз промытая ливнями земля не сохранила никаких следов.

— Это там... — пробормотала Маргарет. — Я беспокоилась и несколько раз просыпалась от грозы, а затем, около трех часов утра, подошла к окну моей комнаты, чтобы выглянуть наружу. В свете молнии я увидела, как дверь хижины бьется на ветру, что ненормально... Ведь муж всегда тщательно запирался, так как боялся дождя и молний, и в этот раз сделал то же самое. Я накинула куртку и спустилась вниз, чтобы выяснить, не случилось ли чего-нибудь. И тогда заметила, как вы убедились сами, что дверь была взломана... А внутри никого не оказалось... Мой муж исчез... Но его ружье осталось там... Это уже совсем странно!

Уэдекинд начал осмотр помещения. Дверь действительно была взломана, но достаточно странным способом, так как доски почернели, словно были сожжены очень сильным огнем! Кроме того, внутренний замок частично расплавился! Как будто молния ударила точно в механизм замка, в замочную скважину!

Семь чудес
преступления

Обстановка комнаты состояла из простой железной кровати, табурета и стола. На полу рядом с расстеленной кроватью лежало ружье — еще заряженная охотничья двустволка.

— У него никогда не хватило бы смелости выйти одному, инспектор! — застонала миссис Линч за его спиной. — В такую погоду, никогда! Кто-то заставил его уйти, и я задаюсь вопросом, каким же образом? Ведь Патрик собирался стрелять в любого, кто придет к нему! Я не понимаю, что могло произойти, это все и невероятно, и невозможно... Вы думаете, случившееся могло быть связано с сообщением, появившимся в газетах?

— Есть все причины опасаться этого, миссис Линч, — ответил Уэдекинд, степенно покачав головой. — Мы должны готовиться к самому худшему...

Инспектор не ошибся. Когда наступило утро, ему сообщили об обнаружении странного трупа в небольшом лесу на севере Лондона. Он немедленно отправился туда и увидел жуткую картину, по всей очевидности, новое преступление убийцы, который только что расписался на своем последнем «шедевре», пятом «чуде преступления».

Рядом с деревом, расщепленным молнией, находилась вышка для наблюдения за животными — высокое сиденье на самом верху лестницы, сделанной из обтесанных веток. На этом «троне», на высоте пяти-шести метров восседало почерневшее тело. Одежда трупа обгорела дочерна. Свидетель, обнаруживший труп, был встревожен струйкой дыма, поднимавшейся из-за леса. Придя на место, он увидел горящий стул и тело на нем, а также часть дерева, расколотого молнией. Казалось, трагедия произошла в результате пожара, который был тем временем потушен. Сильно обгоревшее тело доктора

Патрика Линча было опознано только по обручальному кольцу.

В результате предварительного осмотра на трупе не было обнаружено серьезных ран. Казалось, доктор Линч просто стал жертвой удара молнии. Но самой необычной деталью, бесспорно, оказалась маленькая позолоченная статуэтка, которую мертвый словно защищал, держа в руке. Она представляла собой приземистого слоника длиной десять сантиметров.

Некоторое время спустя появился Оуэн Бернс, за которым Уэдекинд срочно послал полицейского. Однако он не смог оказать особой помощи инспектору, кроме того, что сообщил некоторые, чисто художественные подробности, по поводу таинственного присутствия этого «позолоченного слона». Но сумел точно сформулировать поставленную задачу:

— Убийца сообщает нам, что готовится совершить новое злодеяние, посылая на этот раз достаточно прозрачное сообщение, учитывая «оставшиеся» чудеса света, намекая на вмешательство великого Зевса, который немислим без своего атрибута — молнии, символа его «гнева». Он также точно указывает на жертву. Сразу же расшифрованный ребус не оставляет никаких сомнений. Однако эта жертва болезненно боится грозы. Но особенно она опасается того, кто готовится к событию и чувствует личный посыл в сообщении, расшифрованном мистером Линчем. Доктор запирается в своем убежище, заявляя, что будет сражаться с тем, кто попробует до него добраться... И затем воплощается невероятное пророчество, описанное убийцей.

Дверь убежища взломана, как будто сожжена молнией. Большой внутренний замок буквально расплавлен... а доктор Линч испарился! Очевидно, не совершив ни малейшего действия, чтобы защи-

титься, так как он даже не воспользовался своим ружьем! Его нашли в пяти-шести километрах от дома, на этом высоком сиденье, на троне, как царя, сожженного молнией, «сраженного гневом богов»!

— Если это преступление совершил убийца из плоти и крови, каким образом ему удалось поставить такую мизансцену за столь короткое время? То есть темной ночью найти место, так замечательно приспособленное для «статуи» Зевса на высоком «троне», монументальность которого вызывает в памяти величественность знаменитой скульптуры Фидия в Олимпии! Хризоэлефантинная статуя из золота и слоновой кости, очевидным символом которой является позолоченный слон. Как найти за столь короткое время такое красноречивое место, которое, кроме того, должно быть поражено молнией или знать, что это должно произойти. Более того, надо доставить сюда жертву, забаррикадивавшуюся у себя дома, полумертвую от страха? Надо сказать, оправданного страха, тем более удивительного, что доктор Линч в течение нескольких лет предчувствовал, что закончит свою жизнь, став жертвой удара молнии! Каким образом у него появилось предчувствие такой кончины! У нас есть несколько невероятных событий, от которых голова идет кругом! И совсем нет слов, чтобы описать это новое, пятое «чудо преступления»!

Глава 12

Двумя днями позже Уэдекинд и Оуэн отправились в Северн-Лодж, чтобы допросить молодого художника. Последние сведения, собранные инспектором, ориентировали расследование в новом направлении, и он решил ковать железо, пока

оно горячо. Уэдекинд нашел художника в его мастерской, в рабочем фартуке, с кистью в руке. Инспектор поздоровался, а затем уточнил причину своего визита, связанного с преступлением, жертвой которого стал доктор Патрик Эймс Линч.

— Я понимаю, — сказал Майкл, продолжая критически всматриваться в полотно, которое в данный момент представляло собой только цветовой фон. — В конце концов вы решили искать виновного там, где он находится... Я полагаю, вы прислушались к советам мистера Оуэна Бернса?

— В некотором смысле да, — ответил Уэдекинд, улыбнувшись незаметно для художника. — Я должен признаться, что расследование идет своим чередом, особенно в том, что касается последнего преступления, пятого в этой серии. До настоящего момента я изучал, какая связь существует между всеми жертвами...

— Но это абсурдно, их убивают случайно! — воскликнул художник, смешивая краски. — Убийце не важна их взаимосвязь!

— Может быть, и не так абсурдно, как вам кажется, мистер Денхем. Потому что между двумя последними жертвами связь наверняка существует... И я уверен, что вы о ней знаете...

— Нет, я ничего не знаю...

— Полноте, — примиряюще продолжал инспектор. — Ответить на этот вопрос не так трудно. Вы должны найти ответ. Если мои сведения верны, мистер Денхем, вы знаете и мистера Родеса, и доктора Линча...

— *Знаете*, это слишком громко сказано. Данное слово можно применить к Родесу, к которому я испытывал некоторую симпатию, но не к доктору Линчу...

— Значит, вы утверждаете, что знаете их обоих?

— А разве я сказал противоположное? Но это знание относится к простому посещению бара. Так можно знать и многих других посетителей «Тельца». Я совершенно не понимаю, к чему вы клоните!

— А связь, о которой я говорю, это и есть «Телец». Оба пострадавших достаточно регулярно посещали этот паб, как и вы. Однако в Лондоне существуют сотни заведений подобного рода! Признайтесь, это все-таки не простое совпадение, когда речь идет о двух очередных жертвах странного убийцы, которого мы разыскиваем!

— Я вас понимаю, но такие вещи случаются.

Майкл отложил кисть, а затем, поправляя шелковый платок на шее, продолжил:

— Такое рассуждение не лишено определенной логики. Теперь вы знаете мотивацию преступника, который считает себя обязанным совершать идеальные преступления. Мне доводилось два или три раза приводить Пола Брука в этот паб. И его, несомненно, впечатлили эти мужчины, особенно мистер Родес, который вдохновил его... на одно из «чудес преступления»!

— Вы очень ловкий человек, мистер Денхем, — с иронией отозвался инспектор.

Майкл повернулся к холсту, изобразив скромную улыбку.

— То же самое мне часто говорит мистер Брук. Он замечательный человек, которому я многим обязан. Впрочем, это ставит меня сегодня в затруднительное положение, учитывая события, которые привели вас сюда. У меня создается впечатление, что я немного предаю его доверие... оказывая содействие правосудию, а значит, исполняя долг гражданина. Вы понимаете меня, инспектор?

— Очень хорошо понимаю. Но боюсь, вы не понимаете всю сложность ситуации. Я же пытаюсь прояснить ее насколько это возможно. Оставим пока весьма ограниченный взгляд на мотив всей серии убийств и рассмотрим только последнее по дате. Неделю назад, то есть за четыре дня до убийства доктора Линча, в «Тельце» произошла потасовка, что довольно редко случается в этом заведении.

— Кажется, я понимаю, на что вы намекаете, но позвольте сказать...

— Я не закончил, — перебил инспектор. — Эта потасовка произошла между двумя действующими лицами: с одной стороны выступал доктор Линч, с другой — мистер Денхем. Предупреждаю: отрицать бесполезно, так как у нас есть по крайней мере полдюжины свидетелей...

— Но я ничего не отрицаю! Я сам собирался рассказать вам об этом!

Тон инспектора смягчился и стал даже чуть слащавым:

— Тогда объясните мне, почему вы дали этому *джентльмену* пощечину, а потом схватили его за ворот?

— Потому что он оскорбил меня! — ответил Майкл с чувством собственного достоинства.

— Какое же оскорбление он вам нанес?

— Это были оскорбительные, грубые, безосновательные обвинения!

— Безосновательные? Я в этом не так уверен...

Медленно разглаживая бороду, Уэдекинд немного помолчал, а затем обвел взглядом просторное, хорошо освещенное помещение мастерской.

— Славное место для художника, — заметил он. — Кажется, мистер Брук заботится о том, чтобы вам было удобно работать... У вас хорошее жалованье?

— Я здесь живу, меня кормят и дают немного карманных денег...

— Чтобы хватало на жизнь?

— Да, в настоящее время. Но когда я стану знаменитым, эти полотна будут меня кормить, вознаграждать за мой труд. Кроме того, мы сильно рассчитываем на успех выставки, которую готовит мистер Брук.

— Но нельзя продавать шкуру неубитого медведя, мистер Денхем, и вы это хорошо понимаете. На сегодняшний день вы не располагаете никаким личным состоянием, по крайней мере официально. Другими словами, небольшое денежное пособие было бы не лишним, чтобы вы могли вести жизнь, соответствующую вашим амбициям, которые вы, впрочем, и не скрываете, намереваясь жениться на мисс Долл.

— Действительно, я не отрицаю последнее утверждение, — пробормотал молодой человек, удивленный изменением позиции инспектора.

— Однако, — продолжал последний, — ваш соперник Пол Брук совершенно не согласен с этим намерением. А если предполагаемый успех не будет соответствовать вашим ожиданиям — я уверен, вы рассматриваете и такой случай, — вы сильно рискуете не достигнуть желаемого положения. А вам известны сила и власть денег, не так ли, мистер Денхем?

— Да, но деньги еще не все! И я уверен, что они не повлияют на чувства Амели!

— Сегодня, может быть, но кто знает, что будет завтра?

— Что вы хотите этим сказать? — нервно бросил художник. — И какое отношение это имеет к...

— К доктору Линчу? — закончил Уэдекинд подчеркнуто вежливо. — А такое: я только что получил ответ на свой запрос к его банкиру. И он подтвердил мои подозрения. Банкир сообщил, что

за последние несколько недель его клиент неоднократно изымал средства со своего банковского счета совершенно необычным способом. В общем, дело пахнет шантажом. И именно в этом доктор Линч обвинил вас во время вашей ссоры, так ведь?

Художник побледнел до такой степени, что под кожей проступили вены, и начал терять терпение:

— Да, именно это он бросил мне в лицо! И уже не в первый раз! Я больше не мог мириться с такой низостью, тем более когда оскорбление наносится публично!

— А что было предметом шантажа?

— Я... я не знаю, он мне не сказал.

Инспектор помолчал, долго качая головой, а потом продолжил:

— И через несколько дней после этой ссоры, произошедшей на глазах множества свидетелей, доктор Линч был убит при известных обстоятельствах.

— Ваши намеки просто смешны! Тем более что шантажисты, насколько я знаю, не имеют привычки избавляться от курицы, несущей золотые яйца!

— Пока она покорно платит, то нет... Но если «курица» начинает говорить, задыхаясь под давлением отвратительного шантажа, то с этого момента становится обременительной, вы понимаете?

Майкл явно был разгневан, но старался не терять хладнокровия. И, снова поправляя шейный платок, ответил, вполне владея голосом:

— Ошибаетесь, инспектор. Вы обратились по верному адресу, но избрали не тот объект познания.

Направляясь к реквизиту художника, инспектор начал с преувеличенной метафоры:

— Вы, несомненно, знаете, что в суде заявления одного из супругов не имеют большой ценно-

сти. И не без основания, потому что страсть и правда не слишком ладят. Это лишь немного из того, что я сказал себе, когда понял, с помощью мистера Оуэна, что вы приходили донести на убийцу. Как правило, у меня ограниченное доверие к такого рода свидетельствам, но ваше, честно говоря, показалось мне даже подозрительным. Кстати, не могли бы вы сказать, что делали в ночь последнего убийства? Полагаю, находились здесь, спали в своей комнате и никто не может этого подтвердить, не так ли?

— Нет, не совсем так, — ответил Майкл, напрягшись.

— А-а-а? Вас здесь не было? В такую ужасную погоду?

— Да, это так. Я опоздал и не смог вернуться до этой кошмарной грозы...

— Где же вы были? И в котором часу вернулись?

— Я был у Амели... Но не могу точно сказать, когда вернулся домой. Было достаточно поздно... Около полуночи, может быть, позже. Когда мы вместе, то не наблюдаем за временем. Однако могу вас заверить, что мы не говорили о деньгах.

— Понимаю, — сухо ответил полицейский. — И у нас, конечно, представится случай, вернуться к этому, мистер Денхем. Да! И последнее! Мне хотелось бы одолжить несколько ваших картин. Я верну их при первой возможности после того, как наши эксперты их проанализируют и сравнят с живописью на холстах, которые нам так любезно и регулярно присылает художник-убийца.

На следующее утро инспектор Уэдекинд принял в своем кабинете в Скотленд-Ярде богатого бумагопромышленника, которого сопровождал Оуэн Бернс, держась чуть поодаль и с отсутствующим

щим видом покуривая сигару. Без лишних слов полицейский открыл коробку, стоявшую рядом с ним на столе, и достал из нее сложенную льняную ткань, в которой лежали три монеты. Одна из них сделана из старой бронзы, а две другие — из сплава с серебром. На аверсе всех трех монет была изображена колоннада древнегреческого или древнеримского храма.

— По моим сведениям, — начал полицейский, — речь идет о коллекционных монетах античных времен. Бронзовая монета была найдена в руке вашего друга сэра Томаса в тот момент, когда его сразила стрела из арбалета. Две другие были обнаружены в траве, неподалеку от него. Вы, мистер Брук, коллекционер и эксперт. У меня такой вопрос: эти три монеты являются частью вашей коллекции?

Старый археолог взял монеты, быстро взглянул на них и утвердительно закивал головой.

— Я заметил их исчезновение, но поскольку они были не особенно редкими, то не стал волноваться, думая, что положил их в какое-нибудь другое место... Значит, вы думаете, что их... одолжил сэр Томас?

— Или сэр Томас, или *убийца*, — уточнил Уэдекинд, наблюдая за реакцией своего собеседника.

Мистер Брук снова покачал головой и добавил более серьезно:

— Убийца... которого, следовательно, надо искать *в моем окружении*?

— Скажем так: нам стоит рассмотреть и эту версию, но прежде, чем углубиться в данную гипотезу, не могли бы вы припомнить, какого приблизительно числа произошло исчезновение этих монет?

— Боюсь, нет. Я обнаружил их пропажу две или три недели назад, но они могли исчезнуть намного раньше.

— Мистер Брук, — вмешался Оуэн, внезапно встав со своего места, — мне хотелось бы узнать ваше мнение по поводу этой серии преступлений, но не холодный анализ произошедших событий, а ваше личное ощущение...

— Я читал об этом в газетах и, боюсь, что известия на меня повлияли...

— Несомненно, но я особенно обращаюсь к вашему художественному чутью, потому что знаю вас как авторитетного эксперта в этой области.

Мистер Брук какое-то время теребил край своего котелка, а затем на его лице появилась улыбка и сразу же несколько мелких морщин.

— У меня уже есть собственное мнение относительно этих семи чудес древности, которые стоит вспомнить в связи с такими зловещими событиями. Если как следует посмотреть, семь чудес, из которых до наших дней дошла только пирамида Хеопса, имеют общий знаменатель, который, правда, не является единственным критерием их красоты. Все они *монументальны*, отмечены печатью гигантизма! Будь это храм Артемиды в Эфесе, Вавилонские сады или гробница Мавзола, Александрийский маяк или статуя Зевса, которая действительно казалась огромной в своем храме в Олимпии, достигая высокого потолка. Не говоря уже о Колоссе Родосском или, еще лучше, о знаменитых пирамидах, которые до сих пор являются непревзойденными. Все эти сооружения, высокие и красивые, созданы людьми, которые желали сравниться с *божественными созданиями* или даже *превзойти их*. В каком-то смысле это настоящий вызов богам. И такое же понятие вызова очевидно проявляется во всех совершенных преступлениях... Преступлениях, которые после всего, что я о них прочитал, кажут-

ся мне результатом сверхъестественного вмешательства!

— Это точно, — подтвердил Оуэн. — По-видимому, никто не смог бы приблизиться в такой роковой момент к зрителю, когда он сгорел, как факел, на самом верху своего маяка. Никто, даже самый лучший лучник на земле, не смог бы совершить такой выстрел, сразивший сэра Томаса. И никто не смог бы сбросить цветочный горшок на голову мисс Мари Домон так, чтобы остаться не замеченным свидетелями. Никто, казалось бы, не смог поспособствовать смерти вояки Родеса, убитого самым необыкновенным образом: человек погиб от жажды рядом с кувшином воды, стоявшим в нескольких сантиметрах от него! Что касается мистера Линча, он был убит молнией при обстоятельствах, бросающих вызов разуму! Таким образом, на самом деле кажется, что этот убийца обладает сверхъестественными способностями!

Джон Брук, уставившись в одну точку, помолчал, а затем медленно произнес:

— Я не знаю, бросал ли убийца вызов Богу или какому-либо божеству, но мне кажется очевидным, что он бросил вызов кому-нибудь или чему-нибудь, одному человеку или группе людей, например абстрактным властям, в частности правосудию.

— Да, — воскликнул Оуэн. — Это точно! Прекрасный анализ, мистер Брук, я склонен поддержать вас. Какое точное понимание человеческой души с ее манией величия и навязчивым комплексом превосходства! Что вы думаете об этом, инспектор?

Уэдекинд вздохнул:

— Я думаю, такое объяснение прекрасно само по себе, но оно не должно маскировать правду. И вы, безусловно, согласитесь с тем, что эта правда не всегда «чудесна»...

Тень страха промелькнула во взгляде Джона:

— Значит, вы действительно думаете, что подозреваемый — это человек, который проживает под одной крышей со мной?

— Да, мистер Брук. К сожалению, есть все причины так думать. У нас пока нет реальных доказательств, но во всем остальном... Вы знаете, что перед каждым преступлением убийца посылает нам загадочное сообщение на холсте буквами, начертанными еще пачкающей масляной краской?

Бумагопромышленник внезапно изменил тон:

— Значит, художник? А так как подозреваемый проживает в моем доме, вы делаете вывод, что Майкл и есть тот самый убийца! Все чересчур просто! Я отказываюсь рассматривать такую возможность!

— Суть не только в этом, мистер Брук, — ответил инспектор, сделав рукой жест, призывающий к спокойствию. — Позвольте сообщить вам совершенно очевидную вещь, отнюдь не ложную. Мы только что провели анализ присланных «картин» и краски из тюбиков, используемых мистером Денхемом. Экспертиза не позволяет сказать, были ли краски, используемые убийцей, из тех самых тюбиков Майкла Денхема, но это были краски одной и той же марки! И более того, не самой распространенной марки! А это то самое дополнительное совпадение, приближающее нас к тому, что вы держите в руках, к этим монетам, которые убийца взял из *вашей* коллекции, хранящейся под *вашей* крышей...

Брук неожиданно побледнел и пробормотал:

— Это не Майкл... Не может быть, что это он... Вы ошибаетесь...

— Если это не он, то в таком случае обязательно кто-нибудь, желающий ему навредить. Кто-то похитивший эти монеты и без спроса использовав-

ший краску из его тюбиков или краску идентичной марки, чтобы навлечь подозрения на него!

— Да... Такое возможно...

— К сожалению, — вздохнул инспектор, — это не позволяет нам отказаться от нашей версии... У кого, по вашему мнению, есть причины так ненавидеть Майкла? Несомненно, вы лучше нас сможете ответить на этот вопрос. Но, откровенно говоря, мы достаточно уверены в нашем деле, и сначала вам стоит рассмотреть виновность молодого художника, каким бы несправедливым это вам ни казалось. Нам надо прояснить еще один момент — место нахождения Майкла в ночь последнего преступления. Если он продолжит настаивать на том, что не знает точного времени своего возвращения домой, должен вам сказать, это для него очень плохо...

Глава 13

Устроившись за столом в саду Бруков, мы с Оуэном ждали Пола. Погода после полудня была приятной, без устрашающих облаков на горизонте. Я бесцельно осматривался вокруг, убеждаясь, что ливни предыдущих дней освежили растительность. Одна только лужайка, жаждущая влаги после долгой жары, еще находилась в критическом состоянии, особенно в самом центре сада, вокруг любопытного декоративного сооружения, придуманного Джоном Бруком, «Воротами в потусторонний мир». Я отметил, как сильно выросли вьющиеся растения, листва которых стала раза в два гуще со времени нашей последней встречи с молодым человеком. Он выглядел каким-то безликим, но довольно взволнованным, что заставило меня тогда насто-

Семь чудес
преступления

житься. Я думал о нем, когда вдруг послышался голос за моей спиной:

— «Ворота в потусторонний мир»...

Я обернулся и увидел миниатюрную даму с бледным матовым лицом. На ней было домашнее платье из черного бархата и с лифом, по какой-то прихоти сделанным из голубого атласа, обшитого черным янтарем. Лицо ее казалось приятным. Черные волосы, собранные в пучок, темные печальные блестящие глаза.

Миссис Брук приближалась к своему шестидесятилетию, но принадлежала к тому типу женщин, которые не выглядят на свой возраст.

— Странное для садового украшения название, вы не находите? — спросила она, прежде чем представиться и сообщить нам, что ее сын подойдет буквально через несколько минут.

Оуэн очень вежливо поддержал ее замечание, подчеркнув оригинальность сооружения.

Милада Брук задумчиво села рядом с нами на стул из кованого железа.

— У Джона иногда возникают странные идеи, — сказала она, помолчав. — И даже мрачные... Он очень изменился с тех пор, как мы впервые встретились.

— Полагаю, это было в вашей родной стране? — поинтересовался Оуэн. — Некоторое время назад я читал книгу вашего мужа, описывающую жизнь на Балканах.

— Да, — ответила миссис Брук, глядя куда-то в даль. Тогда это был лихой молодой человек, полный жизненной энергии, идеалист, оптимист, который еще не интересовался египетскими музеем! Но со временем его страсть к жизни угасла. Как и многое другое... Сегодня он посвящает себя живописи или, точнее, живописцам.

— Вы, конечно, думаете об этом молодом талантливом художнике, мистере Денхеме? — заметил Оуэн с притворным равнодушием.

— Да, если хотите. Но может так случиться, что завтра мистера Денхема здесь не будет или его будут звать мистер Смит или мистер Браун. Затем художник станет скульптором или музыкантом. Все это не имеет никакого значения...

Милада Брук говорила бесстрастным голосом, и было трудно интерпретировать ее слова, которые, будучи произнесены более эмоционально, могли бы сойти за упрек.

— Но я не вижу во всем этом ничего плохого! — бросил Оуэн с непринужденной веселостью.

— *Ворота в потусторонний мир*, — сказала она, посмотрев своими черными глазами в сторону обсуждаемого строения. — Вы находите очень забавным назвать подобным образом главное украшение сада? В моей стране сказали бы, что такое название принесет несчастье... Когда мы поселились здесь, я думала о чем-нибудь более веселом, например, можно было бы назвать строение *Райским парком*, но муж счел это слишком банальным.

— А-а! Я понимаю! — поддержал Оуэн с одобряющим видом. — Слово «мрачный» не относится к живописи или к молодому художнику...

— О! Я думаю, что к нему его в равной мере тоже можно отнести! Мне не в чем конкретно упрекнуть Майкла, но я утверждаю, что с тех пор, как он появился здесь, ситуация стала напряженной. — Затем, после некоторого колебания женщина продолжила: — А Пол после того случая тоже сильно изменился... Впрочем, вот и он.

Мы попрощались с миссис Брук, которая пошла в сторону дома в то время, как ее сын неторопли-

во направлялся к нам, казалось, не заметив того печального взгляда, который она бросила на него.

Тем не менее после нескольких обычных слов приветствия он поинтересовался темой нашей беседы с его матерью. Оуэн заметил, что миссис Брук очень интересная личность.

— Да, — согласился молодой человек с невеселой улыбкой, — но только в отсутствие моего отца. При нем она опасается делать даже небольшие замечания, не говоря уже о каких-либо поступках. Да и зачем спорить, если ничего не изменится. Но я полагаю, не это стало причиной вашего визита?

— Конечно, нет. Мы приехали поговорить о Майкле Денхеме.

Лицо Пола внезапно стало непроницаемым, а Оуэн добавил:

— Кажется, ваши подозрения по поводу Майкла подтверждаются. Я не могу рассказать вам подробности по причинам, которые вы и сами понимаете, но знайте, что в настоящее время он находится в Скотленд-Ярде, чтобы официально ответить на некоторые вопросы...

— Значит, он подозревается в убийстве? — удивленно воскликнул Пол Брук.

— Более того. Теперь относительно него есть серьезные подозрения. А ваш отец ничего вам не говорил?

Молодой человек пожал плечами, еле слышно сказав «нет».

— Мне бы очень хотелось знать, мистер Брук, — продолжал Оуэн, — ваше мнение на сегодняшний день. Другими словами, вы все еще думаете, что это мистер Денхем совершил серию страшных убийств?

Через несколько мгновений я увидел в глазах молодого человека такое же выражение, как и у его

матери, на которую, впрочем, он был очень похож. Взгляд одновременно и неопределенный, и напряженный. Сверкающий, но с каким-то неестественным блеском. Взгляд, не поддающийся пониманию, в котором, однако, угадывались живые, обостренные чувства.

— Я не из тех, кто меняет свое мнение или вкусы, как перчатки, мистер Бернс, — ответил Пол достаточно твердо. — Однако я не готов слепо поддержать это дело. В случае с Майклом Денхемом могу сказать, что мое убеждение не стало слабее, скорее наоборот. Все в его повседневном поведении только усиливает подозрения. Боюсь, вы не приняли всерьез нашу последнюю встречу...

— Да, несомненно, — признал Оуэн, кивнув головой. — Но, видите ли, как это ни прискорбно, мы имеем все причины думать, что ваше свидетельство было несколько искажено... скажем так, страстью, которую вы испытываете к мисс Долл.

— Страстью! Вы произнесли это слово так, будто речь идет о внезапной лихорадке! Каком-нибудь инстинктивном и необдуманном побуждении! Так можно говорить именно о Майкле!

— Я понимаю вашу точку зрения.

— Вы в этом уверены?

Пол пристально, с некоторым вызовом, посмотрел на Оуэна, затем внезапно поднялся, и в какой-то момент я испугался жесткой реакции с его стороны. Но он быстро прошел в цветник, нагнулся и сорвал цветок анютиных глазок. Затем вернулся обратно, показал цветок моему другу и сказал, что ему очень нравятся эти цветы.

— Посмотрите, какой красивый цветок, мистер Бернс. — Отметьте нежные оттенки основного цвета — голубого, в центре темный бархат и свет-

люю лазурь его лепестков в совершенной гармонии с удивительным желтым пятном!

— Согласен, сочетание очень удачное!

— Да, он невероятно красив...

— Не могу не согласиться с вами, мистер Брук.

— Это настолько удивительный цветок, что его красота может сравниться только с Амели, самой прекрасной из женщин!

— По этому вопросу я тоже не позволил бы себе противоречить вам, — сказал Оуэн, покашливая.

— Я хочу доказать вам, мистер Бернс, что такое прекрасное создание, как она, не может расцвести за один день. То есть ничего вчера не было, а сегодня есть, вы понимаете? Требовалось время, чтобы прийти к зрелости, к настоящей любви, которая является результатом постепенного развития, когда шаг за шагом преодолеваешь каждый этап умения владеть собой, когда нужно со вкусом оценивать каждое мгновение, смягчать порывы сердца, в сладком ожидании своей причастности. Только таким способом можно прийти к расцвету красоты. И эта красота, находящаяся перед вами в данный момент, как тот самый цветок...

И хотя в такой демонстрации чувств Пола Брука не было ничего комического, но, видя, как реагирует на это Оуэн, вполне понимающий его, я с трудом подавил приступ смеха. Совершенно очарованный, мой друг переводил взгляд с сорванного цветка на молодого человека, который держал прекрасное растение в нескольких сантиметрах от его лица.

— Я понимаю, — завершил он, слегка отстраняясь от анютиных глазок. — Очень хорошо понимаю.

— Самое неприятное состоит в том, — проговорил Пол, снова садясь на свое место, — что этого не понимает мистер Денхем.

— А вы пытались ему объяснить? — рискнул предположить мой друг.

Молодой человек пожал плечами.

— Нет. Это было бы пустой тратой времени. Животное влечение толкнуло его к Амели, и он удерживает ее в своих объятиях. Его страсть и упорство при отрицании очевидного сравнимы только с ненавистью, которую он питает ко мне и которая толкает его на совершение страшных поступков...

— Это меня заинтриговало, — задумчиво бросил Оуэн, — но преступления все же мне кажутся действиями, совершенными очень расчетливым и педантичным человеком, а не личностью, действующей под влиянием гнева...

— Но я думаю, что Майкл вполне способен и на такое, мистер Бернс. Если он однажды принял решение, то будет действовать с тем же усердием и той же сноровкой, с какой создает свои картины.

Мой друг согласился со справедливостью данного замечания, а затем спросил с задумчивым видом:

— Мистер Брук, знаете ли вы кого-нибудь, кроме самого себя, в вашем окружении, кто мог бы тайно испытывать чувство ненависти по отношению к мистеру Денхему?

— Почему вы задаете мне этот вопрос? — довольно резко спросил молодой человек. — Разве его виновность не установлена?

— Не совсем...

— Мне казалось, у вас есть мотив, доказательства, чего же еще не хватает?

— Остается установить, была ли у Майкла возможность совершить последнее преступление.

— У него нет алиби, насколько я знаю!

— А у вас самого, мистер Брук, есть алиби в ночь на тринадцатое?

— Я спал, как и всегда, в своей комнате!

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Во взгляде Пола Брука вспыхнула ярость:

— Нет, никто...

— Тогда все происходит по законам жанра, — ответил Оуэн с забавной улыбкой. — На то же самое претендует и мистер Денхем. Пойдем дальше. Вы не ответили на мой вопрос. Знаете ли вы кого-нибудь из вашего окружения, кто мог бы иметь причины ненавидеть Майкла?

Он прервался. Задняя дверь дома Бруков открылась и появилась хозяйка, которая объявила, что только что прибыл почтальон и принес срочное, очень лаконичное сообщение, подписанное инспектором Уэдекиндом:

ПРИЕЗЖАЙТЕ КО МНЕ В ОФИС — БЫСТРО — ВАЖНЫЕ НОВОСТИ.

Глава 14

— Я думаю, произошла ошибка, — заявил инспектор, когда мы после полудня вошли в его кабинет в Скотленд-Ярде.

В противоположность своей обычной привычке, Уэдекиндр на этот раз не сидел в кресле, а ходил из угла в угол, временами вытаскивая изо рта сигару, не отдавая себе отчета в том, что она погасла. Бесспорно, он был раздражен. Но пока еще мы не знали причину. После краткого приветствия инспектор пригласил нас сесть и выслушать его.

— Я двигался по указанному вами следу, Бернс, — начал он, поворачиваясь к Оуэну. — Кто бы ни был подозреваемым, все вело к дому Бруков. Нам было бы достаточно незаметно наблюдать за

его обитателями, чтобы следить за передвижениями двух подозреваемых той ночью. Но прежде чем обратиться к обстоятельствам трагедии, мне бы хотелось поделиться парой наблюдений относительно самого расследования.

Мы обнаружили следы, оставленные горючей жидкостью на трупе доктора Линча. Похоже, прежде чем поджечь все вокруг, его обрызгали керосином, как и сиденье, на котором он находился, как и расколотое дерево по соседству, а также несколько охапок хвороста. Другими словами, этот пожар вызвала не молния, а чья-то преступная рука.

К сожалению, это не все объясняет. Далеко не все. Так как дерево было расколото именно молнией! Ведь невозможно представить себе такого колосса, даже если его звали Родес, чтобы он смог расколоть подобный ствол! Один или несколько человек, или даже с помощью упряжки лошадей! Мы поговорили с местными дровосеками, которые подтвердили: в дерево, несомненно, ударила молния.

Кроме того, дверной замок хижины, служащей убежищем доктору Линчу, подвергся воздействию интенсивного жара, достаточного для того, чтобы частично деформироваться. Еще мы обнаружили на двери странные следы, свидетельствующие о каком-то надувательстве. Дверь вокруг замка сначала расщепили с помощью какого-то инструмента, например топорика, а потом уже подожгли чем-то сильно раскаленным, например жаровней с горящими углями. В общем, у нас есть несколько улик, которые кажутся противоречивыми, но рассмотрим теперь факты в хронологическом порядке.

Вечером тринадцатого июня, примерно в половине десятого, доктор Линч, встревоженный больше, чем обычно, закрылся в своей хижине до

того, как около часа ночи разразилась страшная гроза. К трем часам утра миссис Линч обнаружила открытую дверь хижины, а потом увидела, что ее муж исчез. К сожалению, теперь невозможно точно сказать, была ли дверь заперта часом ранее. Примерно в половине четвертого утра дождь перестал, и к шести часам сторож охотничьих угодий нашел жертву, сперва заметив дым над лесом. По сведениям судмедэксперта, доктор Линч сначала был оглушен, потом задушен примерно около трех-четырёх часов утра. Таким образом, все этапы преступления осуществлены между двумя и четырьмя часами утра...

Заложив руки за спину, с потухшей сигарой в руке, Уэдекинд внезапно остановился. Его взгляд был устремлен в пол.

— А что делал Денхем в данный промежуток времени? — вдруг глухо спросил он. — Вот вопрос. Мы еще многого не знаем об этом необычном преступлении, хотя бы по поводу невероятной мизансцены, сконструированной вокруг погибшего...

— Вы совершенно правы, — одобрил Оуэн, поглощенный рассмотриванием своих карманных часов, которые он осторожно держал за конец цепочки, словно обнаружил в них что-то непонятное и удивительное. — Первая тайна — нарастающий страх жертвы перед грозой, который начался у него примерно два года назад и достиг крайней степени в тот самый момент, когда убийца прислал свое сообщение об угрозе и, следовательно, перешел к действиям. Другими словами, преступление было задумано давно по отношению именно к этой жертве, что мало согласуется с уже известными нам обстоятельствами. Затем преступнику нужно было выманить доктора из его хижины, в которой, как мы помним, он забаррикадировался и ждал дальнейше-

го развития событий с оружием в руках... И тем не менее убийца довел дело до конца. Ему удалось выманить из дома доктора Линча, привести его на место трагедии, найти дерево, которое очень своевременно было расколото молнией, не говоря уже о сиденье — месте для наблюдения за животными, и все это в темноте, под дождем.

— Ограничимся пока рассмотрением проблемы под чисто материальным углом, — сухо предложил полицейский, — потребовалось бы меньше получаса, чтобы на фиакре добраться из Северн-Лоджа до дома доктора Линча. От дома мисс Долл, где Денхем провел вечер, можно добраться даже быстрее, примерно за двадцать минут. Необходимо еще время, чтобы доехать до леса, где была найдена жертва. Другими словами, если поторопиться, Денхему хватило бы часа с учетом всех маневров и убийства своей жертвы!

На самом деле это минимум. Не считая последних усилий на постановку мизансцен, как например размещение трупа на высоте сиденья, разжигание пожара, что было затруднительно при все еще продолжавшемся дожде. Но это он мог сделать потом...

— Значит, если принять во внимание, что преступление было совершено к четырем часам утра — это предельное время, — логика подводит нас к трем часам — здесь заканчивается время его алиби... Вы согласны?

— Без всякого сомнения, — ответил Оуэн с мечтательной улыбкой. — Но мне интересно, не придаем ли мы слишком большое значение этой грозе?

— Почему? — спросил полицейский, удивленно подняв брови.

— Потому что иногда действия подозреваемого кажутся мне бесполезными.

— Я не понимаю вас, Оуэн, — вмешался я.

— Я вспомнил одну басню...

— «Дуб и тростник»? Но ведь там большое дерево в результате с корнем вырывает ветер!

— Вы не поняли, Ахилл. Я имею в виду басню «Феб и Борей». Феб — это солнце, а Борей — сильный ветер. Однажды они увидели путника, одетого в теплое пальто, и поспорили друг с другом, кто из них быстрее сможет снять с него одежду. Ветер стал дуть изо всех сил, но напрасно — человек только сильнее кутался в свое пальто. Солнце действовало совсем иначе. Очень быстро под его палящими лучами путник был вынужден снять с себя слишком теплую одежду.

— И как же мы должны истолковать эту басню? — проворчал инспектор.

— Чтобы прийти к реальному и очевидно трудно достижимому результату, иногда достаточно немного — всего лишь выбрать подходящее средство.

Хитрая улыбка осветила лицо полицейского.

— Значит, вы думаете, что преступник мог бы добиться своего за меньшее время?

— В известном смысле, да.

— Я дал ему полчаса? Вы согласны со мной? Или даже четверть часа. Ладно, в порыве великодушия соглашаюсь на несколько минут!

Оуэн бросил на полицейского заинтересованный взгляд.

— Я чувствую, вы немного уязвлены. И раздосадованы...

— Да, я раздосадован! — Уэдекинн внезапно взорвался и даже побагровел. — До настоящего времени я действительно думал о виновности молодого художника! Ведь все совпадало: картины, присланные в полицию, украденные монеты... Я думал, что нашел недостающее звено в цепи,

а есть еще «Телец», который посещали две последние жертвы и наш подозреваемый! У меня больше не было ни малейшего сомнения в понимании того, что доктор Линч испытывал давление шантажиста, и это не кто иной, как Майкл Денхем, с которым он недавно поссорился! Но сейчас вдруг обнаруживается, что у Майкла было алиби в ночь убийства до четырех часов утра!

Наступила тишина, на протяжении которой я смог заметить удивление на лице Оуэна, казавшегося заинтересованным не меньше меня.

— Алиби! — закончил он, ничуть не расслабляясь. — Но я думал, что Денхем не сможет доказать свое местонахождение после полуночи! И как раз около этого часа он ушел от мисс Долл...

— И я тоже так думал, черт побери! Но один из наших детективов сегодня утром расспрашивал эту девушку. Так вот, вышеупомянутая мисс Долл утверждает, *что до четырех часов утра Денхем и она вместе играли в шахматы!*

На следующий день очаровательная мисс Амели Долл была выслушана в этом же кабинете инспектором Уэдекиндом, и ее версия ни на йоту не отличалась от уже рассмотренной нами. Она сказала, что точно знает время ухода ее друга потому, что часы пробили ровно четыре утра как раз в тот момент, когда она вернулась в гостиную, проводив Майкла.

Денхем, опрошенный после нее, признался, что чувствовал себя обязанным не сообщать о времени ухода от девушки, с тем чтобы не скомпрометировать свою невесту. Уходя, он действительно не посмотрел на часы, произнес Майкл в замешательстве, но похоже, что на самом деле ушел от Амели примерно в это время.

Семь чудес
преступления

Где-то через неделю после последнего убийства Оуэн и я нанесли визит мисс Долл. Должен сказать, до последнего времени мой друг был очень скуп на откровения. Опираясь на собственный опыт и проведенные нами дознания, я сделал вывод, что мы были на полпути к цели в тот самый момент, когда расследование шло полным ходом. Течение событий уже не было тайной, но оставалось еще приоткрыть самые важные, волнующие и неприглядные обстоятельства трагедии, чтобы развеять неизвестные составляющие, как ночную дымку, накрывшую в этот момент Лондон.

Уже начали зажигаться газовые фонари, когда фиакр остановился перед оградой дома мисс Долл. Амели выразила легкое недоумение, когда после нашего звонка открыла дверь. Проводив нас в гостиную, она с заговорщической улыбкой призналась, что ждала нашего визита. Девушка представила нас своей тетушке, очень пожилой, все время улыбающейся даме, которая кивала головой в ответ на каждую фразу, обращенную к ней. Наша беседа со старушкой продолжалась весьма недолго, после чего Амели проводила тетушку в ее комнату. Вернувшись через несколько минут в гостиную, она спросила нас, каковы причины визита: дружеские или официальные.

— Вы прекрасно знаете, что и те, и другие! — ответил Оуэн, не сводя глаз с прелестной девушки.

— В таком случае я спокойна! Я боялась, что вы возненавидите меня до такой степени, что вычеркнете из списка подозреваемых!

— Мы не осмелились бы нанести вам такую обиду, — приветливо заверил ее мой друг, — но надеюсь, что сейчас вы позволите мне отдать предпочтение двум вашим преданным рыцарям! Тем не менее я не исключаю, что вы могли бы быть сообщницей одного из них...

По лицу Амели пробежала легкая тень.

— Вы не верите... моему свидетельству, касающемуся алиби Майкла в ночь убийства?

— У меня нет никаких оснований не верить вам, если бы не чувства, которые объединяют вас обоих. Вы уверены, что не ошиблись, называя время вашей ночной игры в шахматы?

Амели обернулась к часам, потом ее взгляд вернулся к Оуэну, и она сказала «да», утвердительно кивнув.

— Инспектор постоянно задавал мне этот вопрос, — проговорила она, прокашлявшись. — Я совершенно уверена в точности названного мною часа. Я точно слышала, как пробило четыре часа, когда ушел Майкл.

— Очень жаль! — задумчиво вздохнул Оуэн. — У полиции иное мнение, так как в ее глазах мистер Денхем является подозреваемым.

Детектив напомнил ряд обстоятельств, подтверждающих обвинения против художника и особенно его ссору с доктором Линчем незадолго до кончины последнего, который назвал Денхема низким шантажистом.

— Вы считаете, — спросил он, — эти обвинения обоснованными? И если да, то в чем заключается шантаж?

Амели, пальцы которой нежно скользили по подлокотникам кресла, на мгновение замолчала, а потом заявила:

— Честно говоря, мне легче представить Майкла убийцей, чем шантажистом. Я знала только имя доктора Линча, так как он что-то рассказывал мне о нем...

— Что именно?

Девушка неопределенно махнула рукой:

— Я не помню...

— Может быть, по поводу его боязни грозы?

— Да, действительно, теперь я вспомнила, когда вы сказали... но он рассказал мне об этом как о смешной истории, и я не понимаю, зачем ему понадобилось шантажировать этого человека. В любом случае Майкл не проявляет большого интереса к деньгам...

— К деньгам как таковым, может быть, но деньги как средство?.. Если он, например, вынашивает план, который для него очень дорог и на реализацию которого потребовалась бы определенная сумма?.. А по моим сведениям, он не слишком обеспеченный человек.

— Мне это хорошо известно.

— Это могло бы стать препятствием... вашему счастью?

Амели пожала плечами.

— И в любом случае, как я вам уже говорила, я еще не определилась.

— Вы, может быть, и не определились... *но он?*

Девушка раздраженно взмахнула рукой:

— Зачем вы задаете такие вопросы, если мы уже знаем, что Майкл не может быть подозреваемым!

— Если это не он, значит, его друг...

Амели выпрямилась, округлив глаза:

— Вы говорите о Поле?

— Пока мистер Денхем у нас вне подозрения, мне кажется достаточно логичным обратиться сейчас именно к господину Полу Бруку...

Локоны Амели, выбившись из сеточки для волос, щедро рассыпались по плечам и вокруг прелестного личика, выдавая ее чувства. От нас не укрылся легкий румянец, проступивший на загорелой коже.

— Я понимаю вас... Но мне не приходило в голову думать об этом...

— Намного легче рассуждать об установлении личности виновного математическими, чтобы не сказать, игровыми методами, чем точно назвать кого-либо и выяснить все трагическое или чудовищное, стоящее за этим обвинением.

Амели задумчиво покачала головой.

— Относительно него есть не меньше фактов, — проговорил Оуэн. — Потому что если виновность Пола пока только чисто теоретическая — после устранения единственного другого возможного подозреваемого, — некоторые факты достаточно ясно указывают на то, что наш художник-убийца нередко бывает в доме Бруков. А теперь я хочу попросить вас, не теряя из вида общее положение дел, постараться вспомнить нечто очень важное. Мысленно, пожалуйста, опять перенеситесь в тот рождественский вечер, который, очевидно, является отправной точкой данного дела. Перед тем, как потребовать от обоих ваших друзей тех самых «семи чудес преступления», не создалось ли у вас впечатления, что вами кто-то манипулировал? Искусно направляя ваши поступки, кто-нибудь из ближайшего окружения действовал в тени, подавая незаметные и тонкие замечания?

— Мы уже говорили об этом. Но у меня не сложилось такого впечатления. Ведь в споре принимали участие многие...

— Эти люди бывали раньше у Бруков?

— Несомненно. Хотя не могу вспомнить кого-то определенного. Но если на самом деле и присутствовал такой человек, которому удалось бы повернуть беседу подобным образом, тогда я могу сказать, что он был крайне ловок...

— Ловкость убийцы не надо доказывать, мисс Долл, — медленно проговорил Оуэн. — Уже давно понятно, что мы имеем дело с исключительным

существом, необыкновенным преступником, которого мне никогда не приходилось встречать прежде. Он бросает вызов правосудию, насмехается над полицией, множит число ложных следов, убивает тогда, когда считает нужным, и тем способом, который ему нравится, презирая законы, в том числе и самые элементарные законы физики. То он совершенно невидим, то становится легче воздуха, затем ему удается убивать на расстоянии, заставляя свою жертву умирать от жажды. Вот почему я позволяю себе настаивать на необходимости вспомнить все, что происходило на том вечере, ведь самая мельчайшая деталь, самое незначительное воспоминание могут иметь исключительное значение...

Амели надолго замолчала, а затем в отчаянии покачала головой. Оуэн про себя признал, что и он сам, присутствующий на том приеме, достоин осуждения, и подверг сомнению свои способности признанного детектива.

— Во всяком случае, — добавил он, — мы должны приложить чрезвычайные усилия, чтобы попытаться что-то извлечь из нашего серого вещества. Госпожа Память любит, чтобы к ней относились с уважением. И тогда она может стать очень плодотворной, как будто желая дать жизнь девяти музам, которые сегодня недовольны нами. Даже в самые лучшие мгновения я не чувствую их вдохновляющего дыхания...

— А если вы отложите в сторону греческую мифологию и вспомните древнеегипетскую, например, бога Атона? — иронически улыбаясь, подсказала Амели.

— Тогда я мог бы регулярно посещать собрания клуба Гелиоса?

— А почему бы и нет? Попробуйте войти в контакт с Атоном и тогда, я уверена, вам удастся

обрести ваше чутье! И кто знает, может быть, он подаст вам какой-нибудь знак, который выведет расследование к свету!

— Свету, — весело и одновременно задумчиво повторил Оуэн. — Свету, который прогоняет потемки и неизменно ведет к истине!

— Вы не любите солнце, мистер Бернс? — с беспокойством спросила Амели, опасаясь отрицательного ответа.

— Разве есть англичанин, который не любит солнце?

— Тогда закройте глаза и думайте о тепле его ласк на вашем теле. Ваш разум обогащается от его прикосновения... Разве это не лучшее средство, чтобы создать пустоту? Теперь сосредоточьтесь на особенно важных вещах! С таким интеллектом, как ваш, вы должны проникнуть в тайну этой серии убийств!

Пока она, приняв вдохновенную позу, произносила эти слова, я увидел, что Оуэна охватили сомнения. Он наклонился к ней и спросил:

— Вы шутите или говорите серьезно?

— Немного того и другого, и вы это прекрасно знаете! — весело ответила Амели, приоткрывая свои большие светло-карие глаза. — Но на самом деле вы все же должны попытаться почувствовать себя свободным, лечь под солнцем и размышлять... При случае, как-нибудь после полудня, я хочу дать вам несколько советов, чтобы вы могли в полной мере извлечь пользу из этого метода! И тогда, может быть, вы достигнете великого озарения, которое поможет вам раскрыть тайну этой загадки!

На обратном пути я не мог не думать о том, что мисс Долл не особенно заботилась о внешних приличиях.

— Это совершенно очаровательная девушка с прекрасными манерами, — отреагировал Оуэн, не глядя на меня.

— На самом деле мне нечего сказать о ее манерах. А чтобы быть очаровательной, а она такая и есть, в этой девушке присутствует все и даже немного больше.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что ее нравственность кажется мне довольно любопытной. Например, ее достаточно откровенная манера делать вам такие предложения представляется мне не совсем приличной!

Пока мы тряслись по мостовой, я видел лицо моего друга, освещенное светом газовых рожков, стоящих вдоль вереницы спящих домов.

— Вы преувеличиваете, — немного помолчав, отозвался он. — Мисс Амели просто ищет возможность помочь мне в расследовании.

— Это она так говорит!

— Честное слово, вы просто ревнуете, Ахилл!

Прежде чем ответить ему, я сильно откашлялся:

— Я не буду расставлять капканы на дороге, по которой вы, кажется, хотите устремиться вперед. Тем не менее признаюсь, что я отнюдь не равнодушен к ее чарам, а теперь еще лучше понимаю чувства ее воздыхателей! И то, что они готовы *на все*, чтобы окончательно покорить ее, уже не кажется мне чем-то экстравагантным или безумным!

— Мы возвращаемся к нашей исходной версии, с которой, я напоминаю вам, все согласны: таинственный серийный убийца — это либо Майкл Денхем, либо Пол Брук. Однако я думаю, что мне могла бы помочь мисс Долл... Эта помощь может оказаться полезной, так как, и это между нами, Ахилл, я начинаю так же бездарно теряться в этих делах, как и полиция!

— Значит, вы собираетесь... *при случае* пойти к ней за советом?

— Вполне возможно, что в один из ближайших дней.

К сожалению для него, в ближайшие две недели у Оуэна не было времени предаться радостям приятной болтовни и прогулкам под солнцем. События стали развиваться с нарастающей скоростью, начавшись с шестой «картины», присланной в полицию двадцать третьего июня. Художник-убийца начертил на ней желтыми заглавными буквами на фоне песочного цвета:

В....ОН П. О..Х.Е.С СКОРО ВОЗНЕСЕТСЯ К БОГАМ.

Глава 15

В этот вечер Оуэн был раздражен менее обычного, но его нервозность со временем нарастала. Четыре дня прошло с тех пор, как в полиции получили последнее сообщение убийцы, о чем люди вскоре смогли прочитать в газетах. Полиция просила граждан немедленно связаться с властями в том случае, если они смогут расшифровать сообщение, содержащее угрозу для них.

— На этот раз, — с горьким сарказмом пояснил Оуэн из глубины своего кресла, — даже инспектору удалось разгадать загадку, присланную убийцей. Надо сказать, что при двух оставшихся «чудесах света» это было не так уж трудно. Гробница Мавзола в Галикарнасе и пирамида Хеопса в Гизе.

— Если П.О..Х..Е.С — это анаграмма слова ХЕОПС... — начал я.

— Вы в этом сомневаетесь?

Семь чудес
преступления

— Нет, но я задаюсь вопросом относительно буквы «В», стоящей перед другими буквами. Для нее нет места в анаграмме.

— Уэдекинд считает, что на «картине» был небольшой промежуток между этой «В» и следующей точкой. Должно быть, буква «В» является предлогом, а вовсе не буквой загадочного имени. Так что первое слово могло обозначать место, откуда некий мистер, например «Пинк Джон», скоро вознесется к богам...

— Это лишь один вариант среди многих, — устало вздохнул я. — Господи, сколько еще версий должны мы перебрать... до следующего убийства!

— Вы кажетесь мне пессимистом, Ахилл... Но увы! Я тоже разделяю вашу точку зрения. Потому что, боюсь, мы с вами не решим эту задачку до совершения трагедии! *Кто будет следующей жертвой? Когда убийца нанесет удар? И каким образом? Можно ли избежать нового убийства?* Сколько уже времени мы непрестанно задаем себе эти вопросы, не находя ни малейшего ответа! Честно говоря, я бы не хотел быть на месте нашего друга инспектора... Держу пари, он совсем не спит в эти дни!

— Должен вам заметить, что мы тоже давно уже бодрствуем!

— Несомненно, но у нас нет той ответственности, что у него. И хотя, я уверен, он делает все возможное, боюсь, ему не удастся помешать зловещему плану преступника...

— Но разве полицейские не сменяют друг друга, дежуря возле дома Бруков, чтобы постоянно наблюдать за возможными перемещениями наших подозреваемых?

— Да, конечно, но усадьба огромна. И помешает ли это шестому убийству?

— Может быть, и нет. Но по крайней мере мы точно узнаем о виновности или невиновности двух молодых людей. Если будет доказано, что они не покидали дом во время совершения убийства, значит, оба окончательно останутся вне подозрений.

— Как все просто на словах, — вздохнул Оуэн.

Затем он встал, подошел к каминной полке и обратился к миниатюрным статуэткам из мыльного камня, украшавшим ее:

— О, любезные музы, почему вы покинули меня? Вы предали меня, потому что рассердились? Каллиопа, почему твой прекрасный голос не шепнул мне магическое слово? Клио, почему ты не развернула свитки твоей славы, чтобы я мог, как и прежде, стяжать свои лавры? А ты, Полигимния, почему не разжигаешь во мне пламя воспоминаний? И все же я уверен, что у меня есть все части пазла, но я не в состоянии их собрать! А ты, прелестная Эвтерпа, почему не сыграешь мне на флейте, чтобы пробудить мой разум, усыпленный Морфеем?

Так Оуэн обращался к вызывающему молчанию своих «дорогих подружек», а затем, разочарованный, снова опустился в кресло.

— Я сдаюсь, — прошептал он. — Сейчас меня может опередить даже простой смертный. Молодая девушка снизошла до того, что предлагает мне курсы «вдохновения», а молодой человек в подробностях объясняет красоту цветка... До чего мы дошли? Не говоря уже о мистере Бруке, который в прошлый раз определил соотношение между величиной и красотой чудес света, давал советы, которые должны были быть произнесены моими устами... Да, Ахилл, я слабею. Может быть, я уже просто стал как все? Боже мой! Какую жестокую кару ты налагаешь на меня! На меня, который всегда нахо-

дил жизненную силу только благодаря сознанию зависимости от прекрасного! Нет, это слишком жестоко, мне не вынести!

Мой друг еще не закончил изливать свою печаль, когда я решил вмешаться, поскольку такие моменты глубокой депрессии могли иметь продолжение.

— Раз мы теперь уверены в «чуде света», нам будет достаточно просто найти его!

— Действительно, чего же проще, когда речь идет о пирамиде! Да такие пирамиды, как известно, возвышаются на каждом лондонском перекрестке!

— Не глумите, речь, конечно, идет об изображении!

— Тогда еще не видно конца нашим трудностям!..

— А вы думали о могиле? О кладбище? Эти пирамиды не совсем могилы, они были предназначены для царской семьи?

— Нет, Ахилл, я об этом, конечно, не думал, но хорошо, что вы здесь и напомнили мне! А теперь скажите, с какого кладбища нам следует начинать?

Я не стал реагировать на его саркастический выпад, а встал и прошел в библиотеку, где, пробежавшись взглядом по корешкам классических книг, спросил, есть ли в его коллекции труды, относящиеся к семи чудесам древности.

— Рядом с «Илиадой» стоит том «Истории Греции», в котором есть несколько отрывков из утерянной рукописи Филона...

Я перелистал книгу, а затем, найдя то, что искал, вернулся к своему креслу.

— Здесь есть интересные вещи, — заметил я наконец.

Оуэн, прижав кончики пальцев к вискам и устремив взгляд на свои статуэтки, прервал молчание:

— Все, что есть в этой квартире, Ахилл, достойно интереса по определению.

— А я утверждаю, что, например, размышления мистера Брука, о которых вы упомянули некоторое время назад, касающиеся семи чудес света, созданных человеком для того, чтобы уравнивать богов или природу с их красотой и монументальностью, взяты прямо из комментариев Филона...

— Мистер Брук не дурак! Он много читал и знает классику.

— Я здесь прочитал, что висячие сады Вавилона возникли как творения, противостоящие природе потому, что растения находились над головами людей. Или еще: Фидий, создавший огромную статую Зевса в Олимпии, надолго победил богов Олимпа. А Родос с его Колоссом олицетворял собой своего рода второго Гелиоса, а затем... черт меня подери! Это же практически слова сообщения! По поводу пирамиды Хеопса там говорится, что *люди вознесутся к богам!*

— Все это замечательно, Ахилл, — одобрительно заметил Оуэн, изобразив подобие улыбки. — Но что вы поняли из всего этого? Что убийца читал Филона? Разве это удивительно для мастера преступлений?

— Нет, но все же я считаю, что это приоткрывает нам его личность.

— Его личность скрыта от нас. И мы должны во что бы то ни стало распознать его лицо!

— Я думаю, он любит прекрасное...

— Его эстетическое чувство нам известно, и не надо больше ничего доказывать. Но зачем вы мне говорите все это? — добавил Оуэн, бросив на меня косой взгляд.

— Из-за одной фразы того же самого Филона. Скорее всего безобидной, но не знаю, почему, только мне кажется, что она связана с нашей загад-

кой... «Красота, как и солнце, когда оно появляется, мешает видеть то, что ее окружает».

Оуэн, заинтригованный, подался вперед и медленно повторил эти несколько слов, смакуя каждый слог, а затем вынес свой вердикт:

— Очень интересно, Ахилл. Вам удастся, хотя и очень редко, быть на высоте, и я радуюсь, что когда-то выбрал вас в качестве друга. Очевидно, эта фраза привлекла ваше внимание из-за слова «красота», связанного с «чудесами», о которых мы все время говорили, а также из-за *солнца*, которое мы тоже часто упоминаем. А еще эта зона, «которую нельзя увидеть», но она, естественно, относится к истине, которую мы так долго ищем...

Оуэн внезапно вскочил и начал быстро шагать по гостиной, соединив у рта кисти рук, крайне сосредоточенный.

— В этих словах есть своего рода вызов, — наконец заговорил он. — Парадоксальный вызов, игра света, создающего такую ослепительную красоту, что она освещает темные зоны, но в то же время затемняет их все тем же блеском. Это прекрасное разоблачающее солнце, которое, с другой стороны, отменяет теорию Амели Долл, согласно чему ее любимый Гелиос постоянно создает свет вокруг себя...

— Черное солнце в некотором роде?

— Может быть, но я предпочитаю видеть освещенное место и противостоять этому парадоксу. И нет ничего парадоксального, если придерживаться того, что красота, когда она появляется, затмевает все вокруг, потому что приковывает к себе все взгляды. А солнце, по существу, создает свет, когда появляется на небосклоне. Оно подчеркивает красоту вокруг себя и тем самым ослепляет нас...

Оуэн внезапно остановился, повернулся ко мне и буквально выкрикнул эти слова:

— *Вы понимаете, Ахилл? Мы ослеплены красотой!* Это и есть вызов: преступления, блестящие, как звезды на небе, струящиеся золотом, утонченные и свежие, как цветы, унизанные жемчугом росы, настолько прекрасные, что они мешают видеть нам истину!

— Все это очень хорошо, — сказал я, помолчав. — Но больше-то мы ничего об этом не знаем!

— Может быть, — заметил Оуэн с горькой улыбкой, — но убийца играет с огнем! С большой дерзостью часто приглашая нас полюбоваться его произведениями искусства, он кончит тем, что сожжет себя!

Инспектор Уэдекинд, сидя в кабинете Скотленд-Ярда, размышлял о положении дел с таким лихорадочным рвением, что каждое мгновение рисковал разрывом вены, неестественно вздувшейся у него на виске. Он постоянно консультировался со своими сотрудниками и узнавал новости от агентов, которые сменяли друг друга на подходах к усадьбе Северн-Лодж. Сейчас оттуда после дежурства прибыл рыжий сержант Джонсон, молодой человек с открытым взглядом.

— Вот уже шесть дней прошло, как нам прислали эту проклятую картину, — ворчал Уэдекинд, жуя свою сигару. — И ничего! Что-то наш убийца не выполняет своих обязательств!

— У него связаны руки! — уверенно заявил Джонсон.

— Откуда он может знать о слежке? Я официально приказал, чтобы вас никто не видел!

— Мы делаем все возможное, — ответил Джонсон. — Но нас может увидеть какой-нибудь человек из деревни и шепнуть пару слов Брукам,

а они, оценив ситуацию, поймут, что мы там не для того, чтобы слушать пение птиц.

— Надо просто наблюдать за выходом подозреваемых из дома и при случае следить за ними!

— Мы именно этим и занимаемся. Но до сих пор не наблюдалось ничего подозрительного. Мистер Денхем два раза ездил в город. Первый раз в лавочку, второй раз в паб. Мистер Брук-младший отправился в Лондон только один раз, чтобы прогуляться возле Стренда. Те, кто следил за ним, уверены: он ничего не совершал.

— А по ночам?

— Мы слышим малейший шум. И вряд ли им известно, где находится наш наблюдательный пост. Мы предельно бдительны, несмотря на лес, прилегающий к усадьбе. Находясь на достаточном отдалении от дома, мы контролируем все стратегические места...

— Значит, — продолжал инспектор, сжимая кулак, — кто-нибудь из них попытается найти другой выход!

— Об этом мы тоже думаем. И хочу уверить вас, шеф, что у нас все под контролем!

Когда молодой полицейский удалился, Уэдекинд взял лист бумаги и хорошо заточенным карандашом нарисовал на нем пирамиду, на которой поставил большой вопросительный знак. Затем, откинувшись назад, он задумчиво осмотрел рисунок. Потом его взгляд перенесся на карту столицы, занимавшую добрую часть стены. В его мозгу все время крутились вопросы: где? Когда? Как? Каким будет будущая сцена преступления? Какую декорацию преступник выберет на этот раз, чтобы создать свой новый шедевр?

Карта на стене была утыкана полудюжиной булавок, соответствующих наиболее вероятным ме-

стам, способным привлечь внимание преступника для совершения будущего злодеяния. Но ни одно из этих мест не напоминало пирамиду, особенно древнеегипетскую. Булавками были отмечены также три музея и несколько частных коллекций, которые теперь находились под постоянной усиленной охраной, среди них и знаменитый Британский музей, в котором находилось несколько саркофагов и других замечательных раритетов Древнего Египта.

Получив шестую «картину», Уэдекинд направил свое расследование на поиски места готовящегося преступления. Он уже представлял себе огромные заголовки в газетах: «Убийство в Британском музее»! Но понемногу его настиг скептицизм Оуэна Бернса, который нашел эту идею немного примитивной и слишком простой для разнузданного воображения убийцы.

Уэдекинд засыпал над чтением докладов своих подчиненных и разглядыванием карты Лондона, когда все булавки таинственно меняли свое место, его охватывало сонное оцепенение. Они казались ему торчавшими отовсюду, как грибы, принимавшими форму вопросительных знаков или букв полученного сообщения: «В... О.Н П. О. Х. Е. С СКОРО ВОЗНЕСЕТСЯ К БОГАМ... П. О.Х. Е..С П. О.Х. Е..С П. О.Х. Е..С».

Несколько полицейских внесли свой посильный вклад в попытку расшифровки сообщения. Один из них предположил, что буквы «О» и «Н» могут соответствовать имени «Джон». Идея была хорошая, но королевство его величества буквально кишит носителями этого имени, и проблема осталась на том же месте. Другой сделал вывод, что «В» — это предлог, а еще один предложил идею, что буква «П» могла соответствовать слову «ПАРК», а буква «С» —

Семь чудес
преступления

завершать название этого парка. Этот же полицейский продолжил свою мысль, предположив, что название парка вполне может быть «Парадайс», который находится на севере Лондона в районе Кингс-Кросс. Это совсем небольшой парк, чуть больше сквера, который, увы, никоим образом не связан с пирамидами или Древним Египтом. В конце дня Уэдекинд решил все-таки поставить там агента, не будучи убежден в необходимости этого. Просто так, на всякий случай. Он чуть было не рассказал об этом Бернсу и его другу Ахиллу Стоку — забегавшим к нему накануне — что в парке «Парадайс» некто «Джон скоро вознесется к богам», но нарастающее напряжение и тревога ожидания устранили из сферы его внимания эту деталь, и без того казавшуюся ему незначительной. Но инспектору не повезло. Потому что наши два детектива видели все намного четче...

На седьмой день после получения сообщения, примерно в десять часов вечера, когда Уэдекинд собирался идти домой после напряженного дня, он увидел, как дверь его кабинета внезапно распахнулась с необычайной силой. Одного взгляда на бледное лицо ворвавшегося к нему полицейского было достаточно, чтобы понять еще до того, как тот открыл рот, что только что произошло «шестое чудо преступления»...

Глава 16

Послеполуденные часы тридцатого июня выдалась благоприятными. Ветер рассеял грозные облака, уступившие место лучезарному солнцу.

Мисс Амели была в прекрасном настроении в тот момент, когда въехала на велосипеде в ворота усадьбы

Северн-Лодж. Джон Брук, смотревший на девушку из окна гостиной, нашел ее очаровательной в костюме велосипедистки и подумал, что хорошо сложенная молодая женщина, пробующая себя в этом виде спорта, все равно сохраняет свою элегантность. Тонкая гибкая талия Амели в таком костюме была особенно заметна. Его глаз художника подробно осмотрел девушку — от коротких шаровар до красивой красновато-коричневой жилетки болеро. Спортивный ансамбль прекрасно гармонировал с шерстяными бежевыми гетрами и соломенной шляпкой, обрамленной бархатной лентой светло-коричневого цвета, того же тона, что и ее смеющиеся глаза. Но эта прелестная картина, к несчастью, очень скоро потускнела.

Немного позже, под вечер, на горизонте сгустились плотные облака. Джон Брук, выйдя из дома через заднюю дверь, посмотрел на небо и пошел по аллее, ведущей к «Воротам в потусторонний мир». Собирался дождь, но еще было время, чтобы немножко пройтись по саду. Прекрасный сад, гуляя в котором он избавлялся от странного чувства неуверенности, словно ощущая настроение неба, мрачного, но местами с разрывами в облаках, сквозь которые проглядывало заходящее солнце. Интересная борьба света и теней, в которой смешивались оттенки голубого, серого, фиолетового, красного и желтого, образуя гармоничную картину, которую могла нарисовать только природа... или случайно удалось бы так смешать краски какому-нибудь одаренному художнику, например Майклу.

Джон Брук сделал несколько шагов, затем, невзначай повернувшись, заметил силуэт в одном из окон второго этажа. Это была комната его сына, но он не успел разглядеть, был ли это Пол, так как силуэт скрылся за занавеской.

Он вздохнул и пошел дальше по аллее. Пол создавал ему трудную и по мере развития событий все усложняющуюся проблему. Ссора с Амели, произошедшая два часа назад, чрезвычайно расстроила юношу, он в ужасном настроении закрылся в своей комнате и больше не выходил оттуда. Мистер Брук не знал причины этой размолвки, хотя догадывался, что за нею стояла ревность. Ревность... Майкл, Амели, Пол... Это был заколдованный круг, впрочем, все тот же, что и несколько последних месяцев. Эмоциональные волнения молодых людей создали в доме почти осязаемо невыносимую обстановку. Джон Брук прекрасно осознавал это. Ему нужно было срочно принимать решение. Однако он не мог прогнать из дома ни своего сына, ни Амели, из уважения к памяти ее отца и многолетней привязанности к девушке. Оставался Майкл. Конечно, речь шла не о том, чтобы окончательно расстаться с ним, но чтобы переселить художника из дома. Но как это сделать? Чтобы не обидеть Майкла, может быть, просто и честно дать ему отпуск?

Такой разговор постоянно откладывался, и это терзало мистера Брука, но теперь поговорить было необходимо. Он снова задумался о сыне и незаметно бросил взгляд на окна его комнаты. Однако с того места, где находился Джон, ветки липы закрывали от него бóльшую часть фасада.

Несколькими метрами дальше, немного не доходя до перголы, он остановился, чтобы понаблюдать за работой садовника. Два дня назад мистер Брук попросил его заняться лужайкой вокруг «Ворот в потусторонний мир», которая сильно пострадала от засухи. Кроме того, поскольку почва в этом месте образовала небольшую впадину, садовник должен был выровнять ее, прежде чем за-

сеять новый газон. Старый Джаспер очень тщательно выполнял свою работу, может быть, даже проявляя излишний энтузиазм, так как теперь центр любимого сада мистера Брука представлял собой большое коричневое пятно радиусом примерно десять метров! Разумеется, слой земли по краям был очень тонким, но все же была проделана крайне непростая работа!

— Что ты об этом думаешь, Джон? — вдруг раздался голос за его спиной. Брук удивленно обернулся. Он не слышал, как к нему подошла Милада. Своими черными глазами, строгим выражением лица и длинным темным платьем она напоминала птицу, предвещающую несчастье. Станет ли она когда-нибудь не такой грустной? И когда жена перестала ему улыбаться? Он не мог ответить на эти вопросы. А так как Милада устремила взгляд в землю, он подумал, что ее вопрос относился к работе садовника.

— Хорошая работа, — ответил он, — я уверен, что если бы сам ровнял землю, то не смог бы уловить разницу в один сантиметр! Нет, действительно, я не жалею, что решил выровнять лужайку, чтобы снова посеять газон. Сколько времени я об этом думал!

«Но ближе к делу! — подумал он. — Джаспер сделал это по собственной инициативе? Нет, безусловно, это я сам приказал садовнику, но кто-то другой указал ему на срочность исполнения. Кто-то другой, но кто, черт возьми?» Джон удивился, что не смог сразу ответить на этот вопрос...

Сухой голос Милады прервал ход его мыслей:

— Я говорю не о лужайке, а о переживаниях Пола.

— А-а-а! — протянул мистер Брук. — Так из-за чего же они поссорились на этот раз?

Их взгляды встретились.

— Неужели ты не знаешь?

— В общем-то, нет, — вздохнул он. — Конечно, я что-то слышал...

— Но ты заткнул уши и ушел, так ведь? Напрасно ты не интересуешься этой проблемой, Джон. Я думаю, твой сын заслуживает немного больше внимания.

— Я ничего не знал, дорогая, но его состояние меня крайне беспокоит!

— Все произошло из-за той самой партии в шахматы в ночь преступления. Пол обвинил Амели в том, что она умышленно солгала, чтобы обеспечить Майклу алиби. А затем, поскольку она ничего не ответила, продолжил обвинять ее. В это время Майкл находился наверху, в своей мастерской. Но он решил не вмешиваться в их спор. Затем Амели вышла из комнаты. Но перед этим бросила Полу, что отныне между ними все кончено. Пол выбежал из гостиной, сильно хлопнув дверью. И с этого момента он мечется у себя в комнате из угла в угол. Находясь в кухне, расположенной как раз под его комнатой, я слышала, как он ходит по кругу. Джон, надо срочно действовать, иначе, я чувствую, случится что-то ужасное...

И в этот момент, как будто для того, чтобы подтвердить ее последние слова, поднялся сильный ветер, зашумев листвой больших деревьев над их головами.

— Я сейчас же этим займусь, — заключил Брук. — Попытаюсь пристроить Майкла в городе, чтобы он сумел закончить свою работу. Не волнуйся, Милада. Скоро все благополучно разрешится.

— Чем раньше, тем лучше!

— Я поговорю с Майклом на этой неделе.

Миссис Брук молча покачала головой, а затем медленно пошла обратно.

Мистер Брук был далеко не оптимистом, каким всегда хотел казаться. Он посмотрел вслед жене, уви-

дев, как поднялся край ее шали, напоминая стрелку флюгера, указывавшего направление ветра.

Небо еще больше потемнело. Когда он дошел по аллее до перголы, упали первые капли дождя. Он уже собрался развернуться и последовать за женой, когда внезапно остановился, посмотрев на земную сферу: вокруг нее четыре палки, создавая в основании квадрат, соединялись вместе наверху, образуя пирамиду. Какая странная мысль! Кто это мог сделать и зачем?

Пока мистер Брук задавал себе эти вопросы, дождь усилился, а когда он достиг порога дома, уже хлестал ливень.

В гостиной он застал свою жену, Амели и Майкла. Отсутствие Пола было слишком заметным. Джон сел в кресло, и все четверо долго молчали.

Стук дождя в окна странно резонировал в комнате. Мистер Брук зажег масляную лампу, стоявшую на столе. Ее желтый свет, казалось, немного разогрел атмосферу в комнате, что было просто необходимо. Брук счел целесообразным поддержать это тепло, подыскивая сюжет для беседы, приемлемой для всех. Беспомощность полиции и ложные следы преступника показались ему наиболее подходящей темой.

— Я думаю, полиция все время ошибается, — внезапно заявил он. — Хотя и не следует их упрекать, но они постоянно совершают главную ошибку, расследуя все эти необыкновенные преступления.

— Какую же? — поинтересовался Майкл, стоявший у окна, скрестив за спиной руки и глядя на дождь.

— Дело в том, что они подходят к этой проблеме так, как делают это обычно, то есть с чисто картезианским сознанием.

— Ах, вот как! И это плохой метод?

— В данном случае да! Они разыскивают убийцу, в высшей степени ловкого и хитрого, отбрасывая в сторону любую другую возможность...

— Возможность какого рода? — спросила Амели, вступая в беседу.

Глаза Милады Брук, казалось, задавали тот же вопрос, но в ее взгляде было больше осторожности и сдержанности, чем у девушки.

Рассеянный свет лампы подчеркивал черты озабоченного лица Джона, которое казалось враз постаревшим. Его спина начала сгибаться, может быть, больше под тяжестью забот, нежели под влиянием возраста. Немного помолчав, он ответил:

— Они заранее отбрасывают те гипотезы, над которыми обычно насмехается научное сообщество. Но позвольте сначала порассуждать об этой цепочке преступлений, которой, по моему разумению, никому так и не удалось дать ни малейшего объяснения. Я не следил за всеми подробностями полицейских отчетов, но знаю достаточно обо всех этих происшествиях, чтобы напомнить: в одном случае нападающий обладал даром невидимки, в другом у него появилась способность летать, в третьем — парализовать или управлять разумом своей жертвы, то есть уметь без малейших трудностей проникать сквозь материю, но при этом напрямую преобразуясь в настоящую энергию, такую же грозную, как энергия молнии! Но что же общего у всех этих преступлений? А то, что они кажутся совершенными не человеком, а скорее *невидимой силой*...

— Невидимой силой, — неуверенно прошептала девушка. — *Нетер?*

— Точно, Амели, *Нетер!* А Майкл знает, о чем идет речь?

Художник, внимательно слушавший своего покровителя, отрицательно покачал головой.

Брук некоторое время задумчиво молчал, а затем на его губах заиграла еле заметная улыбка.

— На самом деле, — начал он, — я никогда не принимал все это всерьез. Но тема интересовала меня по профессиональным причинам. *Немер* — это совокупность трех иероглифических согласных — НТР, которые обозначали трех божеств...

— Вы говорите о египетских богах? — спросил Майкл.

— Да, но не о классических образах, не таких, какие обычно изображали. То, о чем я говорю, — более абстрактно и достаточно трудно для восприятия несведущего человека. Есть понятие невидимой силы, которая находится в постоянном движении, в постоянном изменении. *Немер* не является застывшим ни в пространстве, ни во времени. В качестве примера я возьму солнце, божество, всегда находящееся в движении. Оно борется с силами мрака, поочередно принимая имена Хепри, Ра и Атум, в зависимости от того, является ли утренним светилом или тем, которое сияет в зените, или заходит за горизонт на западе. И каждый день, когда оно исчезает с небес, возникает угроза хаоса, угроза того, что светило больше не покажется на небе. Но этого никогда не происходит, вы понимаете?

Художник согласно кивнул, но его лицо выражало явный скептицизм.

— В общем, вы считаете, что убийства совершает это божество?

— Я предпочитаю называть его «невидимой силой», но чтобы ответить на твой вопрос, скажу — да, почему бы нет? Я не могу точно ссылаться на *Немер*, внесенный египтологами в список божеств, но называю это нечто невидимой силой, выбросом темной энергии...

— Вы меня удивляете, дядя! — вмешалась наконец Амели, терявшаяся между забавным развлечением и недоверием.

— Знаю, дорогая, знаю. Я понимаю, что в клубе мы всегда рассказывали кучу глупостей, но теперь совершили бы серьезную ошибку, отбросив в сторону эту версию, так как единственная уверенность, какая у нас есть, это та, что мы ни в чем не уверены. Я знаю, что сегодня наука развивается гигантскими темпами, что моторизованные экипажи скоро вытеснят кареты, управляемые лошадьми, но это не значит, что осторожные шаги в сфере, связанной только с материей, мало связаны с областью духа...

Умозрительные построения относительно развития в области научных исследований и эволюции человека также воспринимались слушателями вполне внимательно. Беседа продолжалась до самого обеда, а Пол все не появлялся. К восьми часам вечера хозяин дома встал из-за стола. Проходя мимо окна, он заметил, что небо прояснилось и дождь почти прошел, но земля была сильно размыта.

Мистер Брук вышел из комнаты, затем, переминаясь, постоял в холле у лестницы. Наконец он решительно поднялся на второй этаж и осторожно постучал в дверь комнаты сына. Никто не ответил. Он постучал громче, но также безуспешно. Джон Брук пожал плечами, затем спустился и прошел в свой рабочий кабинет.

В этой комнате, где стояло несколько древнеегипетских статуэток, напоминавших о его прежних исследованиях на берегах Нила, у него возникла мысль зажечь душистые травы, чтобы их аромат напомнил ему о прошлом. Именно так они делали во время собраний в клубе Гелиоса. И сейчас же на него нахлынули волны воспоминаний, он

удобно устроился в кресле, а в комнате в свете лампы колебались удлинившиеся тени.

Он улыбался, сидя в сгущающихся сумерках, спрашивая себя, что же заставило его вспомнить о невидимых силах Древнего Египта? Может быть, это было желание затеять нейтральную беседу и оживить живых домашних мумий? Да, но, несомненно, не только это... И снова у него возникло чувство, что кто-то побудил его это сделать... Как в случае с газонном... Казалось, кто-то в этом доме внушал ему свои мысли... *Нетер?* Нет, Брук никогда не верил в эти вещи, по крайней мере у него не было той уверенности, которую он демонстрировал в гостиной до ужина. Тогда кто? И кто установил эти четыре палки, чтобы создать пирамиду вокруг декоративной сферы?

Джон Брук задавался этими вопросами, а тем временем тени в комнате вытягивались все больше, придавая угрожающее выражение гипсовой статуэтке бога Анубиса с головой шакала, стоящей перед ним. Он услышал легкий шум шагов в коридоре, а затем раздался частый стук в дверь. Мистер Брук громко пригласил пришедшего войти, после чего дверь открылась, издавая привычный скрип.

Прошло несколько секунд, и Джон под воздействием своего воображения и паров курящихся трав опасался, что сейчас увидит голову сокола или крокодила. Но по мере того, как тень пришедшего возникла в проеме двери, он убеждается, что его голова не принадлежала египетскому божеству. Хозяин дома прекрасно знал этого человека...

К девяти часам вечера дождь совсем прекратился. Ветер разогнал облака, но день уже угасал на горизонте. И вдруг вдали раздался крик.

Через тридцать секунд Майкл уже бежал по аллее, пересекающей сад. В это время ранних сумерек было еще достаточно светло, чтобы все видеть ясно. С листья стекали капли дождя, а на мокрой земле очень четко отпечатались следы ног. Кто-то опередил Майкла на аллее.

В самом ее конце, на уровне «Ворот в потусторонний мир» на ветру дрожало пламя масляной лампы, подвешенной на длинной бечевке и привязанной к большому кругу из кованого железа, соединявшего колонны ворот. Небесная сфера, помещенная в самодельную пирамиду из четырех палок, представляла собой странный аттракцион, так как человек, лежавший возле нее на животе, простирал к ней руки, как будто охваченный страстным стремлением вперед. Но он больше не двигался, он был остановлен судьбой в своем броске, и эту остановку олицетворял нож, вонзенный в спину между лопатками. Вокруг жертвы лежали сбитые ливнем лепестки клематиса, сверху раздавались веселые трели птицы, сидящей на капители колонны. Но эту мелодичную песню не мог слышать тот, кто только что прошел через «Ворота в потусторонний мир»... Это был богатый промышленник Джон Брук.

Глава 17

Несколько мгновений Майкл тупо смотрел на необычный спектакль, представший перед его глазами, а затем услышал шаги за спиной, и женский голос окликнул его. Он обернулся и увидел Амели, подошедшую к перголе. Через несколько секунд она встала рядом с ним, вцепившись в его руку, бледная и дрожащая, устремив взгляд на не-

подвижное тело Джона Брука, лежавшее в грязи прямо перед ними.

— Боже мой! — дрожащим голосом произнесла она... — Он мертв...

— Он убит, как видишь...

— Но кто... кто мог это сделать?

— Понятия не имею, я сам только что прибежал, — задумчиво ответил Майкл. — Я услышал крик, доносившийся отсюда... сразу же вышел и направился на шум.

— Я тоже слышала крик и увидела, как ты бежишь по аллее...

— По-моему, все это очень странно, — ответил Майкл, глубоко вздохнув.

— Почему?

— Посмотри вокруг, здесь нет никаких следов. Но ведь ясно же, что малейший шаг в этой грязи оставил бы хорошо заметный отпечаток. Здесь только следы туфель мистера Брука, мои и твои, но никаких других... Ты понимаешь, дорогая, что бы это могло означать?

Это были незабываемые вечера. Вчерашний вечер для инспектора Уэдекинда, несомненно, был одним из череды предыдущих. Действительно, он никогда не сможет забыть все это возбуждение, это безумие во мраке, лучи фонариков, бегающие по всему саду, большие фонари, прикрепленные к деревьям и к колоннам, и сам сад, превратившийся в трясину после дождя... Не говоря уже о дикой спешке, потому что нужно было осветить все уголки, чтобы найти отпечатки до начала нового ливня, который уничтожил бы и без того почти отсутствующие улики на мокрой земле.

К этому, конечно, добавлялась его собственная драма. Ведь данного преступления практически

нельзя было избежать... Но тем не менее! Первыми словами, произнесенными Оуэном в полночь после его прибытия на место преступления были: «Парк «Парадайс»... В парке «Парадайс» Джон скоро вознесется к богам... Вы знаете, инспектор, что это место чуть было не назвали именно так?»

Уэдекинду нечего было сказать. Ни в этот момент, ни тогда, когда Бернс объяснил ему, что пергола, по словам погибшего, представляла собой «туннель жизни», а небесная сфера — точку «отправления в рай», ни даже тогда, когда Оуэн добавил, что это то самое место, где бы Брук хотел быть похоронен. Не говоря уже о неизбежной ассоциации с шестым чудом света: «Смотрите, вот наша пирамида Хеопса... четыре деревянные палки соединены вверху. Просто, но хитроумно!» Инспектор направлял всю свою энергию — физическую и умственную — на расследование, для которого первостепенной необходимостью был поиск отпечатков и улик.

В эту ночь он также собрал свидетельства всех действующих лиц, а на следующий день вызвал их всех к себе в офис.

Оуэн небрежно устроился в кресле в углу кабинета. Находясь в тени вешалки он, казалось, хотел, чтобы о нем все забыли. Молодой художник, который был вызван первым, заметил его присутствие только тогда, когда тот кашлянул.

— Прежде, чем вы нам все расскажете, мистер Денхем, — проговорил инспектор через пятнадцать минут после начала допроса, — я хотел бы уточнить некоторые детали, которые четко отпечатались в вашем сознании. Судя по ответам всех свидетелей события, дождь начался около шести часов вечера и продолжался примерно до восьми. После этого он еще немного покапал, но это уже

не влияло на отпечатки. В тот самый момент мистер Брук встал из-за стола и больше его никто не видел живым. Без четверти девять вы обнаружили в саду его труп, лежавший перед небесной сферой. Однако, пробегая по аллее, вы точно видели следы от обуви — его, мы проверили, — которые вели от начала аллеи к месту, где он был убит. И там не было никаких других следов, это так?

— Нет, никаких, я уже об этом говорил.

Полицейский на мгновение задумался, а затем продолжил:

— Вы, конечно, хорошо знаете план сада, мистер Денхем. Часть участка за домом выложена плиткой до границы сада. Дальше грунтовая аллея пересекает лужайку, через тридцать-сорок метров заканчиваясь около небесной сферы. К сфере ведет пергола длиной около пяти метров. Однако вся эта центральная часть окружена слоем свежей земли, только что уложенной и разровненной садовником на участке диаметром примерно двенадцать метров. Но на самом деле можно считать, что это расстояние намного больше, потому что лужайка в этом месте была не засеяна, а почва настолько размыта, что любой шаг обязательно оставил бы на ней след. По нашим измерениям, в самом худшем случае к этому декоративному сооружению нельзя было бы подойти на расстояние двенадцати метров, не оставив следов. Однако там нет никаких отпечатков, кроме тех, что оставлены жертвой и свидетелями. Ни одного. Ни малейшего подозрительного отпечатка в радиусе тридцати-сорока метров. Никто не проходил между восемью и восемью сорока пятью по аллее, которая была в таком же состоянии, как и земля. Никто, кроме жертвы... Но каким же образом он мог быть убит при таких обстоятельствах? Как убийца сумел на-

нести свой роковой удар и исчезнуть, не оставив ни малейшего следа своего появления, как будто он спустился с небес? Вы понимаете, в свете этих уточнений, всю важность ваших показаний, поскольку вы были первым, кто появился на месте преступления?.. Кстати, сколько времени вы оставались один рядом с жертвой до того, как к вам подошла мисс Долл?

— Десять, двадцать, может быть, тридцать секунд, я не знаю. Спросите у Амели, она, несомненно, сможет вам сказать.

— Вам очень повезет, если Долл присоединилась к вам именно в этот промежуток времени. В противном случае, вы оказываетесь *единственным* человеком, кто смог бы совершить данное преступление... Вы осознаете это?

— Естественно. Я сразу же подумал об этом... И, отдавая себе отчет в необычности обстоятельств, мы сразу же осмотрели все места вокруг, где убийца мог бы спрятаться. Но где это укрытие или тайник? Кто-нибудь в самом крайнем случае мог бы спрятаться на верхних перекладинах перголы за вьющимися растениями. Но и там никого не было!

— Вы оставались рядом с жертвой, когда мисс Долл побежала сообщить об убийстве?

— Да, я ее неловко толкнул, она поскользнулась, упала в грязь и пошла переодеться. Таким образом, только я остался возле тела. Полагаю, я действовал правильно, поскольку именно так нужно поступать, когда обнаруживаешь труп, так ведь?

— Вы все сделали правильно, — согласился Уэдекинд, едва заметно улыбнувшись. — Но вернемся ко времени совершения преступления, мистер Денхем. Поскольку даже если вы и не могли совершить убийство, как вы утверждаете, то, что вы обнаружили тело, тем не менее не исключает

вас из списка подозреваемых. А так как есть уверенность, что преступление совершено между восемью и восемью сорока пятью так ловко, значит, оно долго разрабатывалось убийцей.

— После ужина я ушел из столовой с Амели. Мы с ней немного поговорили о ссоре с Полом, случившейся после полудня. Я объяснил ей, что так больше не может продолжаться и необходимо положить этому конец. Амели должна была найти Пола и строго заявить ему об окончательном разрыве их отношений. Я убедил ее сделать это поскорее и остался ждать в мастерской. Можно и не говорить, насколько мне было тревожно в этот момент, когда я пытался представить реакцию Пола. Я томился там в ожидании около двадцати минут или получаса и вдруг услышал крик...

— Каким был этот крик?

— Тоскливый крик, очень короткий... Я сразу же подумал, что это звала на помощь Амели, которую в приступе ярости обидел Пол... Я долго не раздумывал. А так как окно мастерской было открыто, я смог понять, откуда крик доносился. Я посмотрел в ту сторону, но не смог ничего увидеть из-за деревьев. И тогда я бросился из дома. То, что было потом, вам известно.

Уэдекинд покачал головой, поглаживая бороду, а затем вдруг заявил:

— А вы знаете, что ваш покровитель хотел отослать вас из дома?

Художник побледнел.

— Нет... нет... — пробормотал он. — Кто вам сказал?

— Мы знаем это наверняка, — приветливо улыбаясь, сказал инспектор. — Этого вам достаточно. Заметьте, у него не было намерения уволь-

нять вас, он просто хотел, чтобы вы не жили с ним под одной крышей. Ваше присутствие в доме мистера Брука, и вы это знаете, было источником постоянных конфликтов, которые всех утомили. Это дело предстояло урегулировать на следующей неделе...

Майкл опустил взгляд и с мрачным видом ответил:

— Ну, раз вы так говорите... А связано ли это каким-то образом с убийством?

— Я бы не исключал, — многозначительно заявил инспектор.

Затем настала очередь Амели давать показания, которые подтвердили заявления Майкла. Она тоже услышала крик и побежала за художником. Да, на некотором расстоянии, но она уверена, что не теряла его из виду, пока он бежал по аллее. Единственным расхождением в показаниях был момент ее падения.

— Какой балбес! И вовсе не из-за него я испачкала свои панталоны! Он, конечно, попытался меня подхватить, но я сама поскользнулась!

— Да, у него сработал инстинкт галантности, в данном случае оказавшийся неуместным, — проворчал Уэдекинд. — Такое серьезное дело требует точности, а не идиллических версий Ромео!

— Мир перевернется в тот день, когда мужчина перестанет служить женщине, — вмешался Оуэн, сидя в своем кресле.

— Окажите мне честь перенести эту беседу на другой день, мистер Бернс, когда мы будем в равных условиях, — ответила девушка, повернувшись к нему.

— А когда мы будем в равных условиях? — воскликнул детектив, признавая свое поражение. — Я бы предпочел поговорить об этом с вами до того, если вы не возражаете!

— А я, — сухо прервал его Уэдекинд, — хотел бы вернуться к нашим баранам, если вы оба позволите.

— Если это не коровы...

— А что вы имеете против коров, мистер Бернс, — нахмурившись, спросила девушка.

— Я нахожу этих животных очень глупыми, особенно из-за их манеры мычать, что меня сильно раздражает. Тогда они напоминают мне людей!

— Вот это мне нравится! В какой-то момент я подумала, что вы хотели сказать «женщин»!

— Что вы! Я бы никогда не позволил себе этого! Но заметьте, в древней истории или, точнее, мифологии, было несколько женщин-коров. Например, богиня Хатор у египтян и несчастная Ио у греков, не говоря уже о той, которая была настолько безумной, что позволила обольстить себя быку, в которого превратился Зевс. Она известна под именем Европы...

— Европа могла бы быть бешеной коровой, — вздохнула Амели, грустно качая головой. — Когда видишь, как наш старый континент...

— А я, — громко заявил инспектор, — если вы немедленно не прекратите, сам стану разъяренным быком! Мисс Долл, скажите, где вы точно были между восемью и восемью сорока пятью?

Амели сняла соломенную шляпку и начала вертеть ее в руках, удивившись тону, которым к ней обратился полицейский.

Она рассказала о своем споре с Майклом в холле после обеда по поводу ее опасения беседовать с Полом. Но Пола в комнате не оказалось, и она решила поискать в парке, но и там не обнаружила его. А так как он любил прогуливаться в лесочке, отделявшем муниципальный парк на востоке от их собственного парка, она пошла туда и не могла видеть того, что, увы, происходило в этот момент

в саду, расположенном на юге. Она только вернулась и собиралась снова постучать в дверь Пола, когда услышала крик в саду.

Пол признался, что действительно прогуливался в том самом лесочке. А то, что Амели не увидела его, не удивило молодого человека: ведь там были густые кусты.

Как и у всех других обитателей дома, у него было осунувшееся лицо, круги под глазами и тягостное настроение, связанное с трагедией, только что постигшей семью. Но его взгляд казался более решительным, чем у художника. Мистер Брук выглядел одновременно и сердитым, и встревоженным. Черные растрепанные волосы тоже свидетельствовали о душевном смятении.

Он подтвердил, что после полудня из-за ссоры с невестой не покидал свою комнату до самого ужина, примерно до семи часов. Когда он пришел в гостиную, то никого там не застал. После того как дождь прекратился, он вышел подышать свежим воздухом. Это было необходимо, чтобы успокоить нервы. Он тоже слышал крик, но достаточно смутно, так как в это время гулял в лесу, и шум не слишком взволновал его. Он вернулся только к девяти часам вечера. Человек, которого он заметил недалеко от усадьбы, подошел к нему, заявив, что он полицейский, и попросил его никуда не уходить без особого распоряжения.

— На самом деле это был один из моих агентов, обязанных наблюдать за вашими перемещениями, мистер Брук. Но он не видел вас во время прогулки.

— И кто в этом виноват: я или он?

— Ему было приказано контролировать только определенный периметр. Возможно, вы не выходили за его пределы, поэтому он не увидел вас...

— Это наиболее вероятно!

Инспектор улыбнулся дерзости его тона.

— Мистер Брук, — поинтересовался он неожиданно ласково, — в какую сумму оценивается состояние, которое вы получите по завещанию?

— Я ничего об этом не знаю.

— Тем не менее вы должны знать, что эта сумма довольно значительна, не так ли?

— Но какое отношение это имеет к преступлению? Разве здесь нет следов художника-убийцы, вдохновленного собственными интересами?

— Есть, как всегда. Но отныне вы тоже присутствуете в качестве подозреваемого. И в виду значительности наследства, вовсе не исключено, что предыдущие преступления совершены только для того, чтобы создать дымовую завесу, маскирующую последнее убийство, которое было тайным и единственным намерением преступника. И чтобы быть до конца честным, я вам признаюсь, что вы у нас самый первый в списке подозреваемых. Кроме того, вы единственный, у кого нет алиби на два последних убийства!

Молодой человек стойко выдержал данное заявление, но потом снова стал раздражительным. Он нервно провел рукой по растрепанным волосам, а затем быстро проговорил:

— Прежде всего вам нужно доказать, что это действительно было убийство!

— Вы полагаете, ваш отец совершил самоубийство?

— Вполне возможно!

— Ну что же, давайте посмотрим. Его рана категорически опровергает вашу версию! — громко сказал инспектор, наклоняясь вперед. — И значит, речь идет только об убийстве! Но каким образом преступник его совершил? Этого мы пока

еще не знаем! Но обязательно разгадаем его хитрость. Мистер Брук, признайтесь! Нам всем будет легче. Мы практически уверены, что знаем имя убийцы!

Глава 18

Когда Брук-младший удалился, Оуэн попросил полицейского не вызывать некоторое время следующего свидетеля.

— Согласно вашему расследованию, Уэдекинд, и чисто в практическом плане считаете ли вы *абсолютно невозможным* справиться с жертвой и не оставить никаких следов?

— На земле, да. Что касается всего остального, то у вас у самого есть идеи по этому поводу.

— Значит, нельзя оставить фальшивые следы?

Полицейский покачал головой:

— Если мы возьмем свидетельство Денхема, подержанное сообщениями мисс Долл, то нет. Так как, прибежав на место преступления, и вы это слышали, Денхем убедился, что других следов, кроме тех, что оставлены жертвой, не было. Эти следы начинались от дома и заканчивались у сферы. Они достаточно глубокие, ведь Брук был человеком дородным и оставил четкие следы до места, покрытого свежей землей, где их было немного меньше. Там земля слишком влажная, чтобы на ней остались такие же четкие следы, как и на менее мокрой поверхности, и наш эксперт не обнаружил в этом месте ничего необычного. Например, он заверил нас, что отпечатки нигде не перекрывались другими следами. Эксперт считает также, что их не мог оставить человек, пятившийся назад, надев обувь жертвы. Но, к счастью, у свидетелей хватило ума не наступать на

другие следы, которые были не слишком четкими, так как несколько раз накладывались друг на друга, особенно с появлением полицейских, которые, правда, были последними, оказавшимися возле жертвы. Из всего сказанного можно сделать вывод, что если Майкл Денхем и мисс Долл не были сообщниками этого преступления, убийца совершил свое злодеяние, не находясь на земле.

— А вы осмотрели деревья? — спросил Оуэн, следя за струйкой дыма своей сигареты.

— Естественно, мы даже кое-что измерили. Самые ближние, принимая в расчет достаточно прочные ветки, которые могли бы служить опорой, находились не менее чем в десяти метрах от того самого садового сооружения...

— Между ними можно было бы протянуть длинную прочную веревку, которая проходила бы по верх перголы. Смелый убийца, передвигаясь на руках, смог бы опуститься на перголу сверху, совершить преступление, а затем вернуться тем же путем. После этого ему оставалось только спрятать веревку...

— Такая уловка предполагает минимум приготовлений, которые можно было совершить, когда лил сильный дождь. Потому что без дождя эту веревку обязательно бы заметили.

Инспектор хитро прищурился:

— В это время отсутствовал только один человек, наш подозреваемый номер один, Пол Брук. Досадно только то, что на земле не было никаких следов. Ведь эта длинная прочная веревка, падая и скользя по земле, когда убийца прятал ее, обязательно оставила бы след...

— А как вы думаете, каким образом убийце удалось завлечь жертву на это место?

— Нет ничего проще. Не забывайте, что это его отец. Достаточно было, например, сказать ему, что он готов попросить у него прощения, но без свидетелей...

— Если честно, я не представляю, чтобы этот молодой человек сказал такое. Но вы тем не менее правы. Неважно, под каким предлогом, но он мог заманить Джона Брука в это место...

— Кстати, Бернс, почему этот молодой человек так изменился после нашей последней беседы? Он вовсе не был таким агрессивным... Можно подумать, что за это время он напился молочка от бешеной коровы!

Детектив не смог сдержать улыбку.

— Такое поведение еще раз доказывает ужасную силу страсти. Совершенно ясно, что наш Ромео находился под ее влиянием, но, к сожалению, ревность — далеко не лучшая сторона любви. Впрочем, случившееся в его семье гораздо хуже. Но теперь посмотрим, что может рассказать его мать, наш последний свидетель.

Если Милада Брук и казалась еще более мрачной, чем обычно, то она не проявляла ни малейшего огорчения, не говоря уже о горе. Может быть, она еще не осознала всю глубину трагедии или ее чувства к мужу сильно ослабели со временем? Уэдекинд удивлялся этому, отмечая, что странный блеск в ее глазах остался прежним. Стараясь быть как можно более тактичным, он уточнял важные сведения для своего расследования, но не узнал ничего нового. Полицейский попросил обрисовать последовательность предшествующих событий.

От восьми до восьми пятнадцати миссис Брук находилась в кухне со своей служанкой, следующие полчаса провела в гостиной, где разговаривала с дворецким, чтобы согласовать список работ на

завтрашний день. Их беседа продолжалась не более пяти минут. Десятью минутами позже она услышала крик, но не слишком отчетливо, чтобы забеспокоиться, ведь окна были закрыты. Тогда Милада подумала, что это кричит птица. Скорее она обратила внимание на торопливые шаги Майкла в холле. Но она ничего не знала о трагедии до тех пор, пока в гостиную не влетела Амели. Какое-то мгновение до того, как Милада узнала об ужасном происшествии, она решила, что несчастье произошло с ее сыном.

— Если я правильно понял, — проговорил инспектор, — предчувствие трагедии какое-то время витало в воздухе?

— Да, — строго ответила вдова. — В течение нескольких недель и даже нескольких месяцев. Но особенно это чувствовалось на протяжении последних дней. Что-то подсказывало, что несчастье неизбежно. Это осознавал и сам Джон. И, как я вам уже говорила, на этот раз он решил отселить Майкла.

— Как вы считаете, он уже говорил с ним об этом?

— Нет, он принял решение только вчера вечером. И я не думаю, что муж говорил об этом раньше, так как хотел, чтобы художник работал как можно в более спокойной обстановке, хотел окружить его заботой. Но, разумеется, Майкл мог узнать об этом и из других уст...

Затем миссис Брук вспомнила странные заявления, высказываемые мужем прежде и во время ужина, почти предвещавшие беду, связанные с «невидимыми силами» Древнего Египта, которые, как он считал, имели отношение ко всем предыдущим убийствам.

Детективы с интересом слушали это сообщение, а затем в разговор вступил Оуэн:

— Нет ли у вас чувства, что ваш муж опасался чего-либо в отношении самого себя? Чувствовал ли он какую-то угрозу или опасность?

Подумав некоторое время, Милада покачала головой:

— Нет, не думаю. Может быть, он опасался какого-нибудь серьезного происшествия с молодыми людьми, но не в отношении его самого. Я даже думаю, что он говорил об этих египетских божествах, чтобы отвлечь внимание и всех успокоить.

— Но тем не менее...

— Я просто передаю вам мои впечатления. Конечно, я могу ошибаться, но вряд ли. Я достаточно хорошо знала Джона, чтобы понимать, о чем он думал. Единственное, что по-настоящему интересовало его, — живопись и особенно продвижение Майкла...

— И это могло вызывать чувство ревности у вашего сына?

В черных глазах вдовы внезапно появился странный блеск.

— Чувство ревности? — воскликнула она. — Это мало сказать! Пол молча страдал на протяжении месяцев и лет! У Джона была развита отеческая струнка, но — увы! — никогда в отношении собственного сына! Не знаю, отдавал ли он себе в этом отчет, но мой муж совершал неловкость за неловкостью! Несколько раз я пыталась открыть ему глаза! Но он не слышал даже того, что я ему говорила... Пол не разделял интересов своего отца, и Джон считал его человеком, не заслуживающим внимания.

— Другими словами, у вашего сына был повод обижаться на него?

— Да, — твердо ответила миссис Брук. — Но он его не убивал.

Наступила тишина. Решительная интонация вдовы произвела впечатление на обоих детективов.

— Тем не менее, — проговорил Оуэн, — некоторые детали заставляют думать, что убийца — один из ваших близких. Кроме исчезновения древних монет, есть своеобразная мизансцена последнего преступления. Это пергола, символизирующая туннель жизни, по мнению вашего мужа. Он оказался там, прежде чем замертво упасть перед небесной сферой, которая олицетворяла ворота в другой мир! Все это не могло быть простым совпадением! Не говоря уже о сообщении, присланном в полицию, где упоминалось название «Парадайс» — «Райский парк». А ведь вы сами, миссис Брук, хотели так назвать садовое сооружение! Я полагаю, о таких подробностях могли знать только члены семьи и близкие к ним люди, разве не так?

— Несомненно. Но моего мужа убил не Пол, — холодно повторила Милада.

— У вас есть доказательства? — поинтересовался Уэдекинд.

— Нет. Но я это знаю. Пол не способен на убийство. Иначе он бы уже давно покончил с ним, поверьте мне.

— Тем не менее кто-то действительно убил вашего мужа!

— Я никогда не утверждала противоположного.

— Тогда кто?

— Это вы должны решить. Но мне кажется, в этом случае все и так достаточно ясно, имея в виду число оставшихся подозреваемых...

— Мистер Денхем?

Миссис Брук в знак согласия прикрыла веки.

— К сожалению или к счастью для него, у этого молодого человека есть алиби не только на момент смерти вашего мужа, но также и на предыдущее преступление!

— И в обоих случаях оно основано на свидетельстве одной и той же персоны?

— Вы сомневаетесь в честности мисс Долл?

— Я не сомневаюсь, а знаю, что она наверняка лжет насчет этой партии в шахматы. Пол сказал мне об этом. Что касается вчерашнего вечера, я полагаю, есть расхождение между ее показаниями и тем, что она увидела в действительности. За несколько секунд Амели могла и не различить все действия Майкла... когда он «обнаружил жертву».

— Что вы думаете о мисс Долл?

— Я ничего не имею против нее... — поколебавшись, проговорила миссис Брук. — Если бы не то, что она сделала несчастным моего сына... Но я сомневаюсь, что она это осознает. На нее нельзя сердиться: ее образование более или менее обеспечил мой муж, и я вам уже говорила, что думаю о его педагогических способностях. Надеюсь, учитывая все обстоятельства, эта девушка еще не совсем испорчена, и у нее есть ряд особенностей — например, слишком идиллическое видение жизни. Впрочем, дело вовсе не в том, что она лгала...

— Другими словами, вы рассматриваете виновность молодого художника?

— В силу всех событий... да.

Я ознакомился с деталями дознания, изложенными выше, вечером того же дня, придя в гости к моему другу. Оуэн не пренебрег возможностью просветить меня по поводу своего мнения о показаниях свидетелей. Он вешал о растущей неудовлетворенности Уэдекинда тем, как продвигается дело, а мне казалось, что мой друг говорит о самом себе.

— Я уже собирался уходить, и тут инспектор получил последний отчет о расследовании. Он

рекомендовал своим людям обратить особое внимание на поиски улики вокруг ряда лип возле места преступления, но собранные данные были крайне незначительными, если не сказать бесполезными. На ветвях не было ни видимых зарубок, ни следов веревки — ничего, если не считать одного или двух пустяков, например окурка или сломанной спички. Это, конечно, не означает, что убийца действовал не со стороны деревьев, но должны же мы были найти хоть что-то! Мы ходим по кругу, Ахилл, мы ходим по кругу!

И, подкрепляя слово действием, он, как обычно, начал расхаживать взад и вперед по старому ковру, лежащему перед камином.

— Напряжение нарастает, — бросил Оуэн. — Теперь у нас уже шесть убийств и ни одного ареста!

— Но образ убийцы кажется вполне ясным, разве не так? — заявил я. — И, по-моему мнению, которое разделяют и другие, у нас есть и подозреваемый! Как вы сами заметили, у него нет алиби, и состояние, которое он должен унаследовать после смерти отца, оправдывает целую серию преступлений!

— Я не согласен с вами, Ахилл. Сегодня это Пол, завтра снова будет Майкл Денхем! Или кто-нибудь другой, например, миссис Брук!

— У этой женщины вроде бы не было достаточных причин, чтобы убивать своего мужа?

— О! Если бы! А впрочем, в другое время наши подозрения были бы направлены в первую очередь на нее, потому что она — его жена! Милада, несомненно, наследует бóльшую часть его состояния! Шерше ля фам! Но у нас необычное дело! Казалось бы, все связано, но в то же время одно противоречит другому!

Искоса наблюдая за его хождением по кругу, я дал моему другу понять, что из мисс Долл тоже могла бы получиться прекрасная подозреваемая.

— Можно было бы без труда найти для нее мотив, — объяснил я. — Если она больше любит Майкла, то, узнав, что хозяин хочет отослать его из дома, могла решиться на место...

— Это чересчур просто...

— Но если ее сердце принадлежит Полу, в этом случае ей не остается ничего другого, как выйти за него замуж и добраться до золотого дна...

— Я подозреваю, мистер Брук и так не обошел бы ее в своем завещании. Но это действительно возможно. И нет ничего невероятного в том, что Амели могла бы быть подозреваемой! Она уже подозревается в том, что дважды солгала! Впрочем, на этом этапе нам стоит рассмотреть все гипотезы, даже самые безумные! Но ведь есть и другие трупы! Теперь их целых шесть! Два умножить на три!

Пока дождь барабанил по стеклам, я признался Оуэну, что мои скромные математические способности не позволяют уловить его тонкие замечания.

— Ну что ж, — принялся с горячностью объяснять мне он, — это все потому, что мы имеем три серии по два трупа. Есть связь между номерами один и три — Александр Райли и мисс Мари Домон знали друг друга в молодости в Плимуте. Номера два и шесть — сэр Томас и Джон Брук — были друзьями и оба посещали клуб Гелиоса. Номера четыре и пять — это гуляка Родес и доктор Линч, завсегдатаи бара «Телец»! Между делом отметим, что между первой, второй и последней сериями не существует никакой связи! Я не говорю вам о различных пересечениях с историей о шантаже, проклятиями мумий, баснословным наследством

или какой-то фанатичной сектой! И я, конечно, забыл фоновое полотно, эту легендарную фреску, на которой запечатлены наши семь чудес света, соответствующие преступлениям. А в центре картины — безумная любовь, направившая одного ослепленного Ромео обольстить одну Джульетту, которая потребовала трупов и идеального преступления! Полный бред! И теперь мы, растерявшиеся и сбитые с толку, располагаем серией еще более абсурдных преступлений, не имеющих между собой никакой связи!

Я покачал головой и, немного помолчав, добавил:

— Ваша картина не завершена. В ней не хватает важного элемента, присутствующего в каждом преступлении... *невероятность*. Или нечто *сверхъестественное*. В каждом преступлении очевидна преднамеренность, но не доказана возможность человеческого вмешательства!

— Умножая невозможное на шесть, — пошутил Оуэн, — мы, может быть, придем к тому, что найдем здесь что-нибудь возможное и логичное!

— А если придется умножить на семь? Ведь серия еще не завершена!

Тишину нарушали только капли дождя. Вспоминая предыдущие расследования, которыми занимался мой друг, я понимал, что никогда не видел его в таком состоянии. Казалось почти невероятным, что Уэдекинд еще принимал во внимание его репутацию блестящего детектива.

Волосы Оуэна, обычно тщательно разделенные пробором посередине, теперь жалобно свисали на нос, символизируя его беспомощность.

— Вы правы, Ахилл, серия еще не завершена! Но тем не менее я спрашиваю себя, каким образом убийце удастся совершить последнее преступление? Потому что если он будет иметь наглость

Семь чудес
преступления

послать в полицию еще одну «картину», Уэдекинд не удовлетворится несколькими агентами на перекрестках дорог, чтобы контролировать перемещение возможных подозреваемых. По этому поводу я позволю себе снять шляпу перед его смелостью и хитростью, ведь он всегда бил по тому месту, где мы меньше всего ожидали его: именно там он и оказывался!

— Прекрасное преступление в сельской местности! — пошутил я, призвав остатки юмора, сохранившиеся в эти трагические моменты. Достойное вашей дорогой музы Талии, Оуэн, можете поблагодарить ее!

Мой друг обратил свой взор к этой музе, проходя мимо нее. На этот раз взгляд был не восхищенным, а скорее разгневанным.

Он уже был готов высказаться по этому поводу, как раздался дверной звонок. Через несколько мгновений я увидел знакомую фигуру инспектора Уэдекинда и его котелок, надвинутый на глаза и блестящий от дождя. В правой руке он держал заботливо обернутый квадратный пакет длиной и шириной сантиметров по двадцать, который инспектор начал разворачивать, повесив на крючок мокрое пальто.

— Неужели новая «картина»? — воскликнул Оуэн. — Ведь те, которые вы прежде получали по почте, были больше раза в два...

На лице полицейского застыло выражение с трудом сдерживаемого гнева.

— Очевидно, наш убийца при необходимости способен менять свои привычки. И правда, это нам принес не почтальон. Сегодня вечером один из наших следователей нашел пакет в коридоре, у входа в Скотленд-Ярд, почти сразу после вашего отъезда. Какая невероятная наглость! Это еще и заносчивость: положить пакет у нас, когда мы присматриваемся ко всем подозреваемым и даже не-

знакомым посетителям! И ведь он еще позволил себе назначить точную дату! Это настоящий вызов!

Когда пакет был развернут, Уэдекинд представил нам то, о чем мы и подумать не могли. Это, конечно, была очередная «картина». Седьмая из серии. Бесподобное нахальство, невероятная дерзость, неслыханная провокация!

Небрежной кистью, уже узнаваемым почерком на холсте было начертано:

АНАГИС КАРЛ ПРЕДАДУТ ЗЕМЛЕ 3 ИЮЛЯ НА ХЕЙРВУДСКОМ КЛАДБИЩЕ РОВНО В ПОЛНОЧЬ. ПОЛИЦИЮ ПРИГЛАШАЮТ ПРИСУТСТВОВАТЬ НА ПОХОРОНАХ.

Глава 19

На следующий день, сразу после полудня, мы застали Уэдекинда в Скотленд-Ярде. Небо, такое же серое, как и накануне, а также угроза надвигающегося события не предвещали ничего хорошего первым дням июля. Не успели мы войти в здание знаменитой лондонской полиции, как разразился сильный ливень.

— Сегодня второе, завтра будет третье июля, — объявил инспектор тоном, не допускающим сомнений. — И у нас остается чуть больше суток, чтобы подготовить план действий. Впрочем, времени почти не осталось. С самого утра я собрал моих подчиненных и дал им точные указания. Первое среди них — найти всех моих людей с именем Анагис Карл. Пресса тоже была проинформирована, и специальный выпуск с предупреждением можно будет прочитать в послеобеденном издании. Второе — это постоянное наблюдение

Семь чудес
преступления

за Хайгейтским кладбищем. Здесь ничего не будет предоставлено случаю, поверьте мне. Теперь то, что связано с наблюдением за подозреваемыми. Сегодня и завтра полицейские поставят усиленную охрану перед усадьбой Северн-Лодж, имея приказ следовать без прикрытия за любым подозреваемым, вышедшим из дома. Установим также наблюдение за домом мисс Долл, пока она будет находиться внутри здания. Что касается завтрашнего вечера, указания примут еще более строгую форму. Это будет большая семейная, если можно так выразиться, встреча, так как мы все соберемся в Северн-Лодже — и полицейские, и подозреваемые. Незадолго до полуночи все отправятся на предполагаемое место преступления, на Хайгейтское кладбище, которое тоже будет под самым надежным наблюдением.

На лице инспектора промелькнула горькая улыбка удовлетворения:

— И теперь, говорю я вам, наш убийца должен быть очень плохо осведомлен, чтобы решиться на «седьмое чудо преступления»! Так как, с одной стороны, у нас будет под наблюдением почти все, а с другой — некто с именем Анагис Карл, равно как и никто иной, тоже не сможет проникнуть за ограду этого кладбища!

— Значит, вы думаете, что убийца не исполнит своего обещания? — задумчиво спросил Оуэн.

— Если это один из подозреваемых и если он уважает сроки, указанные в сообщении, это невозможно!

— Вопрос состоит в том, чтобы знать, — вмешался я, — будет ли он буквально соблюдать сроки, указанные в сообщении!

— Прежде час преступления конкретно не указывался, — заметил инспектор, — но дата соблюда-

лась точно, так же, как и имя будущей жертвы, и способ, которым она будет умерщвлена!

— Совершенно верно, — подтвердил Оуэн, доставая кيسет с табаком. — Можно было бы добавить, что убийца точно отмерял степень загадочности, содержащейся в сообщении, в зависимости от опасности, которой сам подвергался, но нашего «живописца» невозможно было заставить врасплох именно благодаря его честности, если можно так сказать.

— Значит, — вмешался я, — вы действительно думаете, что он попытается убить человека по имени Анагис Карл?

— Да, этого следует опасаться.

— Именно в объявленную дату?

— Учитывая все предыдущие представления, а также безошибочные поступки, по-моему, не стоит не доверять слову этого мастера. Он дорожит своей репутацией художника-преступника. И, следовательно, попытается успешно воплотить вызов в жизнь, что произойдет завтра вечером в указанное время!

— А место?

— Там, вероятно, он использует какой-нибудь хитрый прием, — сказал Оуэн, поворачиваясь к инспектору. — Но я полагаю, Уэдекинд, что вы тщательно изучили карту района и даже страны?

— Конечно, — ответил инспектор, пожав плечами. — И даже обратился к людям, более сведущим, чем я. Так что теперь мы точно знаем, что в Англии существует только одна деревня с названием Хейрвуд. Она расположена неподалеку от тех мест, где живет семейство Брук. Точнее, в трех милях. И, следовательно, не может быть ни малейшей ошибки в толковании. Впрочем, в Хейрвуде есть только одна церковь, находящаяся по соседству с кладбищем. Я сейчас отправлюсь

туда, но у меня уже есть описание этой местности. Там нет ничего особенного, кроме того, что это кладбище довольно большое по сравнению с размерами церкви, и формой напоминает большую букву «L», оно изрядно заросло травой и почти слилось с лесом.

— Довольно большое? — удивился Оуэн. — Но какого черта? А что-нибудь вам еще известно?

— Ну что ж, я сейчас вас удивлю, господин детектив: да! — лукаво произнес Уэдекинд. — Представьте, полицейские Скотленд-Ярда, те самые тугодумы, которыми нас так любят изображать в газетах, обнаружили нечто любопытное! Это меня тоже заинтересовало, и я навел справки. Во времена Карла Первого эта деревня стала местом жаркой схватки между «кавалерами» и «круглоголовыми»*. Фанатичные банды Кромвеля в этот день одержали победу. Кроме своих противников, они истребили много местных жителей, которых подозревали — справедливо или нет, неизвестно — в содействии «кавалерам». В общей сложности за одну ночь погибло более сотни человек. Однако, боюсь, данные воспоминания не сильно помогут в деле, которое нас интересует.

Оуэн, поглощенный набиванием трубки, ничего не ответил. Но, начав раскуривать ее, произнес с преувеличенной медлительностью:

— Самое срочное, что надо сделать, по моему мнению, это найти человека по имени Анагис Карл, и как можно быстрее. Кстати, вы расшифровали последнюю анаграмму убийцы?

Лицо инспектора расплылось в широкой улыбке:

* Во время гражданской войны 1645 г. в Англии «кавалеры» — сторонники короля сражались с «круглоголовыми» — сторонниками Парламента. Название последних произошло из-за их короткой стрижки. — *Примеч. пер.*

— Конечно, дорогой Бернс. Вы, разумеется, принимаете меня за ничего не понимающего служаку, не умеющего считать до десяти!

— Почему вы так думаете?

— Потому что из семи чудес света остается одно, не использованное до сего времени. А значит, речь идет о гробнице царя Мавзола, знаменитом Мавзолее в Галикарнасе, воздвигнутом для погребения царя его супругой Артемисией Третьей, которая потребовала, чтобы размеры сооружения соответствовали ее горю и любви к усопшему. И тогда самые талантливые скульпторы и строители той эпохи воздвигли на берегу Эгейского моря грандиозный монумент с перистилем из тридцати шести ионических колонн, подпирающих пирамидальную крышу, украшенную статуями львов и увенчанную огромной квадригой...

— Инспектор, я восхищен вашей образованностью!

— Просто я разобрался в этом вопросе, — ответил Уэдекинд с нарочитой скромностью. — Исходя из имеющихся данных, а также из ограниченной сферы проведенных расследований, анаграмма становится детской игрой, и это очевидно: — Г-А-Л-И-К-А-Р-Н-А-С: А-Н-А-Г-И-С и К-А-Р-Л.

— Прекрасная анаграмма, — с видом знатока оценил Оуэн, выпуская тонкую струйку дыма. Несомненно, лучшая анаграмма во всей серии преступлений. И это немного беспокоит меня, так как подтверждает опасение, что убийца желает на этом с блеском завершить свою серию, предлагая нам новую загадку!

— Ему не удастся совершить еще одно убийство! — прогремел Уэдекинд, стукнув кулаком по столу.

— На вашем месте, инспектор, я не был бы таким доверчивым. Наш преступник доказал свою все

нарастающую неслыханную дерзость. Кроме того, держу пари, его сильно стимулируют собственный успех, ловкость и везение, как, например, в случае с этой «картиной», доставленной прямо вам на дом, под носом ваших агентов! Нет, на самом деле, не могли бы вы провести маленькое расследование по этому поводу?

— Да, конечно, — воскликнул Уэдекинд, вздевая руки к небу. — Я провел это расследование тогда же, когда проводил другое! По поводу последнего преступления, по поводу предыдущего, по поводу того, которое еще готовится, — короче, я веду следствие повсеместно, почти как лесной хорек, который пролезет и здесь и там! Ну что ж, это расследование ничем не лучше остальных. Но никто ничего не видел. Вполне понятно, почему убийца на этот раз уменьшил размер своего полотна! Чтобы доставить его в обычной сумке. Единственное, что удалось установить: этой сумки не было на месте до четырех часов пополудни, так как уборщица заметила бы ее, но это сейчас не имеет для нас никакого значения!

В этот момент в дверь постучали. Вошел полицейский в мундире и сказал, что пришли взволнованные родители, прочитавшие заметку в вечерней газете, и заявили об исчезновении их дочери, некой *Анагис Карл...*

Раннее утро третьего июля было мрачным. Редкие просветы на небе после полудня исчезли за тяжелыми серыми облаками. Никаких особых событий не произошло, но напряжение нарастало как со стороны детективов, так и самих подозреваемых.

Сразу после пятичасового чая Амели покинула свою тетюшку и вышла из дома, чтобы провести ве-

чер у Бруков, о чем ее попросил инспектор. Она все не удивилась, когда увидела человека в котелке, появившегося на тропинке, идущей вокруг ее дома. Она уже видела его мельком сегодня утром из окна своей комнаты, но засомневалась, действительно ли он был детективом, которому поручили наблюдать за ней. Человек подошел к девушке и вежливо спросил, не нужен ли ей фиакр, чтобы отправиться в Северн-Лодж. Амели хотя и понимала всю сложность ситуации, достаточно сухо отклонила его предложение, уточнив, что уже сама распорядилась по этому поводу.

Человек покачал головой, приподняв шляпу в знак приветствия. В его живых глазах, устремленных на девушку, читалось разочарование, но он провожал ее взглядом, пока она энергичным шагом удалялась от него. Надо сказать, что Амели в этот день была особенно красива в элегантном голубом атласном платье с воланами и пышными рукавами. Широкий гипюровый пояс восхитительно подчеркивал тонкость ее талии.

Через несколько мгновений девушка села в карету, остановившуюся возле нее. По дороге она поняла, что пассажир другого фиакра, тоже мужчина в котелке, следовал прямо за ее экипажем, не сводя с него глаз.

Еще двух незнакомцев в котелках она встретила перед входом в Северн-Лодж. В вестибюле дворецкий снял с нее накидку, расправив каждую складку.

— Вот это сегодня утром принес курьер, — сказал он, протягивая ей записку.

Она бросила быстрый взгляд на послание, помеченное адресом Северн-Лоджа, на котором беглым и небрежным почерком было написано:

Для мисс Амели Долл, просьба передать через мистера и миссис Брук.

Девушка сложила конверт, сунула его в карман жилета, а затем прошла в гостиную, где находилась только миссис Брук. Вдова сидела с печальным лицом и жаловалась на тяготы своего возраста.

— Похороны назначены на послезавтра, — сказала она. — Если тем временем не произойдет нового несчастья... Полагаю, полицейские предупредили вас, моя бедная Амели?

Девушка молча кивнула, а затем подошла и села рядом с Миладой Брук. В этот момент открылась дверь, и вошел Майкл Денхем, сразу же закрыв ее за собой. Но через секунду дверь снова открылась, пропустив в комнату Пола Брука.

— Амели, дорогая, — заявил Денхем, не обращая внимания на вновь прибывшего, — мне необходимо сказать тебе кое-что.

— Придется немного подождать, Майкл, — высокомерно произнес Пол. — Я тоже должен кое-что сказать моей невесте, и это, несомненно, более важно, чем ваше сообщение.

— Что позволяет вам так утверждать?

— Думаю, что одного слова хозяина дома для вас будет достаточно, Майкл.

А в это время фиакр мчался по дороге в Хейрвуд. По небу неслись плотные серые облака, как будто настойчиво преследуя инспектора и двух наших друзей, сидевших в экипаже и подбрасываемых на выбоинах не слишком хорошей дороги. Они только что бросили последний взгляд на место будущего предполагаемого преступления — Хейрвудское кладбище. Это был достаточно неровный участок, представлявший собой широкую

полосу, огибавшую здание церкви с юго-востока. Граница кладбища оставалась достаточно неопределенной, так как лес уже давно постепенно захватывал его территорию. На свободной части кладбища среди бурно разросшейся травы виднелись покосившиеся могильные плиты, на которые уже наступали кусты и дикие вьющиеся растения. Чтобы найти нужную могилу, приходилось с трудом продираться через заросли. Но Уэдекинд смотрел дальше. Сектор был разбит не менее чем на двенадцать квадратов, охранявшихся его людьми. И казалось совершенно невозможным, что кто-либо в эту ночь не только сможет совершить убийство, но и просто сумеет пробраться сюда.

Накануне они встретились с мистером и миссис Карл, родителями семнадцатилетней девушки, которая внезапно исчезла в Лондоне первого июля после полудня, когда пошла прогуляться в сад недалеко от их дома. Анагис была довольно хрупкой блондинкой с родинкой в уголке губ, хотя и заметной, но отнюдь не портившей ее красивое лицо. Во время прогулки на ней было сиреневое бархатное платье и подходящая по цвету шляпка. Девушка была весьма сдержанной, очень послушной и пока еще не встречалась с молодыми людьми. Ее исчезновение, по мнению родителей, можно было объяснить не иначе, как только в связи с объявлениями, опубликованными в газетах, и поэтому они очень волновались.

Расследование, ведущееся Уэдекиндом с поспешностью, за которую его нельзя было упрекнуть, не дало никаких результатов. Анагис Карл до сих пор не нашли, несмотря на усилия полицейских, принимавших все возможные меры.

— Я не знаю, что произошло с этой несчастной, которая исчезла с того места, где ее видели

последний раз, но могу утверждать, что она не будет убита сегодня вечером на Хейрвудском кладбище каким-нибудь преступником, кем бы он ни был, и особенно одним из подозреваемых, находящихся под нашим наблюдением.

— Мерзкая погода! — просто заметил Оуэн, бросая взгляд на застекленную дверцу фиакра. — Надеюсь, что хоть сегодня вечером не будет дождя.

Когда они подъезжали к Северн-Лодж, трясаясь по разбитой дороге с многочисленными выбоинами, горизонт заволокло сероватым туманом, быстро перешедшим в ливень, который яростно застучал по крыше фиакра.

В доме Бруков они обнаружили сильное возбуждение. При подходе к особняку инспектор заметил отсутствие двух полицейских, обязанных наблюдать за входом. Их голоса раздавались из холла, а на лестнице слышался звук торопливых шагов. В гостиной они увидели миссис Брук и Амели, склонившихся над неподвижно лежавшим на полу Майклом Денхемом, у которого из уголка рта текла кровь. Девушка плакала, а хозяйка дома успокаивала ее, убеждая, что молодой человек просто потерял сознание. Через несколько мгновений появились двое полицейских, ведущих Пола Брука, растрепанного и с разорванным рукавом рубашки. Молодой человек был мертвенно бледен и, похоже, очень сердит.

— Они подрались, — доложил Джонсон, самый маленький из двух полицейских, одетых в гражданское. — Мы должны были их допросить, но когда пришли, тот уже лежал на полу. Другой, увидев нас, пустился бежать, и мы только что поймали его... — Затем, поворачиваясь к Полу, он сказал: — Думаю, теперь он немного успокоился...

— Прошу вас меня извинить, — медленно произнес молодой человек, потирая кулак. — Я вел себя довольно глупо. Это абсурдно, у меня не было никаких причин убегать... Поскольку у меня есть право так поступить... у себя дома, а втершийся к нам тип, — на его лице появилась кривая усмешка, и он кивком головы указал на своего соперника, начавшего приходить в сознание, — получил по заслугам.

— Пол, — воскликнула Амели. — Ты отвратителен! Как ты можешь говорить что... что... Майкл, боже мой, как ты себя чувствуешь?

Художник с трудом поднялся с пола. Он приложил ко рту тыльную сторону ладони и скривился от боли, затем поднял гневный взгляд на своего соперника и с презрением сказал:

— Мне здесь нечего делать. Это животное только что дало мне это понять! Иди сюда, дорогая, мы уходим... И если он вздумает сделать хоть одно движение, чтобы удержать тебя, уверяю, он дорого заплатит за это. Во второй раз я не дам застать себя врасплох...

При этих словах Майкл медленно двинулся к своему сопернику, а Амели залилась слезами. Но внезапно художник оказался нос к носу с Уэдекиндом, который сухо попросил его держать себя в руках, если он не хочет немедленно отправиться в полицию.

Час спустя атмосфера в доме немного разрядилась. Все присутствующие отведали холодный ужин, в том числе и оба молодых человека — после того, как Уэдекинд напомнил о той драматической ситуации, в которую они вовлечены, и что им всем вместе предстоит пережить еще несколько непростых часов. Наступило некоторое согласие, но ожидание становилось все более тягостным. Только что зажгли настенные светильники, и в сте-

клянных шарах слышалось тоненькое посвистывание газа.

В зловещей тишине напольные часы пробили девять. Уэдекинд стоял в напряженном ожидании, не сводя глаз с подозреваемых. Некоторое время не было слышно жалобного завывания ветра, но тишина казалась угнетающей.

Затем часы пробили десять.

— Еще два часа, — с испариной на лбу сообщил полицейский. — С ума можно сойти! Но пока мы здесь, ничего не может произойти... Однако у меня крепнет уверенность, что скоро случится новая трагедия!

— К сожалению, нам не остается ничего иного, кроме как ждать, — вздохнул Оуэн, тоже глядя на циферблат. — В котором часу вы собираетесь ехать?

— Экипажи должны прибыть через час, и мы будем на месте к четверти двенадцатого. Значит, ждать еще целых полчаса... Но черт возьми, ведь все это не имеет смысла, Бернс, я никогда еще не попадал в такую безумную и глупую ситуацию! — Затем инспектор сказал, понизив голос: — Посмотрите на них и скажите мне, похож ли кто-нибудь из этих четверых на преступника, которого мы ищем? У этих двух юношей отнюдь не железные нервы, какие должны быть у личности, совершившей такие злодеяния! Они ходят по кругу, садятся, встают, выходят в коридор, старательно избегая друг друга... Я не могу в это поверить. Молодая девушка? Она сидит и дует в уголке, как избалованный ребенок! Это мне кажется еще более неправдоподобным, не говоря уже о миссис Брук, которая, по-моему, за два дня прожила целых двенадцать лет... Что вы думаете по этому поводу, Бернс?

Оуэн, который нервно поигрывал своими карманными часами, кивнул головой, но ничего не

сказал. Он был согласен с полицейским в том, что седьмое чудо преступления, такое невероятное, как может показаться, должно было явить себя меньше чем через два часа...

Через некоторое время он столкнулся в коридоре с Амели. Она казалась взволнованной и измученной, но Оуэн не мог определить, было ли это больше связано с предстоящими событиями или с ссорой влюбленных в нее юношей. А так как она была очень бледной, он подумал, неужели мисс Долл так и не сможет успокоиться до конца вечера. Впрочем, он отметил, что атласное платье ей к лицу.

— Вы очень смелы, мисс Долл, а также очень красивы, — сказал мой друг, слегка поклонившись.

Амели отреагировала совсем не так, как он рассчитывал. Она уставилась на него большими светло-кариыми глазами и, прежде чем толкнуть дверь, сказала:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете...

Эти слова могли быть уместны в данной ситуации, поскольку оценивали действия полицейских, в какой-то мере ответственных за дальнейшее течение событий этой ночи и всех, находившихся под их наблюдением. И все-таки фраза, произнесенная именно таким образом, не вполне соответствовала фактам. Она звучала в ушах Оуэна, как, в общем-то, правильная музыкальная нота. Но, чтобы быть абсолютно правильной, ей не хватало десятой доли полутона. И все-таки, сказанное казалось ему слишком незначительным в такой момент, чтобы обращать на него внимание. И он пошел на свое место, пытаясь оставаться более или менее спокойным.

Наступила темная ночь, и когда они вышли из дома, чтобы разместиться в фиакре, погода была прохладной. Дождя больше не было, и не ощущалось ни малейшего дуновения ветра.

Никакими словами нельзя выразить ту невероятную тревогу, которая охватила меня, когда мы остановились у церкви маленькой деревушки Хейрвуд, спящей в тумане. В ночи возвышалась церковная колокольня, мрачная и грозная, как стрела, рассекающая темноту. Но прилегающее к церкви кладбище являло более захватывающее зрелище. Укрытое пеленой тумана, оно было скупо освещено маленькими пятнами света. Можно было подумать, что зашевелился целый лес надгробных камней, беспорядочно разбросанных в буйно разросшейся зелени, наблюдая за процессией, похожей на флюоресцирующего змея, медленно ползущего в ночи.

Из других экипажей тоже высаживались пассажиры, и все следовали за инспектором Уэдекиндом, направлявшимся в центр кладбища. Встречая полицейского, стоящего на посту, он спрашивал его о состоянии дел, и тот докладывал, что все нормально. Мы подошли к маленькому могильному склепу, на котором горели четыре керосиновые лампы. Но видимость была неважной, и казалось, что обрывки тумана поглощали свет, чтобы сделать все вокруг еще более размытым. Около нас образовался круг движущихся светящихся точек, самые близкие из которых мимолетно обрисовывали характерный силуэт инспектора.

— Вот мы и пришли, — объявил Уэдекинд, освещая собравшихся лампой. — Нам остается полчаса ожидания, и скоро все прояснится. Я знаю, что один из нас...

Башенные часы начали отзванивать половину двенадцатого, и мы вздрогнули от таких близких и вибрирующих звуков. Звон еще долго отдавался в наступившей глубокой леденящей тишине. Инспектор заговорил, но его голос утратил преж-

нюю уверенность. Вдруг раздался шум шагов, и мы увидели подпрыгивающий луч света, направляющийся в нашу сторону.

— Стоять, не двигаться! — прогремел голос инспектора, направившего свою лампу на полицейского, идущего к нам.

— Мы только что поймали бродягу, — тяжело дыша, заявил констебль. — Он прятался за церковь. Возможно, вполне безобидный тип, но я все же решил доложить вам об этом.

Уэдекинд бросил на нас удивленный взгляд, чуть поколебался, а затем приказал:

— Очень хорошо. Немедленно ведите его сюда.

Через несколько мгновений тот же констебль вернулся в сопровождении невысокого человека, сморщенного, как сушеный гриб, в залатанной куртке и грубых ботинках со шнуровкой. Он оказался вполне симпатичным и разговорчивым человеком. Его простые объяснения были похожи на правду. Имея привычку прогуливаться здесь каждый день, он был привлечен обилием света и захотел узнать, что здесь происходит.

Некоторое время спустя инспектора убедили его речи и, не входя в детали, он объяснил старику, что здесь преследуют злодея. Человек ответил, что, если бы здесь и был какой-нибудь злодей, то он бы об этом знал, так как, будучи старостой деревни, знает всех окрестных прихожан лучше, чем сам преподобный отец...

Пробило три четверти часа, и инспектор, проявляя все большую нервозность, вместе с констеблем пошел проводить старика. После короткого прощания он спросил, не в курсе ли тот случайно, поскольку, по его словам, знает здесь каждый камень, нет ли в Хейрвуде другого кладбища.

— Другого кладбища нет, — ответил старик. — Не совсем кладбище... Это зависит от того, что называть кладбищем...

Заинтересованный полицейский потребовал объяснений. И старик начал путанно рассказывать, все время упоминая кровавую бойню между «кавалерами» и «круглоголовыми».

— Там было столько мертвых, что некоторых пришлось закапывать в общую могилу. И когда я говорю «некоторых», это значит, их там было больше пятидесяти! Нельзя, конечно, сказать, что это кладбище, но там есть памятная доска, на которой ничего больше нельзя прочесть. Ведь вы знаете, столько времени прошло...

Несмотря на темноту и черную бороду Уэдекинда, мне удалось заметить, как побагровело его лицо. Инспектор внезапно завопил громовым голосом: «Где?» — что удивило всех полицейских, в том числе и стоявших на посту.

— Ну... ну, это не очень далеко отсюда... — бормотал старик, поправляя кепку.

Он отступил на шаг, испуганный столь внезапной переменой в настроении инспектора, бросившегося к нему с угрожающим видом и непрерывно повторявшего один и тот же вопрос, не понижая голоса.

— Недалеко отсюда... в поле... Это легко найти из-за камня... Но ведь сейчас ночь, надо знать место, иначе...

— А где Амели? — вдруг спросил Майкл Денхем, оглядываясь по сторонам.

— Амели? — повторила миссис Брук, державшая под руку своего сына. — Она только что была здесь...

Все стали оглядываться по сторонам, но было ясно, что девушка исчезла. Незаметно, потихоньку

от всех, несомненно, воспользовавшись появлением бродяги, что на несколько секунд отвлекло внимание полицейских.

Внезапно издали раздался голос:

— Вон она! Вон она бежит!

— Поймите ее! — заревел полицейский. — Девушка и есть виновная! Поймите ее, во что бы то ни стало!

Глава 20

Трое полицейских бросились догонять беглянку, но борьба была слишком неравной — ей покровительствовала темнота. Они быстро поняли свое поражение, поэтому менее чем через пять минут вернулись к шефу с докладом о безрезультатном преследовании.

Уэдекинд отпустил несколько нелестных эпитетов в адрес своих подчиненных, а затем повернулся к Оуэну с недовольным лицом, выражавшим одновременно гнев, панику и нерешительность:

— Что нам делать, Бернс? Останемся здесь до полуночи или вызовем подкрепление и устроим облаву?

Бросив взгляд на карманные часы, он добавил:

— Черт возьми! Осталось около пяти минут!

— Вы, — Оуэн внезапно обратился к старику, — вы сейчас же отведете нас к общей могиле, а вы, инспектор, прикажите вашим людям оставаться на своих местах. А мы с подозреваемыми пойдем к другому кладбищу. Быстро, нельзя терять ни минуты!

Уэдекинд, Бернс и местный житель шли первыми, а я замыкал шествие, следя, насколько это было возможно, за Денхемом, Бруком и его мате-

рю. Мы довольно быстро шли по проезжей дороге, хотя это было тяжело для вдовы. Инспектор постоянно требовал, чтобы старик ускорил шаг, а тот не переставал повторять, что кладбище совсем рядом. На самом деле, весь поход занял не более пяти минут.

Потом мы заметили странный свет посреди открытого пространства, и в это самое время всколыхнулся церковный колокол, чтобы прозвонить двенадцать раз.

— Вон там... — пробормотал Уэдекинд, указывая на смутные световые точки дрожащим пальцем. — Что это, Оуэн?..

— Это там, — проговорил старик, тяжело дыша, — как раз возле того места, где они похоронены. Камень лежит у самого края поля, совсем близко... да... как раз там, где горит свет...

— Кажется, там кто-то есть... Кто-то зажег свечи!

— Скорее туда...

Теперь мы шли по грязной и рыхлой земле недавно вспаханного поля.

— Смотрите! — закричал вдруг Уэдекинд, оставив старика в стороне. — Вот совсем свежие следы! Будьте внимательны! Не затопчите их! Это женские следы, наверняка это мисс Долл... И не она ли там, или я брежу?

Теперь мы уже лучше различали силуэт возле световых пятен, а инспектор, шедший впереди, должно быть, видел все лучше нас. Паника, растерянность, неопределенность последних событий, а теперь еще это почти вслепую продвижение в ночи при колеблющемся свете ламп заставляло опасаться за наши рассудки. Лично я ждал чего-то необычного, того, что стало бы логическим следствием всех этих разрозненных деталей, и поэтому был бы не очень удивлен самому неожиданному продолжению.

Но картина, открывшаяся нам всего через несколько метров, которые мы с трудом преодолели, увязая в мокрой, рыхлой земле и следуя указаниям полицейского, превзошла все, что могло представить себе самое живое воображение.

Мы увидели Амели на коленях, плачущую перед телом лежавшей на спине молоденькой девушки, в груди у которой торчал большой кухонный нож. Вокруг убитой горели тридцать шесть свечей. Я был бы не в силах описать подробности, последовавшие за этим мгновением, но они сами быстро открылись нам. Все пространство вокруг было лишено каких-либо следов, кроме отпечатков обуви самой Амели. Мертвая девушка была светловолосой, с родинкой в уголке губ, должно быть, та самая Анагис Карл, исчезнувшая накануне, что и было подтверждено позже. Застывшее лицо покойной указывало на то, что смерть наступила несколько часов назад.

— Я... я не убивала ее... — стонала Амели, обращая к нам залитое слезами лицо. — Я не убивала ее...

Трудно было представить себе более поразительный контраст между этим одновременно зловещим, трагическим, волнующим зрелищем и двумя очень красивыми девушками, объединенными несчастьем, как две сестры. Одна — дрожащая и заплаканная, другая — окоченевшая и мертвая. Нежная и простая картина, запечатлевшая девушек в прелестных платьях — на одной фиолетовое, на другой голубое, — перепачканных красноватой землей.

— Конечно, Амели, конечно, — успокаивающе проговорил Оуэн, подходя к ней. — Но свечи зажгли вы, не так ли?

— Нет, не я...

— Нет, это могли быть только вы! — терпеливо повторил детектив. — Их не мог зажечь кто-либо другой. Вокруг нет никаких следов, кроме ваших...

— Нет, это не я, — рыдала Амели, — это не я, уверяю вас... Я заметила их издали... И видите, они уже давно горят...

— Но это невозможно, — задумчиво проговорил Оуэн, — смотрите, их здесь ровно тридцать шесть. Тридцать шесть, как тридцать шесть ионических колонн в мавзолее Галикарнаса. Что и говорить! Наш преступник превзошел самого себя в этом последнем чуде. Он сдержал все свои обещания: мисс Анагис Карл должна быть погребена в том самом месте и в тот самый час! И все это несмотря на принятые нами меры! Не правда ли, замечательно, инспектор? Нам остается только склонить голову перед таким необыкновенным завершением последнего акта блестящего спектакля! И отметьте еще один вариант «невозможности», основанной на неизменном принципе отсутствия следов, подразумевающим участие какого-то таинственного крылатого существа. И на сей раз это относится не к самому убийце, так как жертва уже подверглась трупному ооченению, но к тем тридцати шести свечам, которые таким образом отмечают грандиозные похороны Мавзола, легендарного царя Малой Азии! Эти свечи горят уже некоторое время, но, оказывается, никто их не зажигал. Абсолютно невероятно!

— Вот еще! — проворчал полицейский, яростно сверкая глазами. — Кто же еще мог зажечь эти свечи, как не мисс Долл! Она и есть тот самый убийца, которого мы так долго ищем!

Рыдающее «нет» сорвалось с губ Амели, все еще стоявшей на коленях над мертвой девушкой.

— А теперь, — продолжил инспектор резким голосом, — а теперь объясните нам, почему вы так

внезапно изменили нашей компании? И каким чудом вы так неожиданно нашли этот труп, который мы упорно ищем целых два дня?

— Я не могу... я не могу!

— Не можете? — усмехнулся Уэдекинд с сатанинским блеском в черных глазах, — а я знаю одно, мисс Долл. Я арестую вас за убийство этой девушки. А также предъявлю вам обвинение в убийстве шести других жертв!

Глава 21

В фиакре, который вез нас в Скотленд-Ярд, я тщательно пытался избавиться от страшного образа пережитой нами сцены. Тридцать шесть свечей вокруг трупа не покидали мое воображение. Но я не бредил. Весь прошедший вечер и ночь казались мне затянувшимся кошмаром, закончившимся особенно тягостной картиной. Мои логика и чувства столкнулись в тяжелой битве. Все во мне восставало против версии виновности Амели Долл, но, с другой стороны, казалось невозможным, что она не виновна. Ее рвущее душу отрицание вины было похоже на искреннее, но факты казались слишком неопровержимыми.

Около двух часов ночи мы, поднявшись по набережной Виктории, въехали под своды арки Скотленд-Ярда. Силуэт небольшого неоготического замка, в котором размещалась лондонская полиция, теперь стал для меня почти родным. Я сидел рядом с полицейским, который тоже всю дорогу хранил молчание. Оуэн сопровождал инспектора и обвиняемую...

При этом слове сердце и разум, эмоции и логика протестовали друг против друга. Неужели Амели

Семь чудес
преступления

Долл, такой очаровательный ребенок, могла оказаться тем ужасным преступником, которого мы так долго искали? Нет, я не мог этого допустить. Ясно, что есть кто-то ответственный за все эти поступки, но я начинал всерьез задумываться о вмешательстве каких-то сверхъестественных сил. Тот факт, что виновным мог оказаться один из четырех подозреваемых, больше не казался мне беспорным. А то, что и миссис Брук могла быть преступницей, и вовсе представлялось абсолютно неправдоподобным. Оставались двое молодых людей... Однако вина каждого из них, взятого отдельно, тоже казалась неочевидной... Но тогда кто?

Моя голова гудела от размышлений, но к реальности меня вернули приказания, сухо брошенные Уэдекиндом, уже ступившим на брусчатый двор Скотленд-Ярда.

Меня пробрала дрожь при виде фигурки Амели в ее голубом, испачканном грязью платье, проходившей в мрачную дверь в сопровождении двух полицейских в мундирах. Я заметил даже, как она всхлипнула, а затем увидел, как следом за ней решительным шагом вошел Уэдекинд, а за ним неуверенно проследовал Оуэн.

Моему другу было разрешено присутствовать при допросе. А меня попросили благоразумно подождать в коридоре, где я мог посидеть на скамейке, недалеко от дежурного полицейского.

Очень скоро до меня стали доноситься обрывки разговора. Голоса были слишком приглушенными, чтобы я мог следить за нитью беседы, но я различал резкий тон полицейского, который как будто лаял, как злой пес, не прерываясь, упорно и бессмысленно, и душераздирающий голос Амели, отчаянно защищавшейся от повторившихся

грубых обвинений. Но ее голос с каждой минутой становился все слабее... Сколько времени она еще сможет выдержать? А что делал Оуэн? Я не слышал его. О чем он думал?

Я сидел в коридоре, должно быть, около часа, когда один следователь, которого я немного знал, остановился у двери кабинета. Интонация допроса стала раздражать и его, а затем наши взгляды встретились.

— Я зайду туда чуть попозже, — сочувственно сказал он, — но, черт возьми, не хотел бы я быть на месте этой дамочки! Не знаю, что произошло, но в любом случае положение у нее сложное!

Я ответил, что согласен с ним, и сообщил о моем глубоком непонимании последних событий.

— Я сам только что вернулся оттуда, — объяснил следователь, закуривая сигарету. — Мы вынуждены были прекратить поиски из-за проливного дождя, который уничтожил все оставшиеся следы. И все же у нас было время, чтобы осмотреть землю по периметру вокруг трупа. Там не было ничего, кроме следов ваших и мисс Долл, которые хотя и не были слишком четкими, но давали понять, что она действительно подошла к этому месту минут на пять раньше вас. Что касается убитой девушки, то ее положили на это место почти сутки назад. По мнению судмедэксперта, смерть наступила примерно два дня назад, почти сразу после исчезновения.

— А значит, — задумчиво сказал я, — убийца после совершения преступления должен был принести ее туда и прикрыть землей, а прошедшие ливни смыли все следы его пребывания, а также грязь с рук и лица убитой...

— Наверное, так и было. И я даже думаю, что перемещение тела произошло во время ливня.

Убийца шел по грязи, и его следы смывал сильный дождь, вы понимаете?

Я закрыл глаза, слишком хорошо представляя себе эту жуткую сцену. Как тело волокут по земле под дождем, а затем вручную забрасывают грязью, чтобы спрятать его и замаскировать нежное лицо девушки...

— Остается проблема — зажженные свечи...

— Вы считаете это проблемой? — усмехнулся полицейский. — Какая же это проблема? Ведь эта девушка виновна, а значит, проблемы нет!

— А если, несмотря на все, это не она?

— Честно говоря, я бы удивился, так как мы не нашли ничего другого, кроме ее и ваших следов!

С этими словами он удалился. Я устало и удрученно опустил голову. Мои карманные часы показывали четверть четвертого утра. Затем я перевел взгляд на дверь кабинета инспектора и убедился, что разговор почти затих. Что это, перерыв и через несколько минут все возобновится? Мое внимание отвлек приход полицейского, но через мгновение вновь раздался громовой голос Уэдекинда. Хуже того, это был настоящий взрыв ярости, потрясший стены и, должен признаться, встревоживший меня. Через секунду дверь распахнулась, и он выскочил из кабинета, как разъяренный лев. С черной бородой и торчащими усищами инспектор был похож на взбешенного злодея-мародера, узнавшего о сорвавшемся дельце.

Когда он в гневе удалился, я встал, подошел к двери и осторожно заглянул внутрь. Мисс Долл все еще рыдала, но теперь уже на плече у Оуэна. Мой друг одной рукой обнимал девушку, а другой держал письмо, которое читал с крайне изумленным видом.

Глава 22

— Наконец-то солнце! — весело заметил Оуэн, раздвигая занавески на окне, когда мы после полудня пили чай в его квартире. — Как это приятно после нескольких дней непрерывного дождя!

— А мне особенно приятным кажется счастли-
вый поворот событий для мисс Долл, — ответил я. —
Уверяю вас, на протяжении нескольких часов я очень
опасался за ее будущее!

Оуэн вернулся на свое место за столом и налил себе еще одну чашку чая. Мы пользовались его кит-
айским фарфоровым сервизом, что было знаком
особого благоволения.

— Я был сильно заинтригован ее замечанием, об-
ращенным ко мне в доме Бруков незадолго до наше-
го отъезда на кладбище. Немного подумав, я вспом-
нил, что она странно смотрела на меня и прежде, но,
конечно, ничего не мог понять. Ее слова «надеюсь,
вы знаете, что делаете» показались мне достаточно
естественными в тех обстоятельствах, и я ни о чем не
догадывался. И все же, какой мастерский ход со сто-
роны убийцы! И какой талант! Я несколько раз очень
внимательно прочитал это письмо и, должен при-
знать, мой почерк очень искусно подделан. Однако
в этом не было необходимости, так как мисс Долл,
несомненно, был вообще не известен мой почерк,
хотя убийца не знал этой детали и, видимо, не хотел
рисковать. Его коварный план не содержал ни од-
ной ошибки...

Письмо, о котором упоминал Оуэн и которое
Амели передал дворецкий в самом начале того
вечера, когда она только что приехала в Северн-
Лодж, было отправлено накануне из почтового от-
деления в центре Лондона.

Я не смог бы восстановить его слово в слово, но достаточно хорошо знаю, что его автор, выдававший себя за Оуэна Бернса, просил мисс Долл сделать для него кое-что, необходимое для расследования и полностью согласованное с полицией. Он подчеркивал при этом, что операция по наблюдению за кладбищем на самом деле была просто западней для убийцы, тайной операцией, чтобы вынудить преступника выдать себя, и успех этого дела во многом зависел от мисс Долл. Ее действия, если говорить кратко, заключались в том, что она должна была выполнить их абсолютно точно. К полуночи, как только представится случай, она должна была незаметно исчезнуть и, желательно бегом, добраться до места, расположенного рядом с кладбищем, которое было точно указано в письме. Кроме того, она не должна была ошибиться, поскольку увидит свет горящих свечей, просто не сможет не заметить их на краю поля. Затем она должна будет сыграть роль виновной в этом преступлении, отчаянно крича о своей невиновности, каким бы агрессивным и обвинительным ни был тон инспектора. Все это должно было продолжаться до тех пор, пока он не отдаст приказ прекратить комедию. И это будет ключевым моментом операции, так как в это время полицейские должны были увидеть его, а убийца непременно выдать себя.

Погода и обстоятельства осложнили этот странный план, но такой ценой должно было произойти задержание этого чудовища. Мисс Долл по «очевидным причинам» не должна была никому говорить об этом письме потому, что убийца настолько хитер, что малейшее подозрительное поведение могло бы помешать воспользоваться единственным случаем, чтобы арестовать его.

Вот это самое главное. Но последние слова отпечатались в моей памяти и особенно лицемерное

обращение «дорогая Амели», придававшее их отношениям ту степень близости, которая могла бы показаться достаточно дерзкой. Но в психологическом смысле убийца оказался прав.

Я рассчитываю на Вас, дорогая Амели, от имени правосудия и всех невинных жертв, подло убитых чудовищем, и надеюсь, Вы сумеете наилучшим образом выполнить то, что от Вас требуется. Поверьте, я не сомневаюсь, что нам удастся довести дело до конца. Я рассчитываю также на Вашу сдержанность. Не говорите об этом письме никому, даже мне! Доведите игру до конца, какой бы странной она Вам ни казалась! Будьте уверены, мы знаем, что делаем!

Преданный вам Оуэн Бернс

— Прочитав это письмо, — продолжил Оуэн, — я понял значение слов, которые Амели сказала мне в коридоре. Она искала подтверждения до начала того «спектакля», в котором ее попросили участвовать.

— Можно сказать, что она блестяще сыграла свою роль, — огорченно вздохнул я, вспоминая мрачные события.

— И сыграла ее до конца. Очевидно, она так и не поняла, что все это значит, когда мы остались одни в кабинете инспектора. Желание играть в спектакле для посвященной публики, которая была в курсе происходящего маскарада, закончилось тем, что маскарад оказался абсурдом. Ее нервы подверглись жестокому испытанию при виде трупа девушки, не говоря уже о зловещей мизансцене с тридцатью шестью свечами...

— Но она их не зажигала!

— Нет... и это остается загадкой. Мы еще вернемся к данному вопросу. Итак, в кабинете наше-

го друга Уэдекинда, громко кричавшего о важности своей роли обвинителя — и не без причины, — так как он действительно считал ее виновной, а тут эта его уверенность лопнула... Но мы смогли во всем разобратся... Еще до того, как она показала нам это письмо, которое, к счастью, хранила при себе. Тем временем Амели настолько потеряла самообладание, что призналась в небольшой лжи... по поводу алиби Майкла, в котором она нас уверяла...

— Партия в шахматы?

— Да. Они действительно играли в этот вечер в шахматы, но не до четырех утра. Он ушел от нее к часу ночи. Майкл, впрочем, потом подтвердил это сам.

— А я в этом не сомневался! Чувствовал, что она была не совсем честна в тот момент!

— Видя, как против ее друга накапливаются обвинения, она решила сказать нам, что шахматная партия продолжалась до четырех часов утра, только это могло помочь ему выкарабкаться. А так как до этого Майкл очень неточно говорил о времени своего возвращения, то имелись все причины думать, что их показания не противоречили друг другу, но эта маленькая фантазия пришлась не по душе инспектору!

— Но ведь на самом деле это ни больше ни меньше, как лжесвидетельство.

— Я прекрасно это знаю, — с сожалением сказал Оуэн. — Но, в конце концов, надеюсь, что он сделает все возможное, чтобы избежать неприятностей. Я пока еще не уточнил всего, что имеется против него, но могу вернуться к данному расследованию, хотя в любом случае эта ложь не слишком осложняет положение Денхема. Так как у него есть алиби на следующее убийство — его покровителя.

— Которое тоже базируется на словах мисс Долл!

— Да, но она не была замешана в этом деле. Мы просто задали ей вопрос и увидели, в каком состоянии она находилась. Думаю, мы можем ей верить. В любом случае, Майкл Денхем и все его окружение тоже имели неопровержимое алиби на последнюю ночь. И они точно не могли зажечь эти свечи... Мы не спускали с них глаз ни на минуту!

— А что же убийца?

— Это совсем другое дело. Анагис Карл, похоже, была убита вечером первого июля, а тело перенесли туда, где мы его нашли. Несомненно, ее завлекли письмом или еще какой-нибудь коварной уловкой. Теперь напомню, как Уэдекинд пришел к нам с сообщением, что новая «картина» обнаружена непосредственно в самом Скотленд-Ярде, ни на мгновение не подозревая, что убийца может иметь дерзость действовать так быстро, и он не успел сразу организовать наблюдение.

— Вы уверены, что свечи зажег сам преступник?

— А кто другой смог бы это сделать? — ответил на вопрос Оуэн, пожимая плечами. — Кажется, это могла сделать только мисс Долл, но после ее признаний, связанных со «спектаклем», разыграть который от нее потребовали в письме, какой ей смысл говорить неправду по поводу такой мелочи? Нет, я думаю, эти тридцать шесть свечей зажег сам убийца, используя свою обычную хитрость... Ведь он уже не первый раз доказывает нам свое умение перемещаться по воздуху!

Вспомним... Начал он с убийства вояки Родеса. Тогда вокруг оранжереи не было ни малейших следов. А ведь расследование проводилось в солнечный день, тщательно и без всякой спешки. После этого он представил доказательство своей способности летать при недавнем убийстве Джона Брука. Расследование, правда, происходило вечером, но оно было не менее кропотливым. И только в последнюю

ночь поиски следов были довольно затруднительными из-за дождя, который потом превратился в ливень. Следователи после некоторого размышления признали, что на сей раз они менее уверены в результатах своей работы, чем в предыдущих случаях. Впрочем, я тут поспорил с одним из них, высказавшим мысль о передвижении преступника на ходулях с заостренными концами. Они хотя и не слишком удобны, но оставляют на земле совсем ничтожный след. Следователь думает, что такие отпечатки можно не заметить, и они быстро исчезают, особенно под дождем.

Я немного задумался, пытаюсь представить себе какой-нибудь хитрый маневр преступника, а потом покачал головой.

— Честно говоря, это меня не убеждает! Не больше, чем веревка, натянутая между деревьями в саду Бруков, которая позволила бы убийце совершить свое предпоследнее злодеяние.

— Я хорошо понимаю вас, — сказал Оуэн, пожав плечами, — но за неимением лучшего... Наконец, это последнее преступление было в каком-то смысле даже полезным, так как предоставило двум подозреваемым алиби, которого у них по-настоящему не было: это Пол Брук и его мать! Мы все видели, что они не могли зажечь свечи!

— И вообще, никто из этой четверки не может быть преступником! — заявил я, махнув рукой и опрокинув чашку, к большому неудовольствию Оуэна, поймавшего ее в самый последний момент на краю стола.

— Да, — взволнованно проговорил он, — вы видите, как хрупка жизнь и людей, и вещей...

— А если это не они, значит, есть кто-то другой?

Вытирая влажный лоб, мой друг встал и начал осторожно собирать свой сервиз.

— Да, несомненно, есть кто-то другой, — добавил он. — Я думаю, вы совершили ошибку, сделав вывод после смерти промышленника Брука, что виновен обязательно кто-нибудь из его окружения. На самом деле об этом ничто не свидетельствовало. Нераскрытое преступление совершено на территории дома Бруков убийцей, который или невидим, или легче воздуха, но который вполне мог явиться извне! Наблюдение двух полицейских не было достаточно надежным, и мы это знаем. С одной стороны, слежка была направлена только на выход подозреваемых из дома, а не на наблюдение за всем комплексом, впрочем, слишком затруднительное для такой обширной усадьбы. А следовательно, я думаю, что убийцей может быть кто угодно. Исключительное существо, естественно, но за его маской может скрываться любой подданный его величества.

Это была та же самая логика. И все же я не мог не испытывать некоторого разочарования. Это не значит, что я хотел бы, чтобы полиция арестовала кого-либо. Но анонимность преступника во многом снижает остроту ситуации. И неважно, зовут ли его Смит или Браун, что это может изменить? Кроме того, со списком подозреваемых, почти таким же длинным, как и список всех жителей страны, задача становится почти неразрешимой! На каких критериях основываются наши поиски? И какой мотив, кроме безумия, может двигать этой личностью? У меня возникло тягостное чувство, что после долгого и трудного пути мы возвращаемся к точке нашего отправления...

Странно, но Оуэн казался весьма веселым.

— Так что вы намереваетесь делать? — по-молчав, спросил я.

— Конечно, продолжать наше расследование, Ахилл! Смешной вопрос!

— У вас уже есть новый след?

— Нет, мой друг, нет! Но думаю, что теперь я изменю метод!

Он вернулся из кухни и поставил на место свой драгоценный китайский фарфор.

Проходя мимо камина, он остановился перед грациозными статуэтками из мыльного камня и загадочно улыбнулся им.

— Мои дорогие музы, как приятно смотреть на вас. Но должен признаться, что я не очень вами доволен. С тех пор, как вы поселились у меня, великий Оуэн Бернс перестал находиться на высоте своей репутации. Значит, мы должны на некоторое время расстаться. Я еще дам вам возможность искупить свою вину. Но вы мне слишком нравитесь, мне тяжела даже мысль о нашей разлуке. Но ваш папа Оуэн хочет глотнуть свежего воздуха и поднабраться сил в другом месте...

— В другом месте? — удивленно воскликнул я, раздраженный этим ребяческим спектаклем. — Вы собираетесь отправиться в путешествие?

— Нет, я же сказал вам, я собираюсь изменить свой метод.

— Но какой метод?

— Вон тот, — сказал он, указывая на солнце, сиявшее за окном среди соседних крыш. Я собираюсь использовать эту «живую силу», как называют солнце, или еще другими словами: Хепри, Ра или Атум, а еще лучше Эхнатон.

Он улыбался лучезарно и с таким обаянием, что это заинтриговало меня.

— Вы потеряли голову, Оуэн?

— Я мог бы казаться более огорченным, чем был до настоящего времени. Но когда Разум больше не дает результатов, приходится обращаться к Духу. И только он, я уверен, позволит мне найти преобладающий оттенок, цвет фона, который и будет ключом к загадке.

Часть третья

АТОН

Глава 23

Я уже сообщал читателю, что, зная, как разворачивались события, позволил себе написать некоторые главы от третьего лица. Несомненно, это несколько повредило линейному течению рассказа, но такой прием позволяет лучше видеть всю совокупность повествования. По этой причине я и дальше буду проявлять свою «литературную отвагу», восстанавливая некоторые отрывки, которые Оуэн доверил мне, несомненно, из дружеских чувств, но я уверен, что не только поэтому.

Весьма необычные средства, которые он использовал для завершения поиска знаменитого преобладающего оттенка, остаются для меня и сегодня не совсем ясными, размытыми. Чтобы добиться «света», Оуэн обратился — я думаю, читатель легко сможет догадаться — к методам, которые ему когда-то любезно предложила очаровательная Амели Долл. Мрачная картина, нарисованная убийцей, понемногу стала проясняться благодаря объединенным дедуктивным усилиям нашего странного дуэта детективов. Я не знаю, какую долю внес в это Оуэн, так же, как и не знаю вклада Амели. Мой друг приписал себе заслугу некоторых привлекательных выводов. Но я склонен сомневаться в его честности в этом отношении. Хотя, несомненно, этим он

Семь чудес
преступления

хотел успокоить самого себя из-за дела, в котором, и это надо признать, он был лишь тенью самого себя. Здесь я могу только процитировать фразу Филона, которую присвоил Оуэн, нередко злоупотреблявший ею: «Красота, как и солнце, когда оно появляется, мешает видеть то, что ее окружает».

Высмеивая тугодумие других людей, он и не подозревал, что смеялся сам над собой, ему это и в голову не приходило. Для его оправдания скажу, что данное расследование было самым трудным в его карьере. К вызовам, брошенным этими семью преступлениями или другими действиями, буквально «невозможными», добавились таинственные намерения преступника. Я уже сообщал, что между шестью первыми жертвами существовали парные связи, но согласно расследованию, последняя жертва стояла особняком. А значит, нельзя было удовлетворяться объяснением, что преступления совершал безумец, так как это могло бы означать, что преступник исполнял исключительно подготовленные убийства как бы случайно, что, конечно, далеко от истины.

А мог бы кто-нибудь другой, кроме Оуэна, раскрыть тайну этой необыкновенной загадки? Не думаю. И сомневаюсь, что в истории преступлений последних веков, занесенной в его чрезвычайно обширный каталог, есть еще одно, такое же изощренное, но в высшей степени простое в своих основных чертах. Прелестная компаньонка, ставшая в какой-то степени его учителем, внесла значительный вклад в развязку этого запутанного клубка, который я попытался, описывая, распутать, повторяю, со значительной степенью свободы.

Прежде чем предоставить им слово, упомяну о нескольких важных деталях, ряд которых был обнаружен впоследствии, но это не имеет особого

значения. Совершив заключительное «седьмое чудо преступления», убийца поставил точку в своих злодеяниях, не подавая больше повода говорить о себе. Для каждой из своих жертв он преднамеренно вынес смертный приговор, приведенный в исполнение одним или несколькими неизвестными лицами. Появление старика на кладбище в ночь последнего преступления было чистой случайностью. Амели, Майкл, Пол Брук и его мать не были признаны полицией подозреваемыми. Абсолютное алиби позволило окончательно вывести их из дела. Что касается лжесвидетельства Амели, Уэдекинду удалось успешно урегулировать его — Оуэн ясно дал ему понять, что в случае неудачи оно теряет всякий смысл, но зато в дальнейшем инспектор сможет рассчитывать на его помощь. Майкл некоторое время спустя после последнего убийства устроился в столице. Известно также, что в Северн-Лодже теперь наблюдается вполне мирная жизнь, что пришлось по душе Полу Бруку и его матери. За время совместного «расследования» Амели и Оуэна оба прежних соперника почти не имели возможности видаться с девушкой. Это трагическое дело в результате сильно умерило их пыл, а период отдыха для всех был явно крайне необходимым.

Глава 24

Урок первый

Солнце последних дней июля бросало свои жгучие лучи на небольшой луг по соседству с лесом Эппинг. Сюда не доносились людские голоса, тишина была полной и совершенной. Оуэн ощущал чарующую ласку дневного светила, неподвижно лежа на траве с черным платком на гла-

Семь чудес
преступления

зах. Время от времени этот неисправимый говорун не мог сдержаться и начинал шевелить губами, и из густой травы доносилось несколько слов, например таких, как «праздность — мать гениальности, какое наслаждение...» или «ничего неделание — самое захватывающее занятие»... Но пальчик Амели сразу же прижимался к губам моего друга, и она нежно шептала:

— Тихо, мы еще не готовы. Наш разум должен быть полностью отдохнувшим и расслабленным... Мы должны видеть, как звезды танцуют у нас в голове...

Чуть позже Оуэну позволили приоткрыть глаза и заговорить. На него обрушился свет, лучистая красота поля переполняла его, но внимание детектива, как по волшебству, было привлечено к сияющему лицу Амели, мило улыбавшейся ему.

— Теперь, — сказала она, — можно начинать сеанс. Атон с нами, он несет нам свет...

Оуэн хотел было заговорить, но почувствовал, что мозг у него оцепенел — ведь он не привык к такому длительному пребыванию на солнце. Звездный дождь, обрушившийся на него, продолжал падать и после того, как он закрыл глаза.

— Мы сейчас начнем, — продолжала Амели, — с чего-нибудь более простого. Тайна «Александрийского маяка» кажется мне хорошим упражнением для разогревания мозгов... Что вы думаете об этом, дорогой ученик?

— Да, если хотите... У меня есть одна идея насчет этой загадки, но лучше я послушаю вас.

— У меня тоже. Мне кажется, здесь все понятно, — сказала девушка с легким выражением сожаления. — Но рассмотрим проблему. Я читала и перечитывала вырезки из газет, которые мы собрали. Некоторые факты постоянно повторялись...

Александр Райли — закоренелый курильщик, выпивоха и болтун. Единственная определенная улика — это три пустые бутылки из-под виски.

— А в результате он сгорел при пожаре.

— Точно. При пожаре, вызванном керосином, который наверняка впрыскивался в бак маяка. Однако известно, что из-за состояния моря Райли находился на своем островке один более двенадцати часов — с трех часов пополудни и примерно до четырех часов утра следующего дня. Если мы рассмотрим эту задачу с практической точки зрения, отбрасывая существование человека-птицы или другого летающего существа, пожар, начавшийся с наступлением темноты, мог быть вызван только системой задержки, которую убийца должен был отключить самое позднее в три часа дня, до своего быстрого исчезновения. Заметим, что при всей правдоподобности происшедшего Райли был «нейтрализован» именно в это самое время... Однако следствием доказано, что он не был ни связан, ни прикован. Учитывая все эти данные, вспомним наши основные детали: болтливость, выпивка, пустые бутылки, керосин и сигареты...

Оуэн изобразил улыбку, вытирая влажный лоб тыльной стороной руки.

— Вы правы: представленная таким образом загадка решается сама собой. Некая симпатичная личность утром наносит визит хранителю маяка. Она принесла с собой кое-что, способное освежить горло и скрепить дружбу. У Райли нет никаких причин не доверять этому человеку. Оба выпивают, но если Райли с легкостью опустошает стакан за стаканом, то гость довольствуется только тем, что делает вид, будто пьет вместе с ним. К четырнадцати часам хранитель маяка сваливается мер-

Семь чудес
преступления

твецки пьяным. Он, конечно, не привык так напиваться во время работы, но поддался влиянию того ловкача, пришедшего напоить человека, склонного к пьянству.

— А затем, — продолжала Амели, — надо привлечь воображение. Теперь представим себе большой запас керосина в баке, продырявленном для того, чтобы оттуда тонкой струйкой вытекало его содержимое, которое попадало на тело хранителя, пропитывая его одежду. Представим также, что его подтащили к порогу двери, открытой морским ветрам. Его шея и волосы смочены виски, а этот запах, смешанный с морским йодированным воздухом, немного развеял запах керосина, текшего на него, пока он не пришел в себя. И какое первое желание испытывает заядлый курильщик, когда просыпается?

— Он закуривает сигарету...

— И Александрийский маяк вновь возродился! Мне кажется логичным, что после того, как он убедился, что заперт, Райли стал отчаянно звать к помощи извне!

— На его месте я бы бросился в море!

— Наш парень знал это место и прекрасно понимал, что вокруг маяка только скалы.

— ...Как острые клыки чудовища Сциллы. Вы правы, это отнюдь не лучше, чем огненное дыхание дракона Харибды.

— Ой-ой-ой! — воскликнула Амели, предостерегающе подняв пальчик. — Сегодня никакой греческой мифологии! Иначе мы вернемся к нулю!

— Конечно, конечно, как скажете, — ответил Оуэн, вытягиваясь к солнцу. — Что до меня, я готов к следующей загадке. Но должен поаплодировать вам, вы так просто все доказали, что окончательно меня убедили!

Урок второй

Роскошные каштановые волосы Амели сверкали на солнце. Локны шелковистым золотящимся каскадом падали на ее бронзовые плечи. Оуэн не мог отвести от девушки взгляда, а она тем временем указывала пальчиком на легендарный источник света, со словами:

— Солнечная лодка продолжает свой медлительный путь. Она качается на лазурных волнах и, как будто вонзаясь в них, продвигается вперед. Золотые лучи немного теряют свою яркость, но по-прежнему остаются живительными, продолжая питать разум восприимчивых учеников.

Что касается убийства в «храме Артемиды», или, точнее, убийства сэра Томаса, яркие детали этой трагедии подводят к некоторому итогу. Соревнования стрелков из лука, невероятное убийство из арбалета и несколько монет, найденных возле трупа, а одна из них в его руке. Жертва была убита стрелой из арбалета в спину, выпущенной с расстояния триста ярдов, что является настоящим рекордом и даже подвигом. Кроме того, положение стрелы указывает, что выстрел произведен с определенной высоты. Добавим к этому, что сэр Томас коллекционировал древние монеты. Сцена могла быть следующей: монеты падают с неба, а сэр Томас наклоняется, чтобы подобрать их.

— Вы знаете, Амели, я думаю, что уже разгадал эту загадку. Но, к сожалению, она не подводит нас к личности убийцы. Можно лишь сказать, что он прекрасно владеет арбалетом, скорее всего не будучи профессионалом, и что он очень дерзкий и отважный. Но это мы уже знаем.

— Какова тогда ваша точка зрения?

— Если придерживаться логики, самое близкое место, позволяющее совершить такой победо-

носный выстрел, — это одна из трех целей, на которых тренировались лучники. Рядом росло дерево и несколько кустов, которые позволили убийце незамеченным добраться до этого места, а затем также незаметно удалиться, совершив свое преступление. Дерево могло быть для него основным пунктом наблюдения, и, забравшись на него, достаточно было подождать, когда лучники пристреляются к целям и начнут собирать свои стрелы. Цели располагались в тридцати метрах от стрелков, а это хорошая дистанция для лучников, но она слишком коротка для стрельбы из арбалета. С этим оружием можно добиваться точности в несколько миллиметров при выстреле с двадцати пяти метров. Другими словами, попадание в кого-нибудь с тридцати метров является не подвигом, а просто ловким выстрелом.

Предположим, наш убийца ждал, что спортсмены сосредоточат свои выстрелы на самой удаленной цели — дереве, находившемся справа, тогда он смог бы незаметно перебраться на то, что слева, — это было, безусловно, очень рискованно, но вполне осуществимо. Он ждал благоприятного момента, чтобы прицелиться в свою будущую жертву, которая находилась в стороне от основных участников соревнования. В этот момент все участники поздравляли победившего стрелка. Все, кроме сэра Томаса. Его внимание было привлечено «золотым отблеском» в небе. Очевидно, речь шла о коллекционных монетах, подброшенных убийцей, который хотел привлечь внимание сэра Томаса, хотя один или двое его друзей еще раньше заметили эти «золотые отблески», которые были первыми безуспешными попытками убийцы. Он стремился к тому, чтобы блестящие монеты, покружившись в воздухе, обязательно упали к ногам сэра Томаса. И упали бы так, чтобы, поднимая их,

он нагнулся в сторону севера по направлению к целям. Мужчины, как правило, подбирая лежащий на земле предмет, наклоняются всем корпусом, не сгибая коленей, в отличие от женщин, которые приседают на корточки. Как только голова сэра Томаса склонилась к земле, его затылок оказался в прицеле арбалета, и убийца выпустил стрелу. Смертельно пораженная жертва выпрямилась, насколько это было возможно, а затем упала лицом вниз... Когда друзья повернулись к сэру Томасу, встревоженные криком, они увидели его лежащим на земле со стрелой в затылке и неизбежно подумали, что выстрел произведен с юга. То есть со стороны отдаленной изгороди, потому что там мог скрываться не замеченный ими преступник. Сильный и довольно странный наклон стрелы в затылке убитого вызвал множество версий, даже такую, что убийца прятался в облаках, или — самую правдоподобную — о навесной стрельбе. Все, кроме той, которую я только что высказал и которая, по-моему, является единственно возможным решением этой, казавшейся неразрешимой загадки.

— Браво, Оуэн! — воскликнула, заплодировав, Амели. — Вы оказали честь вашей собственной репутации. Ваше суждение безошибочно и совпадает с тем, что открыл мне Атон. Я думаю, теперь мы готовы взяться за следующий случай...

— У вас есть какая-нибудь идея?

— Признаюсь, нет...

— Очень хорошо. Но пока позволю себе изложить вам известные факты.

Урок третий

— Преступление «в висячих садах Вавилона», — задумчиво начал детектив. — Самый важный факт этого убийства, по моему мнению, со-

стоит в удивительном заявлении жертвы, сделанном незадолго до смерти. Она призналась, что боится места будущей трагедии — арки, украшенной цветами, потому что заметила на ней что-то вроде балкона, на котором какая-то царица из древних времен на мгновение закрыла солнце. Это заявление показалось мне особенно удивительным, поскольку таило в себе все психологические моменты преступления: дневное светило, покрывшееся дымкой, как и было написано в сообщении, цветущие балконы знаменитых висячих садов Вавилона и более того — легендарная царица Семирамида...

Из двух пока выбираем одно: либо эта дама говорила правду и мы должны ориентироваться на иррациональное решение, либо она лгала и сама была по меньшей мере соучастницей преступления. К сожалению, она стала жертвой. Вторая странность — бесспорно, ее подруга, следов которой так и не нашли. Может быть, это случайность и отсутствие профессионализма местной полиции, которая не выяснила ее имя и адрес. Но я бы добавил и вторую странность: несмотря на опубликованную в газетах информацию, освещающую трагическое событие, эта основная свидетельница больше не появилась!

Такое двойное совпадение кажется более чем подозрительным, и я склонен сомневаться в честности этой женщины. Единственные свидетели, два пожилых господина, Вогт и доктор Джобер, кажутся мне достойными доверия. Но даже если прислушаться только к ним, то склоняешься исключительно к невероятности, невозможности происшедшего. И мне кажется, что точка зрения обоих плюс их возраст дают достаточно оснований, чтобы с сомнением отнестись к их основным показаниям.

— А, следовательно, стоит вернуться к двум женщинам, — предположила Амели, прикрепляя цветок к волосам. — К их манерам и их внешности...

— Да, один из свидетелей подумал, что они вдовы, заметив женщин первый раз на скамейке. Он уточнил, что пришел к такому выводу из-за темного цвета их одежды. Но Мари Домон, казавшаяся более крупной, чем ее подруга, носила довольно заметную шляпу с цветами... Эту шляпу свидетели часто упоминали... хм... Если женщины были в сговоре, как мы предполагаем, они, весьма возможно, могли ввести в заблуждение двух стариков...

— Я напоминаю вам: мы исходим из принципа, что преступник действовал без сообщника, Оуэн!

— Ну что ж... Позвольте мне продолжить воспоминания о событии... Мисс Домон упала, явно сбитая с ног большим цветочным горшком... Подбегают свидетели, видят рассыпанную землю, цветы, два или три кирпича... Умиравшая еще была в состоянии пробормотать слова «царица» и «балкон»... Как будто для того, чтобы указать на виновную и привлечь двух мужчин к поискам возле арки, единственного тайника в окрестностях... Была также ее шляпа... Все это похоже на настоящую мизансцену!

— Скорее всего!

— А тем временем подошла ее подруга! Она склонилась над умирающей и заплакала, а Вогт и Джеббер стали осматривать самую высокую часть арки и места за колоннами...

— Они сообщили также, что в этот момент, незадолго до того, как они вернулись, оба услышали крик подруги жертвы, как будто эта подруга только что убедилась, что Мари Домон в данное мгновение испустила дух!

— Черт возьми, — воскликнул Оуэн, — думаю, я все понял! Ловкий фокус мог быть продемонстрирован в два счета. Виновная — подружка мисс Домон. Все началось с того, что она сама уронила большой горшок с цветами, потянув его за веревочку, привязанную заранее. Она вскрикнула, чтобы привлечь внимание и заставить свидетелей подумать, что ее ударил горшок. Мисс Домон склонилась над ней. А как только мужчины скрылись за колоннами, подружка схватила кирпич и с силой ударила мисс Домон по голове. Крик, услышанный свидетелями, безусловно, испустила настоящая жертва. Убийца вскочила, повалила подругу на землю и надела свою шляпу ей на голову. Virtuозно совершенный маневр занял всего-то несколько секунд. Затем убийца склоняется над несчастной и начинает плакать. Они просто поменялись местами. И сразу же или очень скоро женщина исчезла, предварительно сунув что-то под платье, чтобы казаться более полной, чем жертва, которой и оказалась несчастная мисс Домон. Игра была окончена. Оставалось только продолжить комедию, свести до минимума показания свидетелей этой драмы, чтобы сложилось впечатление обычного несчастного случая, а полиция так к нему и отнеслась. И убийце вполне удался ее замысел.

Амели вознаградила своего компаньона восхищенным взглядом:

— Ну что ж, Оуэн, вы превзошли самого себя! Расправились с тайной, как настоящий волшебник!

Детектив откашлялся, силясь, хотя и не слишком успешно, принять скромный вид.

— Так ведь это мое ремесло, и я привык сталкиваться с фокусами подобного рода. Но позвольте продолжить. Ясно, что самое важное — выбор свидетелей. Это тщательно подготовленное убийст-

во. Преступница знала, в какое время пожилые люди прогуливались, она также намеренно выбрала жертву — незамужнюю девушку с именем Мари, в соответствии с анаграммой послания. Я склонялся даже к кому-нибудь более молодому и отважному, однако на самом деле это персона среднего возраста, не слишком талантливая для представления комедии и гримирования, но она смогла изменить мнение обоих свидетелей. Преступница позаботилась о том, чтобы как можно больше походить на свою жертву, чтобы никто не смог их отличить. Настоящая трудность этой проделки в финальной ее части состояла в том, чтобы убедиться, что подруга — настоящая мисс Домон — немедленно прибежит к своей приятельнице, лежащей в притворном обмороке под аркой. Предварительно несколько взволнованных признаний в жанре таинственных преследований, странных угроз и перед предстоящей драмой высказывания типа: «Мари, дорогая, если меня постигнет несчастье, будьте рядом со мной для последней молитвы». Но эти детали мало что значат, и я уверен, что в основных чертах убийство совершено именно так, а не иначе!

Амели согласилась, а потом на лице у нее появилась легкая гримаса.

— Не знаю, почему, но у меня создается впечатление, что убийца — женщина...

— Говорить так, я думаю, вас заставляют образы этих двух женщин в черном. Тщательно замаскированный молодой мужчина в платье и шляпе легко был бы разоблачен обоими стариками. Я уже имел дело со злоумышленниками, переодетыми в женское платье. А теперь действительно чувствую себя в форме, чтобы взяться за следующую загадку!

Смеясь, Амели протянула руки к солнцу:

— Атон, чудо свершилось! Ты вливаешь свой свет в этого смертного, продли еще чудесное мгновение... Мы не будем злоупотреблять твоим великодушием... Спасибо, Атон всемогущий, тысячу раз спасибо...

Девушка запрокинула голову, и раздался чудесный смех, которым упивался все более порабощаемый ею Оуэн.

— Теперь мы изменим хронологический порядок, — произнесла она, — так как следующий случай весьма трудный. Я думаю, преступление «статуя Зевса в Олимпии» — самое восхитительное, Оуэн... Вы сумеете разгадать его?

Урок четвертый

— Честное слово, я попробую. В этом сенсационном убийстве меня заинтересовали две детали. Первая — все возрастающий страх доктора Линча перед грозой. Кажется, он стал бояться грозы два или три года назад, предвидя свою ужасную кончину. А вторая деталь — это дерево, расколотое молнией, очень кстати оказавшееся на пути убийцы, учитывая сообщение, посланное им, ведь преднамеренность преступления практически доказана. Но все это представляется мне очень странным! И я подумал об одной вещи, об этом самом дереве, так как вспомнил, что несколькими днями ранее в том районе тоже была гроза, хотя и не такая сильная. Мы предполагаем, что молния могла ударить лишь в это дерево, но расщепленный ствол не заметил сторож охотничьих угодий, который, я думаю, не каждый день обходит все уголки леса. Убийца, прогуливаясь в лесу, несомненно, в поисках подходящего места для своего будущего «чуда преступления», обнаружил расколотое отдельно стоящее

дерево, которое и приметил на случай следующей грозы — достаточно вероятной с учетом гнетущей жары. И занялся подготовкой мизансцены. Для этого было достаточно перенести сюда с соседнего дерева наблюдательный пункт, на который в подходящий момент будет посажена жертва, затем поджечь сооружение, чтобы все подумали, что это результат удара молнии, добавив в огонь немного сухих дров, а также керосина, потому что после ливней разжечь костер будет не так-то легко.

— До этого момента все понятно. Остается загадка жертвы.

— Я думаю и всегда так думал, каким бы невероятным это ни казалось, что убийца заманил жертву в подготовленное место.

— Можно сказать, что они были более или менее знакомы или даже сообщниками.

— В некотором смысле, да. Хочу сказать, что болезненный страх доктора Линча был всего лишь мистификацией, надувательством... Этот спектакль был задуман им три года назад... Хотя в такое довольно трудно поверить!

— Какой смысл доктору заставлять людей так думать? Постоянно уединяться, как только тучи начнут сгущаться, запирается на несколько часов подряд?..

— Чтобы сбежать от жены!

— Сбежать от жены? — удивленно переспросила Амели. — Но почему?

— Чтобы видеться с другой женщиной! — спокойно ответил Оуэн, а затем нахмурился. — Ходили слухи, что до женитьбы он был большим любителем женщин...

— Да, это так. Майкл, немного знавший его, говорил мне об этом после ссоры с ним. Но мисс Линч дала мужу понять, что если он не изменит

своего поведения, то она потребует от него возмещения денег от наследства ее отца, которое позволило ему открыть врачебный кабинет.

— И, не желая отказываться ни от своего положения, ни от своих любовниц, доктор Линч придумал эту странную фобию, чтобы позволить себе иногда освобождаться от жены на несколько часов! Черт возьми, это хорошо вяжется с концовкой дела! Сначала его план развивался без всяких помех, затем вмешался наш шантажист, у которого, вероятно, и было что-то общее с убийцей!

— Вполне возможно! Но, как говорил Майкл, слабость доктора Линча к женщинам ни для кого в клубе не являлась тайной. Это должно было запасть в душу убийцы, который стал подыскивать подходящую жертву для своего преступления под названием «статуя Зевса в Олимпии», и, приглядываясь поближе, он в результате раскрыл его тайну.

— Убийца начал с того, что стал шантажировать доктора, он легко мог заставить его совершить любую причуду, как, например, назначить ночное свидание в лесу при свете молнии и ударах грома. Что касается вывороченного замка в его хижине, я считаю, что это была часть маскарадных аксессуаров нашего женолюбивого доктора, который он повесил на дверь своего убежища на тот случай, если его жена в одну из грозowych ночей, в которые он будет отсутствовать дольше обычного, захочет взглянуть на его убежище!

— А может быть, это был какой-нибудь инструмент убийцы, — предположила Амели, — который он попросил у него в этот вечер, желая поджечь доски двери, чтобы жена подумала, что он боится стать жертвой преступника в соответствии с угрожающим сообщением, только что появившимся в газетах!

— Вот это действительно случай! — воскликнул Оуэн, шелкнув пальцами. — Черт возьми! Факты связываются совершенно замечательно! Мы знаем, что доктор Линч покинул свое убежище до трех часов ночи. Это более или менее тот самый момент, когда прекратился сильный дождь. Убийца заставляет его подняться по лестнице, избивает, душит, вкладывает в руку статуэтку позолоченного слона, берет заготовленный заранее хворост, обрызгивает все керосином и поджигает. А затем спокойно возвращается домой, никем не замеченный и не узнанный. В том случае, если приготовления были произведены заранее, в чем мы больше не сомневаемся, вся операция заняла у него не более получаса.

— Оуэн, вы великолепны! — вскричала Амели, бросаясь ему на шею. — Я восхищена вашим искусством дедукции!

Немного удивившись, детектив потерял равновесие. У него закружилась голова, и он вдруг заметил странную фигуру примерно в десяти метрах от них. На ней была белая одежда с черными пятнами... и пара рогов (без связи с супругой доктора Линча). Фигура сделала несколько шагов в их сторону, издав неодобрительный звук «му-у!».

— Уйдем отсюда! — бросил Оуэн, вставая. — Терпеть не могу воплощенной глупости!

Глава 25

На вершине холма два человека, не отрываясь, смотрели на восток. Перед ними открывался панорамный вид на английскую деревню, хотя в этот ранний утренний час, когда воздух был еще очень свеж, они как будто ничего не замечали. Все

их внимание было обращено на бледный рассеянный свет, возникавший из-за горизонта. Тишина была абсолютной, когда издалека раздался крик пехуха, который через некоторое время отозвался эхом. Но эти звуки никак не повлияли на спокойствие пары.

Большое молочно-белое пятно начало разрастаться и окрасилось в более теплые тона. Ночная пелена исчезала от соприкосновения с ним и, как по волшебству, утрачивала свои холодные цвета.

— Не правда ли, необыкновенно? — прошептала Амели.

— Это великолепно, — ответил Оуэн, положив руку на плечо девушки.

— Подождите, вы увидите, что за этим последует...

Некоторое время спустя на небе воцарились розово-оранжевые оттенки, разгоняя темноту. Затем появились золотой диск солнца и его тепло.

— Какое чудо! — воскликнула Амели. — Смотрите, розовые пальцы готовы распахнуть позолоченные двери востока!

— Это самый прекрасный спектакль на свете, — выдохнул Оуэн, повернувшись к своей подруге и увидев феерию утренней зари в ее восхищенных глазах.

— Атон перед нами, он готовится наполнить землю своей красотой...

— Несомненно, Амели... Я вижу перед собой воплощенную красоту...

— Он протягивает к нам свои руки, несущие Разум. Вы понимаете, Оуэн? Вы чувствуете его присутствие?

Детектив согласно кивнул, обнимая свою спутницу. Она не проявляла ни малейшего сопротивления, скорее наоборот, но ее большие светло-

карие глаза, в которых вспыхивали позолоченные отблески, были устремлены на дневное светило.

— Я думаю, скоро вы все поймете, Оуэн. Этот день должен стать праздником для нас, вечным праздником по образу жизненного цикла, повторяющегося на наших глазах с самого начала времен. Сегодня мы не будем говорить ни о чем, кроме нас самих и Атона, а вечером, когда его золотая лодка исчезнет за горизонтом, наш разум расслабится и наполнится божественной энергией, чтобы мы могли продолжить наше размышление о семи чудесах...

Урок пятый

Высокие меловые скалы Кента смотрели на пожар, занимавшийся за морем. Амели, сияющая и цветущая, держала Оуэна за руку, вдыхая теплеющий воздух, ласкавший ее лицо. Контрабасный рокот моря достигал их ушей уже слегка приглушенным, а гребни волн, умиравшие на песчаном берегу, окрашивались легким пурпуром при золоте вечера.

— Сегодня, — сказала она, — мы разгадаем загадку, пройдем еще один уровень трудностей.

— Преступление «Колосс Родосский», — предложил Оуэн, наклоняя голову.

— Вы помните основные детали этого дела?

— Конечно: отсутствие всяких следов вокруг хижины, кувшин с водой перед жертвой, умершей от жажды, и подзорная труба.

— Вы забыли две сломанные палки. Они, конечно, тоже имеют значение. Но что они могут символизировать? Тем не менее это просто черенки от лопаты, а значит, их место на складе садового инвентаря. Две палки, две толстые... *сломанные палки!* Они могли быть сломаны, очевидно,

Семь чудес
преступления

только одним человеком, то есть самим Родесом! Но почему он это сделал? И что бы это означало?

— Ярость, гнев, отчаяние...

— Отчаяние? — удивилась Амели. — Но почему? Перед ним была питьевая вода, и его никто не удерживал!

— Вы хотите сказать, что он добровольно наложил на себя это наказание?

— Следствие показало, что там не было никакого вмешательства извне. А значит, мы должны исходить из этого положения. Но, может быть, было бы более справедливым вернуться к личности этого человека...

— «Крепко сшитый», — усмехнулся Оуэн. — Куряка, выпивоха и ловелас...

— Который любил и умел бросать вызов судьбе! Вы помните, даже в газетах писали о некоторых его подвигах!

— Он что, остался умирать, бросив вызов самому себе?

— Это кажется невероятным для обычного человека, но для парня такой закалки и стойкости, как Родес? А если для него такая игра стоила свеч? Если, например, с ним поспорили, что продержись он три дня без воды, то в случае выигрыша получит что-то такое, чего желал больше всего? Впрочем, наличие этого кувшина, действительно, кажется мне символом вызова!

— Это правда, кувшин стоял перед ним для еще большего вызова, для провокации...

— И с определенной точки зрения, кувшин мог быть даже средством стимулирования! Конечно, в этих условиях обычный человек не смог бы долго сопротивляться, но такой человек, как Родес, само воплощение отваги, порвав-

ший со всем остальным, поставив на кон свою репутацию...

— Но ведь на кону оказалась его жизнь, которая дороже самой баснословной суммы денег.

— Вы правы. Я не думаю, что в этой истории речь шла о деньгах. А теперь вспомните о подзорной трубе и похотливости этого колосса...

— Я не знал его при жизни!

— А я знала! — ответила Амели, искренне смеясь. — И могу вам сказать, что когда он видел меня, его глаза горели от вожделения! И значит, эта подзорная труба...

— Я всегда думал, что присутствие там этого предмета что-то значило, она служила для того, чтобы высматривать что-то определенное... Его похотливый взгляд, говорите вы? А вы подумали, что здесь замешана юбка? Был вызов, ключ к которому... женщина, как награда за испытание.

— Женщина, в которую он был безумно влюблен и которая обещала ему себя только после этого испытания. Женщина, которая пользовалась властью своего очарования так, чтобы заставить трепетать сердце этого знаменитого донжуана, хотя он был не очень молод, но не сомневался в своей мужской неотразимости. Женщина, которая, чтобы побудить его к этому испытанию, один или два раза в день издали показывалась ему, так чтобы он мог наблюдать за нею с помощью своей подзорной трубы и восхищаться. Ее чары могли какое-то время поддерживать в нем жизнь. Именно это хорошо объясняет его ярость и неудовлетворенность, смешанные со страданием, которое он переносил, ломая черенки от лопат. Это кажется очевидным, если иметь в виду точно обозначенный срок, который он должен был выдержать до опре-

деленного момента, например до рассвета третьего дня?

— Только в том случае, если ее красота могла сравниться с вашей, Амели...

Девушка улыбнулась, а затем ответила:

— Видно, эта девушка не была лишена обаяния, и ее влияние на мужчин было велико, поэтому она довольно легко добивалась желаемого. Поведение таких жертв, как хранитель маяка или доктор Линч, хорошо это доказывает. А что же могло так легко заманить доктора Линча на ночное свидание под проливным дождем, если не обещанная благосклонность со стороны какого-нибудь божественного создания?

— Таких соблазнов могло быть сколько угодно...

— Хорошо, значит, мы можем перейти к следующему чуду... Но перед этим мне кажется важным подчеркнуть существенный аспект ее личности. Кроме красоты и таланта художника-преступника, она, кажется, одарена способностью предвидения. Безусловно, все это время удача была на ее стороне, и она учитывала фактор времени при убийстве своих жертв. Например, с офицером Родесом не случайным был выбор места преступления, принятие им обязательства после сильного дождя и долгий период наступившей жары при палящем солнце. Эта иссохшая, потрескавшаяся почва, позволившая детективам оценить отсутствие следов — такие детали были необходимы, обстоятельства преступления были интересны сами по себе, но надо признать, что эта личность большое значение придавала эстетике! А еще стоит признать компетенции этой особы в области метеорологии... Что еще раз подтвердится при убийстве Джона Брука.

Уроки шестой и седьмой

— Это один из самых сложных случаев, — пояснил Оуэн, который, прикрыв глаза, следил за положением солнца над волнами.

— Да нет же, нет! Для этого потребовалось совсем немного! Всего лишь чуть-чуть гибкости! Будущая жертва обычно уступала всем капризам той, кого он считал почти собственной дочерью!

Амели наклонилась к своему спутнику, который чувствовал ее теплое дыхание, когда она доверительно сказала ему тихим голосом:

— В тот вечер я пришла к нему в комнату после обеда. Я сказала, что поставила четыре палки в форме пирамиды, которую он заметил немного раньше, и если он готов сделать то, о чем я его попрошу, позже я объясню ему, что все это значит. Давно привыкший ко всем моим капризам, он беспрекословно подчинился и посадил меня на спину, как делал это, когда я была маленькой. Я не очень тяжелая, и вы это знаете, и глубина отпечатков его обуви не слишком отличалась от следов его собственного веса, и без того значительного. Прибыв таким образом к небесной сфере, я вонзила ему в спину кухонный нож, который прятала под своей жилеткой-болеро. Если вы помните, на мне тогда был костюм велосипедистки, чтобы быть более свободной в движениях для одного маленького гимнастического упражнения.

Прежде чем он упал в грязь, я успела ухватиться за балку перголы. Добравшись до самого верха этого сооружения, я зажгла лампу, которую прятала в листве, а затем кое-как укрылась в наиболее заросшей листьями и цветами начальной части прохода перголы. Потом пронзительно вскрикнула, и, как я и предполагала и уже приготовилась к этому, скоро прибежал Майкл. Он был взволно-

ван, так как подумал, что на меня напал Пол, затем его внимание привлекла лампа, которую я подвесила довольно низко на шнурке, на уровне небесной сферы, чтобы Майкл случайно не посмотрел наверх, где я тихонько лежала на брусьях перголы, а он в это время прошел подо мной. Как только Майкл оказался перед телом Брука, я соскользнула на землю и позвала его, быстро шагая к нему, как будто только что подбежала, следуя в нескольких шагах от него.

Это было совсем не трудно! А потом я внезапно упала, чтобы оправдать мой приход туда, откликнувшись на крик о помощи. Мне надо было сменить одежду, поскольку она вся была в грязи... И если бы Майкл не остался на том месте у перголы, он был бы заинтригован, заметив, что у входа в перголу мои следы таинственно исчезли! Затем я постаралась несколько раз пройти по дороге, чтобы запутать отпечатки моих следов среди следов всех, кто потом ходил по тропинке... особенно позаботившись о том, чтобы не наступать на следы, оставленные жертвой!

Оуэн, очень бледный, долго оставался неподвижным, пока не оторвал взгляд от заходящего солнца.

— Так, значит, это вы, — просто сказал он, — исполнитель всех семи чудес преступления?

— Ну конечно, дорогой мой! — ответила Амели, подходя к своему спутнику. — Кто другой смог бы все это сделать? Но позвольте мне объяснить вам последнюю загадку, последнее чудо, связанное с *магическими свечами*! Сейчас вы поймете, как легко я проделала этот трюк! Потому что, разумеется, это я их зажгла! И не было слишком большой хитрости, ведь я первая оказывалась на всех местах преступления! Я приготовила эти свечи, собрав необходимое количество огарков, чтобы все подумали, что они уже горели какое-то время. И мне понадо-

билось всего несколько мгновений, чтобы расположить их вокруг убитой девушки... Единственное, чего я опасалась, — внезапный ветер. Я знала, что к ночи наступит затишье, но все равно боялась, чтобы порыв ветра не задул несколько свечей... Ведь это могло нарушить эффектность мизансцены, и мне жаль, что это был финал!

— *Но почему, Амели? Почему вы совершили все эти преступления?*

— Только ради вас, Оуэн, дорогой мой! Ради вас и ради Атона!

ЭПИЛОГ

Последние слова мисс Долл странно отозвались в ушах Оуэна. Они были похожи на правду, но сердце детектива отвергало их. Его разум боролся, бушевал, как море, принимающее заходящее солнце.

— Посмотрите на Атона, Оуэн, — шептала Амели, приближая свое лицо к лицу детектива. — Почувствуйте нежное дыхание его губ, он открывает нам истину, приносит свет жизни... Это постоянное причастие через все поры нашей кожи, а также через невидимые силы духа. Вы и я, Оуэн, мы с вами — избранные, какими были в свое время Эхнатон и Нефертити, самая прекрасная пара Античности! И мы тоже будем такими, Оуэн, мы с вами образуем ослепительную пару, мы будем возжигать нашу любовь, чтобы распространить ее лучи на всех верующих...

Тонкие пальцы девушки ласкали затылок моего друга, чувствовавшего, как его куда-то увлекает нежность и непреодолимое влечение. Его мозг боролся, но постепенно слабел.

— Слушайте меня внимательно, Оуэн. Я уверена, что вы сейчас все поймете. Во время моего пребывания в Египте меня посетило великое откровение, — в тот день, вы помните, я говорила вам об этом, — когда меня поразила тяжелая

болезнь, которую все называют солнечным ударом. Я бредила долгие часы, видела, как у меня в голове все увеличиваются концентрические круги, и тоже думала, что умру от солнечного удара. Но вдруг во мне разлился странный и благотворный свет, смягчивший боль, связанную со смертью моего отца. Только потом я это поняла. Я была избрана Атоном. Атон, божественный Атон, нес мне свой благодатный свет, свою красоту все время, пока я прогуливалась по берегам Нила. Я была еще слишком юной, чтобы верно истолковать все произошедшее, но постепенно это прояснилось и стало явным, когда членов нашей археологической экспедиции почти силой заставили участвовать в ритуалах кочевников. Я считала это замечательным развлечением, таким захватывающим, таким опьяняющим...

Мне было очень грустно, когда мы вернулись в Англию. Это было прощанием с небом Египта, а также почти и с Атоном. К счастью, у мистера Брука и его друзей возникла идея создать клуб Гелиоса. И после этого, постепенно, в процессе наших собраний я осознала то самое откровение Атона. Я была избранной, он передал мне свою красоту, я осознавала это все больше и больше. Но священнослужители клуба, мистер Брук и сэр Томас, были всего лишь низкими самозванцами, и вы тоже это знаете. Они лишь медленно, но верно, как яд, разрушали веру наших последователей. Мы управляли клубом втроем, но иерархически я была на последней позиции. И очень скоро поняла, что, если хочу спасти наших верующих, мне надо просто-напросто устранить этих двух жрецов. Их присутствие мешало мне, так как даже если бы они добровольно уступили мне первенство в клубе, то все равно продолжали бы наносить безмерный вред своим сарказмом, своим святотатством. А значит,

Семь чудес
преступления

они должны были исчезнуть. Но очевидно, что такое целевое убийство, даже при всей ловкости его исполнителя, неизбежно привело бы к подозрениям на третьего жреца клуба Гелиоса... то есть на меня. И тогда я задумала совершить серию загадочных преступлений, чтобы замести следы.

Чем больше я думала, тем больше эта мысль казалась мне соблазнительной и оригинальной. Я решила совершить серию как бы *попарных* преступлений. Постепенно возникла идея создать связи между «вспомогательными» и «необходимыми» жертвами, чтобы запутать полицию, заставить ее думать, будто это просто хитрость убийцы, а значит, направить на ложный след.

Это была хорошая отправная точка. Но избранница Атона, богиня красоты, должна была действовать артистично, совершать что-то действительно необыкновенное. И именно вы, Оуэн, дали мне идею о семи чудесах преступления на одной из ваших лекций по искусству. Я уже была покорена вашей личностью, вашей известностью, но вы меня совершенно очаровали вашим талантом и художественной восприимчивостью. В какой-то момент вы вспомнили о семи чудесах Античности, чтобы подчеркнуть контраст с безобразностью нашего века, и поэтому я приняла идею этих семи божественных преступлений. Эти семь преступлений совершались в вашу честь, но в первую очередь диктовались желанием бросить вызов вам, Оуэн, чтобы привести вас ко мне. Потому что в тот день я поняла: если кто-то и должен находиться рядом со мной, чтобы помочь мне в осуществлении великого замысла, то таким избранником могли быть только вы.

Дальнейшее достаточно легко предугадать. Я приложила все усилия, чтобы мистер Брук пригла-

сил вас на рождественскую вечеринку. Вы же знаете, мне нет равных в умении внушить людям идею, которая не витает в воздухе. Особенно мужчинам. Они так часто волнуются, когда я разговариваю с ними...

Даже бедный мистер Брук. Он и не вспомнил, что именно я посоветовала ему разровнять землю вокруг «Ворот в потусторонний мир» — это было необходимо для его же убийства. Кроме того, ведь это я спровоцировала ссору между Полом и Майклом, подготовив ее в мельчайших деталях. Что касается главного вызова, брошенного мною на вечеринке, о семи чудесах преступления, которые они должны были совершить, чтобы завоевать меня, кто кроме меня смог бы организовать дискуссию на эту тему? И фраза «Вы меня любите? Это радует, ну а теперь...» предназначалась для ваших ушей, была обращена именно к вам, Оуэн! В какой-то момент я даже подумала, что вы не уловили смысла моих слов, так как после совершения первых двух преступлений мне показалось, что вы реагировали не так, как следовало бы! Я даже напомнила вам свою фразу, послав ее курьером, чтобы вы побыстрее начали расследование этих семи преступлений, так любовно содеянных солнечной девой для ее избранника, блистательного Оуэна, короля дедукции!

Оуэну казалось, что он видит сон. Безумный сон — чудесный и одновременно ужасно трагический. Отвращение к убийце охватывало его постепенно, маленькими толчками потрясения, подавляемыми нежными прикосновениями его спутницы. Наконец он обрел дар речи и заговорил почти машинально, чтобы оправдать честь, которую она оказала, выбрав его.

— Признаюсь, я все-таки думал об этой серии преступлений и о некоторых важных для убийцы

жертвах, отбросив в результате большинство тех, которые казались мне немотивированными.

— Любопытно узнать, дорогой мой, чем вы руководствовались при этом?

— Анаграммами. Потому что вы должны были тщательно выбирать ваших жертв, чтобы согласовать буквы их имен с названиями соответствующих чудес света. Смотрите, какое необыкновенное совпадение: имена ваших первостепенных жертв были зашифрованы более тщательно! Таким образом, напрашивается вывод: жертвы с именами-анаграммами, которые легко разгадать, считались второстепенными. АЛЕКСАНДР РАЙЛИ, МИСС МАРИ, офицер РОДЕС и мисс АНАГИС КАРЛ — в этом чувствовалась некоторая натяжка. Оставались сэр Томас, доктор Линч и Джон Брук. Среди них только второй не имел связи с двумя другими, которые были знакомы друг с другом и могли считаться необходимыми жертвами. Именно это соображение привело нас в клуб Гелиоса и к вам лично. Но, честно говоря, признаюсь: я не был уверен в своем предположении.

— И все же вы правильно подумали, Оуэн! — восхищенно воскликнула Амели. — Никто бы не догадался!

— Я полагаю также, что вы не должны были направлять ваш талант, ваши умение и ловкость на то, чтобы внушать свои идеи людям и поддерживать взаимные подозрения у ваших двух основных обожателей — Майкла и Пола. И особенно подводить первого к тому, чтобы он пришел ко мне и обвинил своего соперника...

— Это было довольно легко. Я указала на них прилюдно, при всех гостях, во время этой вечеринки, как на потенциальных подозреваемых в будущих преступлениях. И оба в результате нача-

ли подозревать друг друга. Хватило лишь нескольких удачных замечаний, чтобы превратить их сомнения в уверенность. Вы знаете, это совсем несложно, просто нужно найти подходящие слова... Как, например, для доктора Линча, который стал подозревать Майкла в шантаже, после того как я сообщила ему о внезапной расточительности моего друга. И сразу же последовала стычка в пабе. Эта деталь моего плана не была необходимой, но ссора с мистером Линчем привела к тому, что подозрение пало на Майкла, как я и предполагала.

Но, кстати, Оуэн, скажите, нравятся ли вам мои хитрые уловки? Например, «картина», доставленная прямо в полицию? Между нами говоря, я передавала все послания через посредников, каждый раз разных. Через уличных мальчишек, которые готовы сделать все что угодно за кусок хлеба, у меня был большой выбор! Конечно, кроме последнего случая, когда я лично отнесла ее в Скотленд-Ярд! Эти «картины» должны были безусловно указывать на Майкла, а также на Пола, который тоже мог бы действовать подобным образом, чтобы подозрение пало на его соперника. А разве не забавна такая чехарда подозрений, направляемая то на одного, то на другого? Заметьте также, что удостоверив алиби Майкла в убийстве доктора Линча, я и от себя отвела подозрения. Так же, как и при убийстве Джона Брука! После этого я окончательно оказалась исключена из числа подозреваемых и играючи могла бы разрушить алиби Майкла, чтобы снова внести его в этот список!

Но финал, признайтесь, был грандиозен! А письмо, которое вы как будто мне прислали, считающееся уловкой убийцы, составной частью его плана! А мои душераздирающие крики над трупом последней жертвы, окруженной тридцатью

шестью свечами! Я стояла на коленях, в грязи, в моем прекрасном голубом атласном платье! Я сделала это намеренно, чтобы казаться очень женственной, хрупкой, утонченной, наивной — словом, антиподом образа, связанного с жестоким неуловимым убийцей, его невероятной изворотливостью. Я даже позволила себе после объяснений по поводу письма утверждать, что не зажигала свечей! Я могла бы написать об этом в письме и притвориться, что подчиняюсь всем приказам, — это было гораздо менее рискованно!

— Вы играли с огнем, Амели...

— Я люблю опасность, люблю играть с темными силами, летать над зияющей пропастью, пренебрегая риском! Потому что я ничем не рискую, находясь под защитой Атона! Вы еще не поняли меня, мой дорогой?

— Вы могли бы проколоться неоднократно, если бы я не ходатайствовал в вашу пользу, как, например, когда вы лжесвидетельствовали и даже в истории со свечами...

— Но я знала об этом, Оуэн! Я знала, что вы хотели мне помочь! Знала об этом после чудесной партии в шахматы, которую мы только что сыграли с вами! И вы не можете сказать, что я вела нечестную игру. Я предоставила вам все необходимые улики! Я сделала даже больше, дав вам определяющие доказательства, как, например, преобладающий оттенок, о котором вы столько раз говорили, и это — цвет солнца, золото Атона! Атона, который создал меня и дает мне все для жизни! Во имя него я совершила все это! Разве он не был вездесущим во время вашего расследования? Он присутствовал, если можно так сказать, при каждом преступлении! Вы не можете не ощущать его ослепляющего света! Сама истина постоянно была у вас перед глазами!

— Ослепляющая истина, — пробормотал Оуэн, чувствуя, как у него все сильнее сжимается горло. — Теперь я знаю, почему я не заметил, какой ослепительной она была... *Красота, как и солнце, когда оно появляется, мешает видеть все, что ее окружает...*

— Что вы говорите?

— Что вы прекрасны, моя дорогая, вы слишком прекрасны... И вы меня совершенно ослепили...

— Я принадлежу вам, Оуэн, и только вам, навечно! Но вы кажетесь грустным! Вы плачете?!

Оуэн вытер слезы рукавом левой руки, правой крепко прижимая девушку к себе.

— Посмотрите туда, Амели, за самый горизонт моря, сейчас исчезнет Атон...

— Я вижу... Это великолепно...

— Он сейчас исчезнет и больше никогда не вернется...

При этих словах Оуэн внезапно выпрямился и пошел прочь быстрым шагом.

— Оуэн, дорогой мой, что вы делаете? — закричала Амели, совершенно ошеломленная. — Вернитесь!.. *Куда же вы? Вернитесь, любимый!..*

— Атон исчез навсегда, — в последний раз произнес мой друг изменившимся голосом, и его силуэт растворился во мраке.

В конце августа прогуливающиеся дачники обнаружили на берегу, у самого подножия утесов, изуродованный труп Амели Долл. Что это — самоубийство или несчастный случай? А поскольку не было найдено никаких улик, возобладала последняя версия.

У меня никогда и в мыслях не было, что мой друг Оуэн мог быть непосредственно ответственным за это хладнокровно совершенное преступле-

ние. Клянусь жизнью и честью, утверждая, что такой эстет, как он, никогда бы не смог решиться на обдуманное убийство той, которая олицетворяла в его глазах Красоту. По тем же самым причинам он не мог передать ее в руки правосудия. Кроме того, он не сообщил о своих выводах ни властям, ни кому другому — кроме вашего покорного слуги, — и то под предлогом, что у него нет никаких реальных доказательств. И я оставляю читателю судить об эпилоге, представленном здесь, а также о степени безответственности виновной.

Амели унесла с собой свою ужасную тайну, и я не могу не сравнить конец этого прекрасного падшего ангела с падением Икара, который сжег свои крылья в лучах... *Атона*.

Содержание

Часть первая. ИКАР.....	7
Часть вторая. НЕТЕР.....	110
Часть третья. АТОН.....	221

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Альтер Поль

СЕМЬ ЧУДЕС ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Роман

Ответственный редактор *Е. Булгакова*

Художественный редактор *Е. Фрей*

Технический редактор *Н. Духанина*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гулзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.06.2018. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж экз. Заказ №

ISBN 978-5-17-105954-5

